

R 10335/2
1962 /
№ 7-9

УДК 62-72
62-72

10335
962/2

10335
962/2

10335
/2

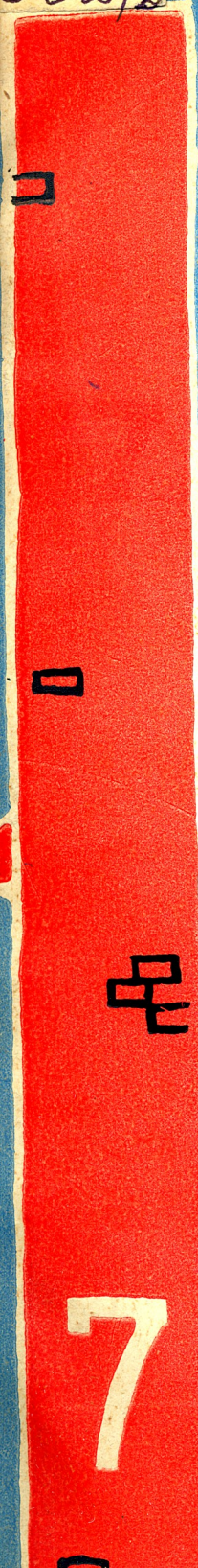
57

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

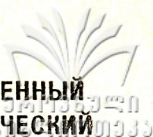
1962

7

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
Год издания шестой

С О Д Е Р Ж А Н И Е

- АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Современник. Стихи. Перевод с грузинского Вл. Соколова 3
- ВАХТАНГ ЧЕЛИДЗЕ. Жизнь без конца. Биографический роман. Авторизованный перевод с грузинского Б. Гасса. Продолжение 5
- ШОТА АКОБИА. Новые стихи. Переводы с грузинского М. Вершинина, Е. Евтушенко, Э. Гольдернесса 17
- АЛИО МИРЦХУЛАВА. Руставская симфония. Драматическая поэма. Авторизованный перевод с грузинского А. Кузьмичева 20
- ИЛЬЯ МУХАДЗЕ-ДУБИНСКИЙ. Из самых близких Ленину. Документальная повесть. Продолжение . . . 59

ОЧЕРКИ

- ВЛАДИМИР ОСИНСКИЙ. Три дня одной жизни 67

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

- СЕРГИ ЧИЛАЯ. Сандро Шаншиашвили 72
- ПРОКОФИЙ РАТИАНИ. Грузинские шестидесятники и российское освободительное движение 77
- БОРИС ПИРАДОВ. Горький и грузинские писатели демократической школы 85
- АЛЕКСАНДР ХМЕЛЬКОВ. «Кавказская краснознаменная» 86

См. на обороте

И Ю Л Ь
1 9 6 2

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

ДАВИД ШУГЛИАШВИЛИ. Неизвестная статья Я. Ге-
гебашвили 88

ИСКУССТВО

СОФЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ. Конфликт и бесконфликтность 92

ДРУЖБА ЖИВЕТ В СЕРДЦАХ. Фотоочерк I—VIII

Обложка работы худ. Р. Кони.

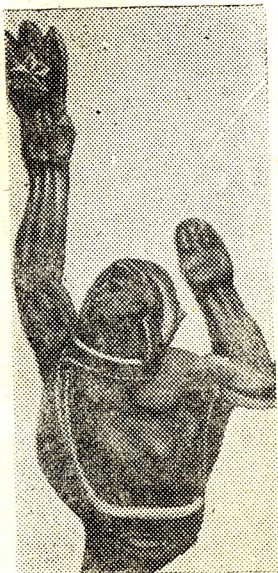
Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ,**

Заместитель редактора Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-44-08

Алеко Шенгелиа

СОВРЕМЕННОК

Пионер Космоса
Скульптура
Э. Неизвестного

Юрию Гагарину

Как промельк поезда вдоль рощи заповедной,
Как стук колес, что тут же тает в тишине,
Так наша с вами жизнь—твердили мне—мгновенна,
Так радость коротка — доказывали мне.

Как путь далекий, что в долине ненадолго
Нам вспышкой озарит идущая гроза,
Так — мне твердили — жизнь мгновению подобна:
Одна улыбка лишь, одна слеза.

Подарит бабочку рассвет цветам и травам —
Закат уж свел на нет ее житье-бытье.
Лишь день она живет, в нем бог ее и дьявол,
И этот краткий день — весь долгий век ее.

Но слышал я и то, что за чертой вселенной,
Где блещет Млечный путь, где звезды свет роят,
В движении пространств, в той высоте надменной,
Жизнь человеческая долже во сто крат.

Но даже если б жизнь была в сто крат длиннее,
Все так же человек считал бы, что — мала.
Земная наша жизнь, вот что всего важнее
Для нас, земных людей — борьба ее, дела.

Наверно, в дебрях звезд другая есть природа,
Счет времени другой. Но всей своей душой
Пред колыбелью человеческого рода
Я низко кланяюсь — перед Землей.

Как за орлом птенцы, так за ее полетом
 Должны мы следовать и крыльев не ронять.
 Учась у ней, лететь к неведомым высотам,
 Чтоб космос разумом и волею обнять.

Вы говорите: ни заката, ни рассвета
 В теченье жизни нашей толком разглядеть
 Не успеваем мы...

Но что твердить про это,
 Когда тобой и мной рожденная ракета
 За миг один столетье может пролететь.

Мы жить должны неутомимо и нескучно.
 Деянья славные! Для них отрадно жить.
 Должны мы вовремя раскрыть небесный купол,
 Чтоб время, правившее нами, победить.

Тем, что загадочные атомные недра
 Смогли познать земные смелые умы,
 О, тем, что совершен прыжок отважный в небо,
 Определили, победили мы.

Ты, друг, носитель гордой мысли человеческой,
 Встающий в Дубно к пультам рано, на заре...
 Ты, штурмовавший небеса, расправив плечи,
 Чтоб их приблизить еще более к земле!

Горжусь тобою я, тебе пою! Отныне
 Как бесконечность, будет жизнь твоя длинна.
 Приблизил ты, освоив своды неземные,
 Все расстояния к себе, все времена.

Земля! Ты, как корабль, безмерность рассекаешь.
 Твой груз — свершения и лучшие мечты.
 Плывешь. Летишь. Весь мир лучами озаряешь,
 Мать жизни, мысли мать, моя Отчизна, ты.

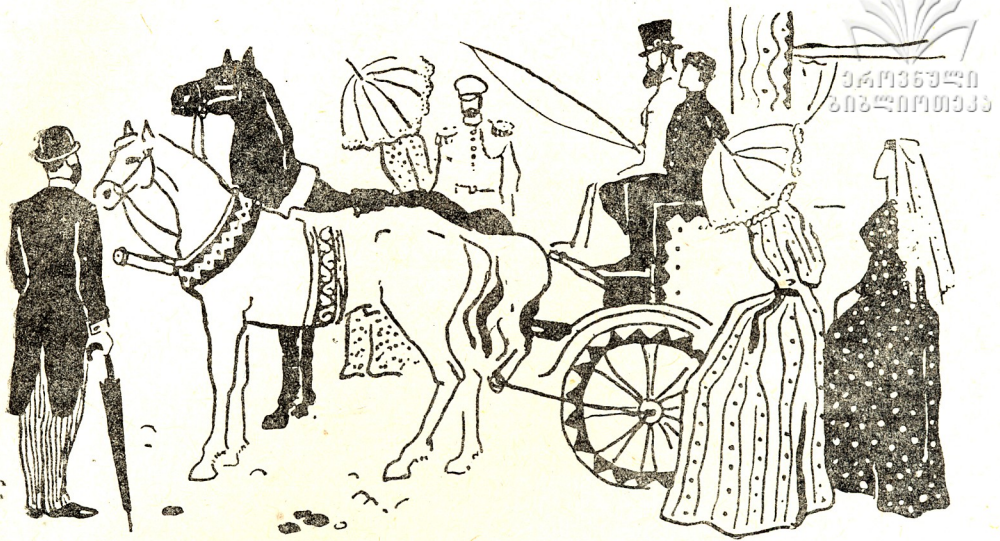
Я рад, что я принадлежу родному миру.
 Сияют сонмы звезд завистливо над ним.
 Пусть где-то есть миры иные. Сердцу мило
 Жить этой жизнью, быть крылатым и земным.

В потоке дней его и жизнь моя струится.
 Что ж из того, что час придет последний мой.
 Зеленой почкой я сумею возвратиться
 На землю милую зеленою весной.

Хвалу земле пою, работник, а не зритель.
 Седьмое небо эхо шлет в ответ.
 Земли хозяин, неба повелитель,
 Наш вечный человек, прими привет!

Перевод с грузинского Вл. Соколова.

Вахтанг Челидзе

ЖИЗНЬ БЕЗ КОНЦА

БИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

Авторизованный перевод с грузинского Б. Гасса

Рис. Р. Кон

To see — видеть

To hear — слышать

...пора, пора!

*У паруса сидит на шее ветер,
И ждут тебя*

Гамлет

С сабурталинского подъема Тбилиси казался охваченным пламенем. Кольцо костров оцепило город. Зоркий глаз мог заметить снующие у огня черные силуэты. В ночи слышались возгласы, перебранка, мычание быков, рев ослов, скрип телег. Люди сустились, скандалили, матерно руга-

лись. Арбы не могли развехаться на узкой дороге, и вооруженные прутьями погонщики срывали зло на скотине.

Наспех построенные на Бере несколько кирпичных заводов не могли управиться с потребностями городского строительства. Старый Тбилиси уже не умещался в границах и, словно вырвавшаяся из запыды вода, растекался во все стороны.

Наши путешественники поднялись на Сабуртало и увидели ночной Тбилиси в окружении действующих вулканов. Заводские печи извергали огонь. Зачарованный этим зрелищем Ваню не мог произнести ни слова. Было поздно, и аробщик предложил, не устраивая отдыха, спуститься в город. Уставшие буйволы шли нехотя,

Продолжение. Начало см. в журнале «Литературная Грузия» № 6, 1962 г.

и аробщику приходилось подгонять их то лаской, то прутом.

Миновав Верийский мост, тамарашенцы выехали на Почтовую улицу.

Только темнота напоминала о том, что сейчас глубокая ночь: здесь не спадала дневная суета. Арба завернула направо, к Головинскому проспекту, который спал спокойным сном. Редкие фонари бросали слабый свет на мостовую. Выстроившиеся по обе стороны дороги деревья устало перешептывались. Проснувшийся от скрипа арбы сторож с упреком посмотрел вслед странному путешественнику и вновь уперся подбородком в грудь.

Арба свернула в сторону от проспекта, миновала Ереванскую площадь и юркнула в узкий переулок, ведущий к Солдатскому базару. Вскоре она остановилась у покосившегося трухлявого домика, в котором снимал комнату Георгий Мачабели.

В те годы Тбилиси рос со сказочной быстротой. Параллельно Головинскому проспекту, вниз по течению Куры, строился Михайловский. Крепостные, сбежав от помещиков в город, нанимались за самую мизерную мзду — так что рабочая сила была дешевая. Днем и ночью не прекращалось строительство. Рабочие на спинах таскали кирпичи, известь, камни. Возникали новые районы, улицы, дома. В городе насчитывалось уже около двух тысяч торговых предприятий и двухсот фабрик и заводов. Население Тбилиси выросло до 70 тысяч.

Шла оживленная торговля. Купцы разных наций съезжались сюда из многих стран света. Они раскладывали на базарах всевозможные товары. С каждым днем крохотные караваны верблюдов вытеснялись фургонами, нагруженными доверху шелками, коврами и тканями. Особенно много товаров прибывало из России и европейских стран. Они переправлялись на огромных кораблях в Потти, оттуда речным путем до Орпири и, наконец, погружались на арбы, фургоны... Это было сопряжено со столькими трудностями и расходами, что доставка из Европы до Потти обходилась гораздо дешевле, чем от Потти до Тбилиси. Однако и барыш был столь велик, что эти трудности не могли остановить ловких предпринимателей.

Сейчас рядом с купцом в чалме и окрашенной хной бородой щеголяли в своих модных костюмах европейцы с чисто выбритыми подбородками. Население Тбилиси стало таким пестрым, что случайный путник мог подумать, что попал на карнавал.

В гомоне тбилисского базара можно было уловить русские, грузинские, армянские, французские, персидские слова. Это было какое-то смешение языков, причем каждый из этих языков искажался.

Мелкобуржуазное население Тбилиси и дворянство были недовольны столь мощным вторжением в жизнь Грузии капитализма. Одним из проявлений этого недовольства явилось цеховое восстание 1865 года. Непосредственным поводом послужило введение новых налогов. Возмущенные цеховые мастера вначале вступили в заговор, который перерос в восстание или, как писал Нико Николадзе, «началось ложью (имеются в виду лживые заявления царизма) и кончилось кровью». Это восстание нашло отклик и в русской прессе, а «Колокол» Герцена посвятил ему целый ряд статей.

Видный грузинский общественный деятель Георгий Церетели в одном частном письме так описал события тех дней:

«...в Тбилиси страшный переполох. Восставшие сожгли дом городского головы и разграбили все его имущество. Надо сказать, что он еще «хорошо» отделался. Помощника его вздернули на виселице... Вся Грузия волнуется. Как видно, этим делом не кончится».

Маленький Ваню был свидетелем еще одного события.

Целую неделю в городе происходит что-то странное. Люди собираются кучками и горячо спорят. Даже в будние дни город бурлит, наполнен шумом, как в праздники. Все ждут чего-то нового. По случайно оброненным в его присутствии словам и общему возбуждению Ваню понимает, что люди ждут манифеста. Того самого манифеста, слухи о котором не давали спокойно спать его бабушке, Свимиону Мачабели. Мальчик с удивлением наблюдает за отцом, который не только не огорчен, а даже, напротив, ведет какие-то переговоры. Он бежит от дома к дому, чувствует себя

в этом переполохе, как рыба в воде. Разве мог понять маленький Ваню движения души и соображения его легковверного отца. Георгий слышал от кого-то, что после отмены крепостного права помещикам вышлатят деньгами за крестьян, и сейчас жил надеждой на это.

Настал долгожданный день. С раннего утра народ начал стекаться к Гунибской площади. Стар и млад — все высыпали на улицу.

Вот идет одетый по-праздничному в чоху и архалук князь. На широкой груди его сверкают медали. Князь держится с достоинством, даже не смотрит по сторонам. Вдруг он останавливается и грозно дыкает на кинто, который уставился наглыми глазами на его супругу — такую же чопорную, с высоким головным убором. Кинто, будто и не случилось ничего, поправляет на голове корзину с фруктами. Но как только княжеская чета скрывается за поворотом, корчит такие гримасы, что толпа отвечает ему дружным хохотом.

Одиноко стоит хилый иностранец в очках и с зонтиком под мышкой. По всему видно, это учитель латинского языка. Он удивленными глазами смотрит на все в этом азиатском городе. Вначале его поразил наряд княгини. Затем смутил рык ее супруга. А когда начал кривляться кинто, то иностранец просто не знал, куда деться.

Появилась группа мелких торговцев. Они громко спорят, что-то считают по пальцам, часто повторяя: «Вах! Вах!»

Городские чиновники идут обычным мерным шагом. Лица их ничего не выражают: ни радости, ни огорчения, ни удивления.

Площадь все наполняется людьми, гудит. Вскоре проезжают на дрожках и в каретах генералы, знатные господа, высшие чины города.

На забитой людьми площади стало так тихо, что можно было услышать полет мухи. Манифест «был прочитан в торжественной обстановке и при звоне колоколов», — писали на следующее утро газеты. Всю ночь напролет кутили, веселились горожане. Не смолкая, играла зурна, гремели барабаны, разносились по улицам песни. Кутили где только было можно — во дворах, на площадях, в са-

дах, на берегу Куры, у церковных оград...

* * *

Ваню не сразу поступил в гимназию. Он целый год готовился к экзаменам, особенно налегая на русский язык. В деревне Ваню не слышал русской речи. Сейчас же Васику просто диву давался, как мог этот мальчик в течение каких-то нескольких месяцев так овладеть языком.

По милости отца жили они в нужде, в вечной боязни за завтрашний день. Часто Ваню подбирал на улице листки бумаги и на них готовил задания. Георгия это мало волновало. Он целыми днями пропадал где-то, а ночами кутил в духанах.

Результаты экзаменов превзошли все ожидания. Такого успеха не ожидал ни сам Ваню, ни его брат и даже их беспечный отец.

Ваню с таким блеском выдержал испытания, что его посадили прямо во второй класс и как особо одаренного взяли на государственное обеспечение.

Настал долгожданный день: перед мальчиком открылись двери гимназии, которая представлялась ему светлым храмом. На самом деле она ничем не отличалась от всех заведений этого типа, хорошо известных читателю по книгам Акакия Церетели или Помяловского.

В гимназии, где учился Ваню, для лучшего усвоения языка существительные и предлоги рифмовались как стихи и зазубривались наизусть. Не отставали от словесников и преподаватели географии. Они переняли опыт коллег и заставляли детей механически заучивать названия государств, островов, рек...

Вот, например, как запоминали гимназисты острова Северной Америки:

Куба, Ямайка — знай-ка,
Порто-Рико, Гаити — не забывайте.

Но и в этом царстве лжи и невежества были настоящие, преданные своему делу педагоги. Скольким юношам пробуждали умы и зажигали свет в глазах такие учителя, как Яков

Гогешвили, Нико Ломоури, Нико Цхведадзе, Василий Барнов... Они сеяли семя добра, учили молодежь любить людей, уважать труд, не жалеть и самой жизни для блага отечества.

Таким педагогом был и Петре Умикашвили. Преподавая в гимназии грузинский язык, он знакомил учеников не только с классической грузинской литературой, но и с народными стихами, с творчеством современных писателей. В те годы он собирал фольклорный материал и давал задание детям записывать услышанные в деревнях легенды, сказания.

Страстный патриот грузинского языка и литературы, Умикашвили собирал способную молодежь в кружок, где они вечерами разбирали новые книги, беседовали о литературе и искусстве.

«Сегодня вечером, — читаем мы в дневнике Умикашвили, — собралась у меня молодежь... Под конец я предложил ребятам перевести с русского языка какой-либо рассказ, особенно понравившийся им».

Многим обязан чуткому воспитателю Ваню Мачабели. Заметив в гимназисте незаурядные способности, Умикашвили предложил ему перевести главу из одной повести. Кто знает, может этому первому поручению учителя мы обязаны тем, что через много лет на грузинском языке появились блестящие переводы Шекспира!

Ваню с пылом взялся за работу. Он перевел втрое больше заданного ему текста. Умикашвили похвалил мальчика за старание, но в то же время на примерах показал, какого усердия и, что самое главное, знания языка требует переводческое дело. Первый редактор переводов Мачабели, Петре Умикашвили, с особой чуткостью разобрал «пробу пера» начинающего литератора и дал правильное направление его таланту. Исправив ошибки и погрешности в стиле, он приписал красным карандашом: «Лучше перевести меньше, но вдумчивей».

Среди одноклассников Ваню был самым младшим и в то же время самым подвижным, неутомимым. Товарищи любили шустрого Ваню, не давали его в обиду.

В те годы только и было разговоров в гимназии, что об Илье Чавчавадзе. Юноши с трепетом следили за развернувшейся борьбой, чувствовали, что в духовной жизни общества происходило что-то значительное. «Сакартвелос моамбе» переходил из рук в руки, зачитывался до дыр. Опубликованные на страницах этого журнала статьи находили горячий отклик в сердцах юных гимназистов. Каждый номер «Сакартвелос моамбе» открывался эпиграфом, напечатанным на титульном листе: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее уже становятся мягки и пускают листья, то знайте, что близко лето». И это лето наступало, чувствовалось его живительное дыхание. Мальчики видели себя в грезах соратниками Ильи в борьбе за счастье народное. Юные мечтатели уже с видом зрелых людей рассуждали о Чернышевском, Добролюбове, Герцене. Это был период общего оживления. Реалисты и материалисты-шестидесятники будили лучшие чувства. В культуре начинался общий подъем.

Ваню заповсем читает книги. Он буквально знает наизусть последние номера журнала Ильи Чавчавадзе «Сакартвелос моамбе», в котором печатаются лучшие произведения грузинских, русских и европейских писателей. Ваню уже прочел «Героя нашего времени» Лермонтова, «Горе от ума» Грибоедова (в переводе Г. Эристави), произведения Гюго, статьи Белинского и Добролюбова, письма Прудона и многое другое. Его брат приносит из библиотеки русские книги, и Ваню жадно набрасывается на них.

Четырнадцатилетний юноша стремится «опередить время», он читает даже такие серьезные вещи, как трагедии Шекспира. Может, он уже и мечтает по ночам о переводе гениального английского поэта. Может быть...

Вскоре после поступления Ваню в гимназию его брат уехал на учебу в Петербург, но и из далекого «северного города» он руководил образованием Ваню. По его настоянию Ваню берется за изучение иностранных языков, делает немалые успехи.

Акакий Церетели пишет в своих воспоминаниях: «Когда я вернулся из России, то при первой же встрече

с друзьями услышал о братьях Мачабели, которые подаю большие надежды. Особенно хвалили младшего: «Он одинаково хорошо знает как древний, так и новый грузинский язык, — говорили все в один голос. — К тому же удивительно легко усваивает предметы и иностранные языки».

А семья Мачабели по-прежнему еле сводит концы с концами, бедствует. Отец по горло залез в долги, его со всех сторон осаждают кредиторы. И вот уже иссякали последние силы, угасали последние надежды...

Но в этот трудный час для семьи Мачабели ей протянул руку помощи Григол Орбелиани. Заинтересованный в судьбе мальчика, он не только помог его отцу выкарабкаться из беды, но и нашел для Ваню учеников из состоятельных домов. Маленький репетитор смело взглянул жизни в глаза.

Ваню ни на минуту не забывал своей мамы, старался чем только мог облегчить ее горькую жизнь. Получив деньги, он послал маме в Тамарашени сахар, чай, мыло. В письме, вложенном в посылочку, Ваню сообщал, что теперь станет легче, «я уже при деньгах».

Основанный в 1850 году грузинский театр просуществовал всего лишь четыре года. Люди мечтали о возобновлении постановок, однако это было сопряжено с большими трудностями. Открытие постоянного театра казалось делом далекого будущего... Но это вовсе не расхолаживало поклонников искусства. Они часто силами любителей устраивали спектакли в клубах и частных домах. Каждое такое представление было связано со многими волнениями и радостью, в нем принимала участие почти вся передовая общественность. Поэтому и число любителей-актеров было велико.

Ваню Мачабели с детства был страстно увлечен сценой. Уже в гимназии он переводил пьесы и участвовал в самодеятельных спектаклях. В одной из таких постановок его увидел недавно вернувшийся из Петербурга, в то время уже известный писатель Акакий Церетели. Произошло это в зале Соломона Эристави, где было дано представление пьесы Георгия Эристави «Раздел». Щуплый, с бледным лицом, юноша играл женскую роль — Монаварди. Тогда не-

редко мальчики исполняли женские роли.

Увлечение многих гимназистов театром было вызвано общим настроением грузинской интеллигенции — буквально все только и говорили, что о театре. К тому же любовь к театру прививал гимназистам учитель грузинского языка Петре Умикашвили, который до глубокой старости был поклонником сцены и писал пьесы. Он столь самозабвенно любил театр, что свою нищенскую зарплату (12 рублей) распределял на месяц так, чтобы оставалось немножко на посещение спектаклей гастролировавшей тогда в Тбилиси итальянской оперы. В одном из писем Умикашвили делится с другом: «Без театра я мертв. Вся моя жизнь в театре, там я обитаю».

И не случайно, что трое его учеников — Иван Мачабели, Васо Абашидзе и Александр Сумбаташвили-Южин — стали впоследствии выдающимися театральными деятелями. В своих воспоминаниях и письмах они с душевной теплотой вспоминали прекрасного педагога Петре Умикашвили.

* * *

В шестнадцать лет Ваню Мачабели успешно оканчивает гимназию и даже получает памятный подарок. В мечтах он стремится в Петербург, к брату, который учится на последнем курсе юридического факультета. Поехать за свой счет, конечно, Ваню не может, у него нет денег даже на дорогу. А отправить его на государственные счеты не удается, так как юноша еще несовершеннолетний.

Долги же отца росли неуклонно, кредиторы травили его, как загнанного зайца. В феврале 1871 года Ваню пишет из Гори своему брату: «Все было бы хорошо, не пристань к нам этот верзил, которому задолжал отец. Покой от него нет. Вчера опять приходил и, конечно, ушел с пустыми руками. Сейчас отец хочет заложить имение Сосиашвили. Если выгорит это дело, будет очень хорошо».

Однако из этой затеи ничего не вышло. Впрочем, Георгий мог без всяких угрызений совести спустить деньги в любом духане. Так или иначе, а уже через две недели Ваню вновь жалуется брату: «...сейчас у нас появились еще двое кредиторов. Какой-

то Туманишвили просто не дает мне прохода. Стоит мне выйти из дому, как он подскакивает и тычет в нос отцовским векселем. А второй — хозяин дома».

В доме нет буквально ни гроша. Даже не на что послать Васико в Петербург чурчхелы, которые он так любит.

Нельзя сказать, чтобы хорошо шли дела и у старшего брата. Он тоже нуждается, ничем не может помочь семье.

Вано Мачабели приглашают преподавателем в Гори, в семью генерала Константина Мамацшвили. И он охотно соглашается. Юноша перебивается с грехом пополам, но все же откладывает копейку за копейкой, лелея мечту поехать в Петербург на учебу.

Летом 1871 года Вано Мачабели уже готов к путешествию в Россию. Деньги на дорогу собраны, брат пишет ободряющие письма. Оказывается, он недавно устроился на работу, так что Вано может приехать, пока что нуждаться они не будут. Ну, а потом, что бог даст. Словом, пора и в путь.

И вот настал долгожданный день.

Шумная толпа окружила омнибус. Друзья и родственники прощаются, дают советы, передают поклоны... Кони нетерпеливо бьют копытами по мостовой. Извозчик, приложив руку ко лбу, проверяет по восходящему солнцу время. Наконец раздался рожок кондуктора, и путешественники суетливо занимают места.

Экипаж медленно ползет по подъему, все оглядываются, шлют провожающим воздушные поцелуи, машут платочками, что-то кричат. Толпа уменьшается, постепенно превращаясь в движущуюся точку. От разноцветных зонтиков и блестящих на солнце эполет рябит в глазах.

Один только Вано Мачабели не смотрит назад. Юноше некому послать последний поцелуй или помахать рукой, его никто не провожает. Сидя на облучке рядом с кондуктором, он смотрит на исчерченное солнечными лучами небо, по которому лениво плывут караваны облаков.

Омнибус с грохотом миновал Крестовый спуск, обогнул кирпичный за-

вод, проехал мимо больницы, мастерской по починке фаэтонов, кладбища, трактиров и очутился в гуще фруктовых садов, тянущихся вдоль всего Сабурталинского подъема.

Перед Вано Мачабели невольно воскресают картины детства, когда он ехал по этой же дороге из деревни в Тбилиси. И тогда начиналась для него новая жизнь, такая же неясная и туманная, и тогда так же сильно объяла все его существо непонятная грусть. Но тогда ехал на арбе деревенский мальчик, а сейчас отправляется на чужбину начитанный и знающий языки юноша. И кто знает, что ждет его впереди... Ведь Петербург, университет — это для него лишь названия, слова, полные таинственной и чарующей музыки. Музыка, в которую он входит, но еще не может понять...

Было уже позднее утро, когда омнибус въехал в древнюю столицу Грузии — Мцхета. И юноша с еще большей силой ощущает любовь к родной стране, многострадальной и непокорной. Начиная от Тбилиси, по пути встают на каждом шагу величественные крепости — свидетели самоотверженной борьбы грузин за свободу отчизны. Взволнованный красотой края и воспоминаниями, юноша клянется не жалеть сил, знаний и самой жизни для службы родному народу.

Когда на второй день экипаж подъехал к Казбеку, уже сгущалась тьма. Путешественники устремили взгляды к властителю этих краев — Казбеку. Но великан уже накрылся черной буркой и, зарывшись головой в тучи, спал безмятежным сном. Кучер успокоил разочарованных путников: подождите, утром вы увидите его во всей красе.

Действительно, утром их взорам предстало чудесное видение. Казбек с гордо поднятой головой озирает свои владения. И каждая седина в волосах, каждая складка на черном плаще выдавали в нем властелина, бросающего вызов самому небу. А внизу рокотал Терек, то подобострастно целуя колени повелителю края, то бурно негодуя на сковавшие его бег узкие берега. На зеленых холмах, которые кружились в хороводе у ног Казбека, белыми пятнами двигались стада овец.

Кучер не дал нашим путешественникам долго любоваться чудесами природы. И вскоре они продолжили путь. А там, во Владикавказе, пересели на поезд, который шел в Петербург.

* * *

В маленькой комнате накурено. Свеча в бутылке без горлышка мигает, словно маяк в тумане. Тишину нарушает лишь тиканье стенных часов. За окном накрапывает мелкий, как из сита, дождь. Комната обставлена бедно, с первого взгляда определишь, что здесь живут студенты.

Положив локти на стол и подперев руками щеки, Чавчавадзе увлеченно читает. Напротив него сидит молодой адвокат Василий Мачабели. За спиной брата, у окна, молча стоит Ваню. Он не может насмотреться на обожаемого им с детских лет писателя. От радости сердце его часто бьется, но юноша сдерживает порыв чувств, боится помешать Илье. Сегодня он впервые встретился так близко с этим прославленным на всю страну человеком. И сегодня же он держит самый ответственный в своей жизни экзамен — Чавчавадзе читает его перевод нескольких сцен из «Короля Лира».

Ваню знает, какой строгий критик Илья Чавчавадзе, он хорошо помнит страстную статью по поводу перевода «Безумной» Козлова, в которой известный писатель буквально сравнял с землей Реваза Эристави. И сейчас юноша с замирающим сердцем ждет приговора.

Но Илья не торопится. Закончив чтение, он посмотрел в глаза Ваню, прошелся по комнате, еще раз взглянул на рукопись и тихо, почти шепотом произнес: «Великолепно!»

Ваню не может очнуться, шелохнуться. Он чувствует, как наливается тело свинцом, слышит, как шумит в ушах кровь. Юноша не может собраться и ответить Илье Чавчавадзе на вопрос, давно ли он изучает английский язык.

На помощь приходит Васико. Да, Ваню еще со школьной скамьи взялся за изучение языка. Тогда он бредил Шекспиром, мечтал переводить его трагедии. Но только здесь, в Петербурге, он решился на это. Переводил медленно, со страхом и нерешительностью.

— Хорошо, хорошо, — говорит Илья Чавчавадзе, — перевод этот не только обогатит грузинскую литературу, но и будет способствовать становлению нашего театра. А это дело неотложное, очень нужное.

Чавчавадзе просит юного переводчика поскорее закончить работу, чтобы он мог взять с собой в Тбилиси рукопись и напечатать в альманахе.

— Ведь до сегодняшнего дня, — говорил он, — на грузинском языке не было ни одного приличного перевода Шекспира.

Илья Чавчавадзе особенно любит именно «Короля Лира». Еще в 60-х годах он поставил «живые картинки» по этой трагедии и сам играл Лира.

— Эту роль я буду исполнять и в новой постановке, — шутя обещает он Ваню.

Юноша, потупив голову, смущенно говорит. Он с удовольствием переведет Шекспира, но сейчас ведь ему надо учиться, сдавать экзамены, нельзя же делать два дела в одно время. Вот окончит университет, тогда непременно возьмется за перевод «Короля Лира».

И опять спешит на выручку Васико:

— Я хорошо знаю повадки здешних чиновников, — обращается он к Илье, — тебе так или иначе еще долго придется скучать. Так не теряй время, садись и переводы вместе с Ваню.

Ваню не верит своим ушам. Неужели он будет работать с Ильей Чавчавадзе, нет, такое счастье не может выпасть ему. Но Илья молчит, медлит. Юноша весь превратился в слух, бледный, с горящими глазами, он жадно ждет ответа.

Чавчавадзе посмотрел на письменный стол, потом перевел взгляд на Ваню и вдруг улыбнулся.

— Что же, попробуем.

Да, да, он согласен. Ваню от счастья не знал, куда девать себя. Он попытался что-то сказать, но слова застряли в горле. Только глаза его выражали благодарность и восторг.

На другой день Илья Чавчавадзе и Ваню Мачабели сели за перевод. О том, какими темпами они работали, мы узнаем из письма Васо другу.

«Оба они на редкость трудоспособны. Представь себе, за каких-то три месяца завершили весь перевод».

Илья согласился с предложением Ваню переводить Шекспира четырнадцатистопным белым стихом, который так органичен для грузинского языка. И закипела работа. Ваню читает по-английски, затем переводит всю фразу слово в слово. Илья внимательно слушает, просит еще раз прочесть вслух. Потом они начинают искать более точные слова, более верные фразы. Так возникают на грузинском языке чудесные стихи Шекспира, так переносятся в грузинскую речь его образы.

Кажется, перевод удастся на славу. Илья очень доволен соавтором. Он удивлен прекрасным знанием Ваню родного языка, его умением находить в народных пословицах те нужные, без отбитых углов слова, которые передают дух шекспировского стиха. Незаметно для себя они закончили первое действие. Васо Мачабели — их первый читатель — в восторге. Он бегает по городу, разнося весть о чудесном переводе Ильи и Ваню. И вот в доме одного студента устраивается чтение и обсуждение перевода первого акта «Короля Лира». Здесь собираются грузины, приехавшие на учебу в Петербург. В комнате тесно, накурено. Ваню читает медленно, с расстановкой, словно взвешивает каждое слово. Илья одобрительно кивает ему головой.

В том мало смеху, что уходит шут,
Вас тоже в жизни перемены ждут, —

заканчивает Ваню. Студенты не в силах сдерживать восторг. Они поздравляют переводчиков, торопят их с завершением работы.

12 октября 1873 года в грузинской газете «Дрозба» появляется корреспонденция из Петербурга: «...и еще о духовной жизни. Наши парни переводят прямо с оригинала трагедию Шекспира «Король Лир». Примечателен не только факт перевода непосредственно с английского, но и мастерство переводчиков, сумевших перенести в стихию грузинского языка шекспировские образы. Это им удалось сделать с помощью 14-стопного белого стиха, которым до сего времени еще никто не пробовал переводить английский драматурга. А ведь размер этот свойствен грузинскому стихосложению и приятен слу-

ху. Нам также известно, что авторы скоро пошлют перевод для напечатания в «Кребули», дабы неприятная критика сказала им, насколько они справились с этой трудной работой и имеет ли смысл доводить ее до конца».

Через несколько дней Илья Чавчавадзе отправил своему другу и активному сотруднику «Кребули» Петре Умикашвили первый акт Лира, сопроводив его письмом.

«Дорогой Петрус-бег, — наша опора и надежда. Посылаю тебе рукопись перевода «Короля Лира». Я и Ваню Мачабели считаем, что печатать эту вещь следует, во-первых, не ломая стиха, т. е. вся строчка должна уместиться в одном ряду, а, во-вторых, полностью в одном номере и без всяких исправлений. Таковы наши условия. Корректуру доверяем твоему острому глазу.

Будет очень хорошо, если ты напишешь свое мнение об этом переводе по адресу:

Студенту СВП университета Ивану Георгиевичу Мачабели с передачею Илье Чавчавадзе.

Твой Илья».

И внизу приписано торопливой рукой: «Если тебе понравится перевод, то хочю обрадовать — мы уже кончили и второй акт. Положа руку на сердце, он не уступает в изяществе первому».

Работа над переводом так увлекла Илью и Ваню, что им уже не хватает дня и они засиживаются до поздней ночи. Теперь, когда они привыкли друг к другу, и переводится легче. К тому же строчка за строчкой они все глубже постигают гениальные образы Шекспира. Переводя, они как бы подносят каждое слово к свету, прsverяют его на глаз, на ощупь и мучительно ищут схожие слова, образы в грузинском языке. Ведь перевод должен быть не только точным, но и доступным грузинскому воображению.

Илья Чавчавадзе настолько очарован стихом Шекспира, что просит соавтора помочь ему в изучении английского языка. С этого дня они каждый вечер, окончив работу над переводом, садятся за книгу Нурока «Практическая грамматика английского языка». Вскоре Чавчавадзе пишет жене, что «серьезно взялся за английский. Когда приеду домой, уже смогу читать легкие сочинения».

Забегаю вперед, скажем, что книга Нурока, по которой учились и Ванно и Илья, хранится сейчас в личном архиве Чавчавадзе. Она интересна пометками, сделанными рукой Ванно Мачабели. На форзаце написано по-английски: „Machabelli“. При изучении языка Ванно прибегает к оригинальному методу. Он группирует слова не по гнездам, как это делают многие ученые, а по звучанию. То есть берет схожие по звучанию и далекие по смыслу слова и выписывает их вместе. Так, рядом со словом *to see* — видеть написано карандашом *sea* — море: над словом *to hear* — слышать выведено от руки *here* — здесь... А сбоку мелким почерком — синонимы и омонимы этих слов. Очевидно, Ванно легче запоминал английские слова и их значение именно таким путем.

Интересно также отметить, что в процессе учебы Ванно Мачабели вносит некоторые поправки в объяснение слов. Например, у Нурока английское *ill* переведено как «худо». Ванно зачеркивает карандашом это объяснение и пишет — болен.

Но вернемся к переводу «Короля Лира». Илья и Ванно работают так охотно и быстро, что уже в декабре 1873 года они читают в кругу друзей окончательный вариант перевода трагедии Шекспира. Илья спешит обрадовать жену.

«Перевод получился прекрасный. Я его обязательно поставлю на сцене. Ты даже не представляешь себе, как здорово он звучит по-грузински. Ни один русский перевод не может идти с ним в сравнение. Вот приеду, прочитаю вам, и я не я буду, если не прочитаю у вас слезу. Ты ведь знаешь, как я не люблю хвалить свою пачкотню, однако перевод вышел такой, что не хвалить его — брать на душу грех. Здешняя молодежь просто без ума от нашего Лира...»

В январе 1874 года Илья Чавчавадзе, провозжаемый множеством друзей, уехал на родину. Уже из Тбилиси он пишет Васо Мачабели письмо.

«...Передай Ванно, что нашего Лира я отдал для напечатания в «Кребули». Он всем очень нравится. Сегодня вечером я читаю его перед избранным обществом. Боюсь, как бы вновь не ударил лицом в грязь. До сих пор не могу понять, что произошло со

мною в Кутаиси. Я был там проездом и решил ознакомить друзей с нашим переводом. Читал я из рук вон плохо. Язык заплетался, я что-то мямлил, глотал слова, пропускал целые абзацы. Вы бы пожалели меня от души. Так скверно я чувствовал себя. Посмотрим, что день грядущий мне готовит».

Однако Чавчавадзе волновался зря. Впечатление от перевода Шекспира превзошло все ожидания. «Мы не думали, — писала на следующий день одна газета, — что эта замечательная трагедия может с такой силой зазвучать на грузинском языке. Везде только и разговора, что о новом переводе «Короля Лира».

Лестные отзывы о работе Ильи Чавчавадзе и Ванно Мачабели мы встречаем и в переписке многих общественных деятелей Грузии. Константин Бебутов пишет своему другу Нико Николадзе в Париж: «На днях у нас был Илья и читал свой перевод Лира. Собралось нас человек 30. Все находят перевод прелестным».

Грузинский читатель и раньше был знаком с Шекспиром по другим переводам. Но только сейчас, когда появился точный и поэтический перевод «Короля Лира», читатель почувствовал всю силу шекспировского гения.

* * *

После отъезда Ильи Чавчавадзе Ванно, словно очнувшись от сна, лихорадочно готовится к экзаменам. Он учится на естественном факультете. И выбор этот не случаен. Ванно твердо решил отдать все свои знания служению народу. А народ сейчас, ох, как страдает. Отмена крепостного права на деле оказалась мыльным пузырем. Крестьяне стонут под непосильной ношей, тысячами мрут, скошенные эпидемиями. Их обирают царские чиновники, грабят алчные помещики, попы. И ко всем бедам еще бьет непогода, недород.

Юный Ванно Мачабели задался целью облегчить горькую крестьянскую долю, помочь своему многострадальному народу. По мнению Ванно, грузинский крестьянин больше всего страдает от неправильного ухода за землей. Умей он расчетливо вести хозяйство, тогда и та пядь земли, которая составляет его собственность, даст куда больший урожай. Но ведь

умение правильно хозяйничать приходит с просвещением, которое могло бы избавить крестьянина от всех напастей. Ваню не видел тогда более глубоких причин несчастий своего народа. Его стремления были благородны, но взгляды наивны. И то, что Ваню Мачабели поступил именно на естественный факультет Петербургского университета, вовсе не случайно. Им руководил порыв помочь народу в беде.

Жизнь братьев Мачабели в Петербурге не слаще тбилисской. Скучно-го жалованья Васю, часть из которого он отправляет в Тамарашени, не хватает на пропитание. Братья с грехом пополам сводят концы с концами, а подчас сидят на хлебе и воде. Однако и на этот раз судьба смилостивилась над Ваню, послав ему покровителя в лице крупного грузинского ученого Давида Чубинашвили. Достаточно было его рекомендации, и Ваню устраивается секретарем к одному петербургскому чиновнику. О лучших условиях он и не мечтал: хорошей стол, дача, уйма свободного времени. Для бедного студента, у которого, как говорится, в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи, лучшего и не придумаешь. Правда, Ваню предпочел бы потуже затянуть ремень и отправиться на лето в родное село, однако нужда не тетка, ее за дверь не выставишь.

И вот Ваню на легкой пролетке едет в деревню под Петербургом. Дача чиновника отдаленно напоминает ему село, в котором прошло счастливое детство. Ваню Мачабели был подвержен той неизлечимой болезни, которую обычно называют «тоской по родине». И эта тоска не оставляла его ни в Петербурге, ни на даче у чиновника, ни за границей.

О том, как Ваню живет под кровом хозяина, можно судить по письму к брату. Приведем его полностью.

«Понедельник, 1873, июнь.

Ты, конечно, удивисься, когда получишь мою весточку по местной почте. Но тому есть своя причина. Приехав сюда, я три дня мыкался без угла, ибо комната, которую приготовили для меня, оказалась сырой и темной. За эти три дня не мог открыть чемодан и достать марку. А тут подвернулась оказия — двоюродный брат хозяина собирался на де-

нек-другой в город. Вот я и решил дать ему письмо, с тем чтобы он в городе бросил его в почтовый ящик».

Моя новая комнатка такая крошечная, что о твоём приезде сюда и думать нельзя — вдвоем не поместимся. Но меня она вполне устраивает: светлая и сухая.

Тебя, наверное, интересует, как я живу? Вот мой дневник. Утром встаю в 6 часов и иду купаться в море, которое лежит в трех шагах отсюда. На завтрак обычно бывает какао со сливками или чай с булочкой. В полдень кофе с молоком и яйцо. В четыре часа обед из трех блюд и еще кофе. А вечером, после купанья, чай или молоко (по желанию).

С утра до 1 часу дня я занимаюсь своими делами. С часу до семи работаю на хозяина. Потом уделяю часок переводам Шекспира и уже вечером читаю что-нибудь легкое.

Туфли нужны мне позарез. Эти продырявились еще в одном месте, носить их уже неприлично. Перешли обязательно с Переверзевым, он зайдет к тебе.

Место здесь чудесное: море, лес, горы. Я часто вспоминаю наше родное Самачабло».

Если дни работы с Ильей Чавчавадзе мелькали для Ваню как межевые столбы из вагона скорого поезда, то дни на даче чиновника плелись, как тяжело нагруженная арба.

Ваню наскучила размеренная жизнь секретаря, он рвется в Петербург, к брату, к друзьям.

«Студенчество тех годов, — пишет в своих воспоминаниях Акакий Церетели, — ничем не было похоже на теперешнее. Сейчас каждый студент знает, что ему уготовила судьба. Он твердо стоит на земле и не питает ложных иллюзий. «Своя рубаха ближе к телу» — зарубил он себе на носу. А тогдашние студенты в большинстве были идеалистами. По какому-нибудь пустяку они готовы были прошибить лбом стену. Они готовили себя в жертву на алтарь служения отчизне. Именно таким я помню Ивана Мачабели».

Вернувшись в Петербург, Ваню с тем же старанием изучает науки. Он не пропускает ни одной лекции. Да и можно ли усидеть дома, когда на их факультете лекции читают такие

видные ученые, как Сеченов, Менделеев, Бутлеров, Вагнер. Легко представить себе, какое влияние оказывали на молодежь эти корифеи русской науки.

Яков Александрович Мансвешташвили, впоследствии видный общественный деятель, вспоминает:

«Затаив дыхание, ждали мы появления Менделеева. Это была его первая лекция. Огромная аудитория, рассчитанная на 400 человек, была набита битком... И вот дверь открылась. Менделеев не спеша прошел мимо затихших рядов. Напряженную тишину вдруг взорвал гром аплодисментов. Казалось, вот сейчас раздвинутся стены или рухнет потолок. Мы, как замороженные, глядели на чуть сутулого, среднего роста ученого, с проседью в бороде и редкими вьющимися волосами, которые почти касались плеч. Мясистые, словно обожженные губы, прямой нос и голубые глаза, в которых притаилась усталость.

Пока длились аплодисменты, Менделеев стоял молча, на лице его не дрогнул ни один мускул. Трудно было определить, то ли он ушел в свои мысли, то ли выражает неудовольствие нашей демонстрацией. Аудитория стихла. Менделеев сразу же начал лекцию, словно аплодисменты прервали его на полуслове. В голосе его тоже сквозила усталость. Менделеев не был оратором. Слова как-то с трудом следовали одно за другим, казалось, выгаликивались силой. Но студенты ловили их на лету. Каждая его фраза была такой емкой, содержательной, что страх пропустить хотя бы одно слово охлаждал наши сердца. Казалось, за этим высоким лбом скрыта целая лаборатория, в которой непрерывно идут опыты. Результаты этой работы, облеченные в слова, приковывали к себе наше внимание, западали в самую душу. Мы чувствовали, что каждое слово Менделеева — плод творческого поиска, и поэтому столь трудно их выгаликивать. Каждая его фраза содержала новую мысль, и следовали открытие за открытием, как упругая волна за волной».

Вано записывает лекции великого ученого, штудирует их дома. Его «дневник» загружен еще больше. Ночи напролет сидит он над книгой. Что и говорить, Вано и слышать не хочет

о переводах, просит брата повременить.

Весной 1875 года Вано Мачабели окончил Петербургский университет. К этому времени дела его брата поправились, и теперь уже хрупкая мечта о продолжении учебы за границей вполне достижима.

Но сначала Вано должен побывать в Тамарашени, навестить родных. А осенью он непременно поедет за границу.

* * *

Человек предполагает, а бог располагает, — говорит пословица. Продуманному плану братьев Мачабели не было дано осуществиться. И всему виной стал раздор в семье. К приезду Вано дяди успели окончательно перессориться, и теперь они волками смотрят на его отца.

Георгий спустил на торгах все лучшие земли. Конечно, его право купить и шлеться по духанам, но они-то с какой стати должны расплачиваться за его проделки. Пусть сам Георгий и расхлебывает кашу, которую заварил так круто. Они, его братья, не намерены лишаться крова или куска хлеба из-за шальной жизни брата. Он пьет, увивается за юбками, а они оплачивают счета, погашая векселя. Нет, так не пойдет, надо делиться — и как можно скорее. Каждая минута дорога.

Но Георгий Мачабели оттягивает время, не соглашается на раздел без присутствия Васо. Где-то в глубине души он надеется на помощь старшего сына, уж тот словчит, вызволит его из беды. Ведь Васико занимается частной практикой, он все законы государевы наизубок знает. Непременно ему надо приехать. И Георгий пишет в Петербург письмо с просьбой приехать не мешкая, дабы спасти фамильную честь, уже потраченную молью. И тут же добавляет: «Если у Чубинова или кого-нибудь другого есть на грузинском языке сказки 1 000 и 1 ночи, обязательно захвати с собой. Прочту и верну».

Васо вскоре приехал.

После долгих споров и проволочек братья Георгия все же настояли на своем. Дележ был равный: братья взяли себе дом, земли и выручку от урожая, на долю Георгия же пришлось... долги и векселя.

Георгий и тут не растерялся. Он

пристроил кое-как семью у двоюродного брата Яссэ, а сам махнул в Гори «развезть печаль».

Через несколько дней какой-то крестьянин принес из города весть — Георгий Мачабели умер в трактире Живоглота. Для всех это было неожиданностью. Особенно негодовали дяди Александр и Баграт.

— Что и говорить, — рассуждали они вслух, — все мы ходим под богом, все смертны, но ведь умереть-то тоже нужно по-человечески. Подумать только, дворянин из рода Мачабели и... умирает в каком-то грязном трактире. Это ведь просто нелепость, глумление над фамильной честью.

Бедняги, они не знали, какой скурприз готовится им в Гори. Даже после смерти Георгий остался верен себе, причинив родственникам еще одну неприятность. Трагикомедия жизни и смерти потомственного дворянина Георгия Мачабели была окончена эпилогом, написанным трактирщиком Майсурадзе.

Живоглот наотрез отказался выдать тело покойника, пока не будет оплачен его долг. Он, Михаил Майсурадзе, очень любил и уважал покойника. Он разделяет горе домочадцев Георгия, скорбит вместе с ними и, конечно же, не должен говорить о какой-то мелочи. Но войдите и в его положение. Если все должники будут расплачиваться с ним на том свете, то, неровен час, и дети его пойдут по миру. Нет, либо наследники Георгия отсчитают ему 800 рублей, на которые у Майсурадзе есть расписка, либо уедут восвояси с пустой арбой.

Васико недоуменно переглянулся

с Ваню. А их дядя Александр угрожающе схватился за рукоять кинжала. Но на трактирщика это не подействовало. Он спокойно стоял у стены, часто моргая блестящими, словно начищенными старательным чистильщиком, глазками. Не проняли его ни угрозы, ни просьбы, ни обещания.

Васико только и оставалось, что отдать трактирщику деньги, собранные им на поездку брата за границу. К тому же прибавились еще расходы на похороны отца, так что Ваню уже и думать перестал о продлении учебы в Европе.

* * *

На плечи Ваню легли все заботы о семье. Надо было скорее построить хоть маленький домишко, чтобы мама и сестры имели крышу над головой (сколько можно злоупотреблять гостеприимством Яссэ).

Иногда Ваню наезжал в Гори, где познакомился с известными народниками Эгнатэ Иоселиани и Мишо Кипиани. Он как-то побывал на собраниях кружка народников, в который входили также Кола и Роман Павленишвили, Софром Мгалоблишвили и другие.

Ваню Мачабели привлекало в грузинских народниках их стремление помочь народу, облегчить его тяжелое положение. Но методы борьбы со злом, идеи народников скоро оттолкнули более прогрессивно мыслящего Ваню Мачабели от их кружка.

— Вот увидите, — сказал он Эгнатэ Иоселиани, — Группа «Освобождения труда» оставит вас в хвосте.

Продолжение следует

Дружба живет в сердцах

Декада русской поэзии прошла. Но остались воспоминания о встречах, беседах, стихах.

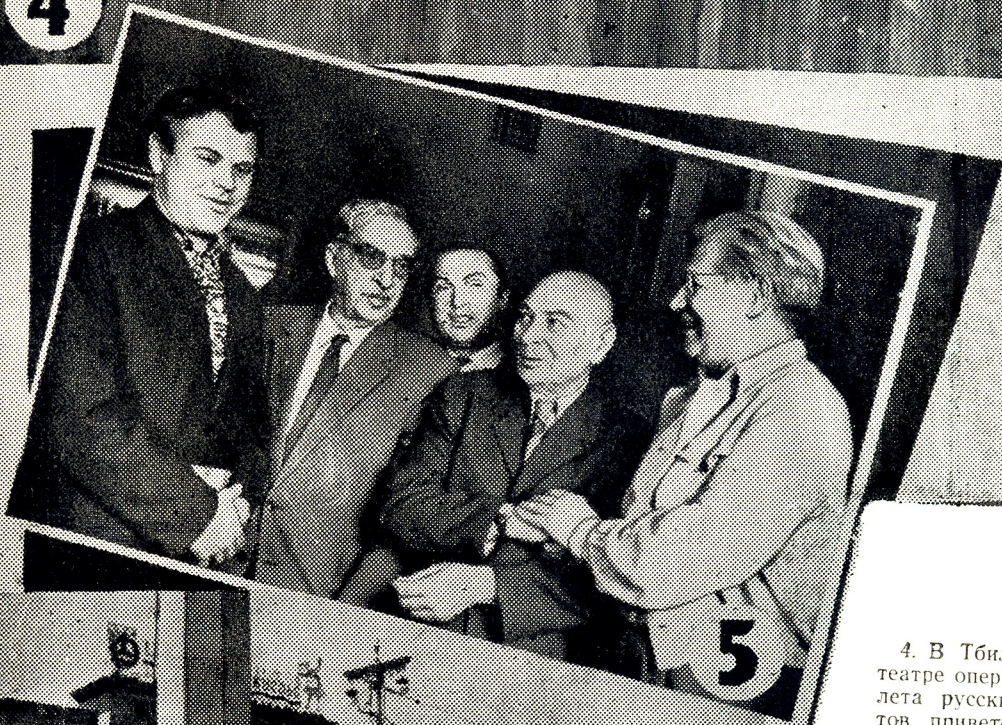
1. Теплая встреча в Тбилисском аэропорту...

2. ...и — на вокзале.

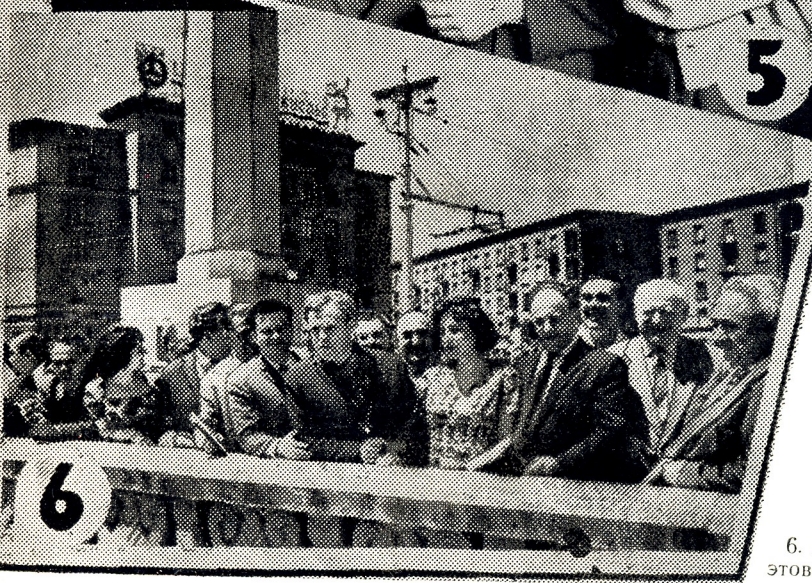
3. Встретились старые друзья — Ираклий Абашидзе и Александр Твардовский.

4

5

6

4. В Тбилиском театре оперы и балета русских поэтов приветствуют кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжавнадзе.

5. Здесь вы видите В. Солоухина, Президента Академии наук Грузинской ССР Н. Мухелишвили, И. Нонешвили, И. Гришашвили, А. Суркова в стенах Академии.

6. А это—встреча русских поэтов со всем Тбилиси сразу...

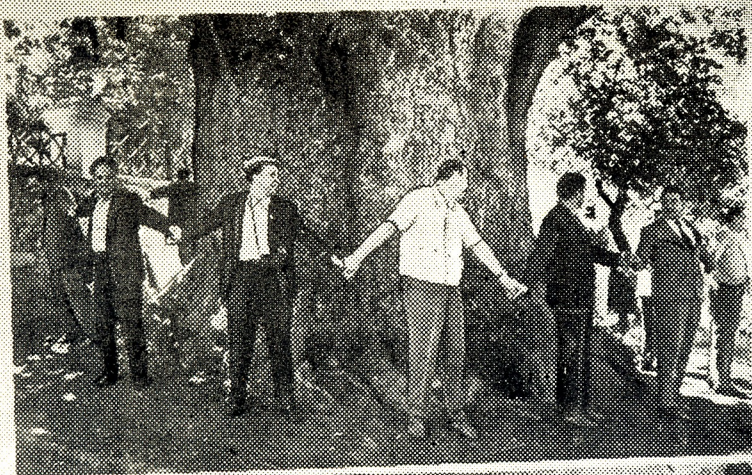

7. С волнением слушали студенты университета А. Суркова

8. Народный художник Грузии Л. Гудиашвили познакомил русских поэтов со своей творческой лабораторией.

9. Просто встреча—одна из многих. С. Чилая, М. Поцхишвили, Н. Доризо, Н. Рыленков, В. Боков, И. Нонешвили, И. Фоянгов, М. Кахидзе, Л. Мрелашвили, С. Васильев, Ю. Морци, В. Солоухин.

10. Кахетия. Вековой дуб в Телавском парке. Измерить его — нелегкое дело.

11. Радужный хозяин Георгий Леонидзе показывает гостям старую крепость в Патардзеули.

12. Мы любим русскую литературу. А наши братья — нашу. Дань уважения памяти Рафиэла Эрстави.

13. Каждому — свое. Алексею Суркову писать стихи, очевидно, легче, чем играть на чонгури.

14. Реваз Марциани встречает русских друзей.

15. Первый секретарь Телавского райкома партии Т. Бадрашвили и голопузый человек, который еще не успел стать никем, но, очевидно, разделяет важность минуты.

16. Х. Бериулава, С. Васильев, О. Шестинский.

13

14

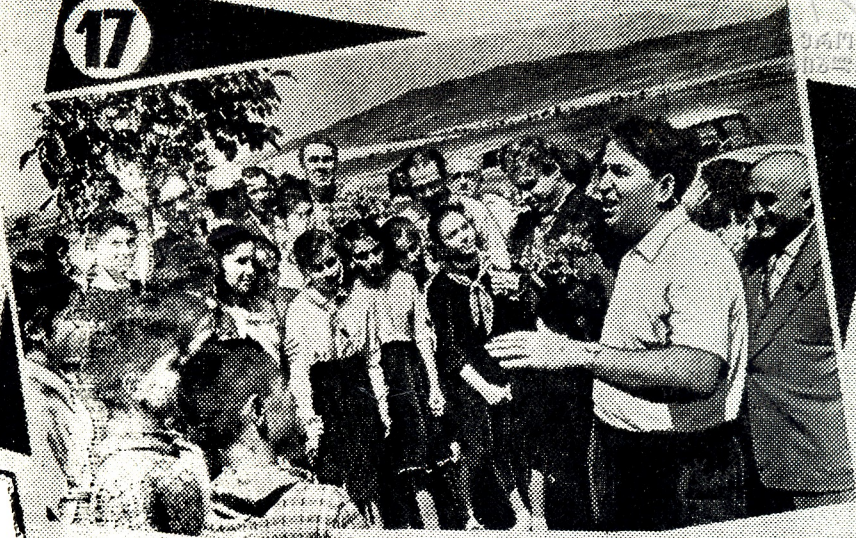
15

16

17

17. У В. Бокова — внимательная аудитория.

18. На развалинах древней Академии Гелати сфотографировались русские и грузинские писатели с читателями.

18

19

19. Седая древность крепости Баграма. Лауреат Ленинской премии А. Твардовский с супругой и заведующий сектором художественной литературы ЦК КПСС И. Чернуцан.

20. Рустави. Так лезвия вторгаются в жизнь и труд. А. Сурков, Е. Дематовский и сталевар И. Табатадзе.

21. В Рустави умеют работать, могучи здесь заводские трубы, и жизнь бьет ключом... Будет о чем дышать!

22. Гости в музее знакомятся с прошлым Грузии.

23. Прощальное — звучное и яркое — слово русского стиха. Александр Твардовский дарит его гостеприимным тбилисцам. Оно, как и воспоминание о Декаде, будет жить с ними.

Фото В. Гинзбурга, М. Квирикашвили, А. Киладзе, В. Черкасова.

Шота Акобия

НОВЫЕ СТИХИ

НОЧЬ В ТКВАРЧЕЛИ

Перевод с грузинского М. Вершинина

Когда Ерцаху
Тьмой ночной одет,
Ткварчели предо мною
Весь в сиянье.
О город славный,
Через расстоянья
Тебе несу сердечный свой привет!

Где б ни был я,
В любом краю страны
Иль в разных уголках
Земного шара,
Как Млечный путь,
Мне издали видны
Твои огни, родная Акармара.

Ткварчели!
Ты прекрасен
Не как встарь —
Громадой гор
В туманном облаченье.
Твой яркий свет
Волшебен, как янтарь,
Вершины гор
Видны в твоём свеченьи.

Какая дерзновенная краса!
С чем сравнивать,
Да и к чему догадки?
Вершины гор
Вонзились в небеса,
Как белые геологов палатки.

Вершины гор!
Я вновь на вас смотрю...
В забоях вижу
Умные машины...
И в этот миг
Я сердцем говорю,
Что есть
Еще прекраснее вершины —

Вершины духа!
Ими горд наш век.
Они и там —
Внизу,
В глубинах лавы,
Где трудится
Советский человек
Для счастья
Самой солнечной державы.

...Гудят электровозы
В сердце гор,
Поют — и песни льются по ущелью,
Они летят
В стремительный простор,
Великой вдохновляемые целью,
И руку подымает семафор!

О город светозарного угля!
Летят составы с грузом
Прямо к цели,
И видит
Вся советская земля
Плоды труда
Шахтеров из Ткварчели.

ГРОЗА

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Гроза надвигалась...
 Был пасмурный полдень.
И капли вот-вот застучат по жнивью,
И мир задышался от зноя, и в поле
Спешили закончить работу свою.

И вдруг встрепенулись пыльные кроны,
И ливень прорвался,
Пошел напролом,
И мощно и тяжело орудия грома
Ударили залпом за дальним бугром.

Все было сурово,
 огромно, военно,

И явственно слышались звуки команд,
И вспышки сверкали...
Все прятались в сено,
Бежали к деревьям,
 телегам,
 домам.

И только один,
 напряженно и немо
Под ливнем стоял,
 сутул, неказист.
Не отрываясь, глядел он на небо.
Это был старый артиллерист.

УКРАИНСКАЯ СОРОЧКА

Перевод с грузинского Э. Гольдернесса

Как розы, маки, васильки, ромашки
Весною украшают край родной —
Так и моя расшитая рубашка
Все краски чередует с белизной.

Мне друг прислал в подарок с Украины
Работу старой матери своей.
Она любовно вышила для сына
Каемку ярче радужных лучей.

Дом друга, хлебосольный и веселый,
От дома моего не так далек:
Мы вместе шли в огне боев тяжелых
И вместе дали палачам урок.

И нашу дружбу невозможно ранить,
Нас с другом невозможно разлучить.
Мне друг рубашку подарил на память,
Ей для меня теперь кольчугой быть!

Алио Мирцхулава

Руставская симфония

Драматическая поэма
в 4-х действиях, 7-и картинах

Авторизованный перевод с грузинского А. Кузьмичева

Действующие лица

- Реваз** — профессор композиции, председатель Союза композиторов.
Кетеван — его жена.
Нелли — дочь Кетеван от первого брака.
Тамаз — молодой композитор.
Гиви — молодой композитор, секретарь партбюро Союза композиторов.
Жужуна — сестра Тамаза, секретарь в приемной председателя Союза композиторов.
Гугуна — подруга Жужуны.
Иосиф — отец Тамаза, руставский сталевар.
Русудан — мать Тамаза.
Элефтер — руставский рабочий, сталевар.
Лексо — сын Элефтера, сталевар.
Гено — вахтер и курьер в Союзе композиторов.
Марфа — уборщица в Союзе композиторов.
Секретарь Руставского горкома партии.
1-й Композитор.
2-й Композитор.
3-й Композитор.
4-й Композитор.
Дирижер.

Время действия — наши дни. Место действия — Рустави и Тбилиси.

ПРОЛОГ

В зрительном зале постепенно гаснет свет. За закрытым занавесом, нарастая, слышатся звуки рояля. Наступает полная темнота. Но еще величественнее и мощнее становится музыка. Наконец занавес медленно поднимается.

На переднем плане — концертный рояль. За роялем Тамаз. Он исполняет свою симфонию. Луч света падает на его лицо — временами мужественное и суровое, временами — озаренное мягкой, спокойно-мечтательной улыбкой. Поодаль, в тени — на диване, в креслах, на стульях — члены жюри. Их лиц почти не различить. Хорошо виден только Реваз. Он слушает сосредоточенно, не двигаясь и ничем не выражая своего отношения к музыке.

Тамаз играет вдохновенно и мастерски, с большим настроением, не замечая окружающих. В самый сильный, кульминационный момент симфонии свет снова гаснет, занавес опускается и под несмолкающие звуки рояля, чуть сдержанные и приглушенные, через минуту поднимается вновь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Приемная председателя Союза композиторов. Около закрытой двери в кабинет Реваза — Жужуна, Марфа и Гено. Они слушают, как играет Тамаз.

В напевные, мягкие звуки рояля неожиданно врывается пронзительный телефонный звонок. Вздрогнув Жужуна бросается к телефону.

Жужуна

О боже! Надоели! Целый день!..

(Берет трубку)

Приемная Союза композиторов...
Да, обсуждают. А когда закончат,
Не знаю. Да, симфонию Тамаза.

(Положила трубку)

Кошмар!

Гено

(Слушая музыку)

Какая музыка!

Марфа

Тамаз

Не может плохо написать! Талантлив,
Талантлив у тебя, Жужуна, брат!

Гено

Да не талантлив — просто гениален!

Жужуна

Не знаю, может... Но врагов немало
И у него.

Гено

Завистников, Жужуна!
Завистников бездарных — не врагов!

И если зависть не восторжествует,
Ждет музыку его большая слава,
Народное признание и любовь.

Марфа

А наш начальник — добрый человек
И справедливый.

Жужуна

(Прислушивается к возникшим вдруг
громким голосам за дверью кабинета)

Боже! Сколько можно!

Гено

Незрелый ум не знает чувства меры.
Помочь тут нечем — без костей язык!

Марфа

Да — будь в нем кости, он застрял бы
в глотке
У болтуна!

Гено

Читал я — где, не помню:
Ораторам, что поболтать горазды,
Во время речи на одной ноге
Велят стоять. И коль поставить наших —
Утихнут быстро!

Жужуна

(прислушиваясь)

Ну, опять пошло!

Входит Лексо

Лексо? Откуда?

Звонок, Жужуна бежит на вызов в кабинет, выходит оттуда, берет какие-то бумаги, говорит на ходу

Ты когда приехал?

Лексо не успевает ответить — Жужуна скрывается в кабинете, через минуту возвращается обратно

Лексо

А он тебя частенько вызывает!

Жужуна

Дела!.. Начальство!..

Лексо

(ревниво)

И дела с тобой?

Жужуна

(вызывающе)

Нет, не со мной — с другими!

Лексо

Все понятно...
Но без тебя он делать их не может?

Жужуна

Я секретарша и помощник. Ясно?

Лексо

Чего ж тут... Ясно. Лучше бы, конечно...

Жужуна

Я на работе!

Из-за двери раздаются звуки рояля

Лексо

Ну а там? Концерт?

Жужуна

Там — совещанье.

Лексо

С музыкой? Ни разу
Не видел я подобных совещаний!

Жужуна

А разве у себя в цеху, в Рустави,

Когда ты плавильшь сталь —
и пламя бьется —
Поет, гудит, — не радостно тебе?

(С легкой иронией)

Здесь тоже так.

(Серьезно)

И здесь судьба Тамаза
Решается сегодня.

Лексо

Как — судьба?

Жужуна

Комиссия Союза обсуждает
Сейчас его симфонию.

Лексо

И что?

(Жужуна пожала плечами)

Пауза

Лексо

Так это, значит, музыка Тамаза?
Он сам играет? Ну... Великолепно!
Успех ему, Жужуна, обеспечен!

Жужуна

Да как сказать!.. Посмотрим...

Лексо

(негромко Жужуне)

Нынче в клубе
Проводим репетицию. И Нелли
Просила передать тебе. Придешь?

Жужуна

Не знаю.

Лексо

Ты когда кончаешь — в шесть?

Жужуна

В шесть, как обычно.

Лексо

И потом — в Рустави?

Жужуна

Домой, конечно.

Лексо

Буду ждать. Не здесь —
На улице. Чтоб не мешать.

Звонок. Жужуна убегает в кабинет

Ой, мама!
Она меня сегодня доконает

В его руках: профессор! председатели
 Тамаза — ненавидит. Мне — всю жизнь
 Намерен изуродовать. И только
 Из-за того, что я люблю Тамаза
 И отвергаю... Что за человек
 Мой отчим! Правда, многим,

очень многим
 Он кажется добрейшим и милейшим.
 Но как коварно сердце у него
 И сколько злобы скрыто за улыбкой.
 При людях — щедр, отзывчив,
 благороден.

А дома — деспот! И к тому ж —
 развратник.

Скандалы, ругань, крик.
 Бедняжку-маму
 Извел совсем. А я и на минуту
 Боюсь остаться с ним наедине.
 Спасаясь от него, живу в Рустави,
 Одна, без мамы...

Много лет назад —
 Мне было года три или
 чуть больше —

Арестовали моего отца.
 Никто не знал, за что арестовали
 И выслали. А этот — тут как тут!
 Воспользовался нашим положением,
 Сочувствовал, по-братски помогал
 И своего в конце концов добился —
 И маму и меня прибрал к рукам.
 Меня учил. А маму — только мучил.
 Меня — ласкал, лелеял. Но на чувства
 Отцовские то не было похоже.
 Ну а теперь — подавно! И кому
 Сказать об этом? Перед кем

открыться?
 Сказать все маме? Да ее убьет
 Один намек на это!.. Суждено
 Одной мне все носить в себе,
 замкнуться
 И ждать... Чего? Сама не знаю...

Из кабинета выходит Жужуна. Появляются Марфа и Гено.

Ну?

Жужуна

Голосованье кончилось. Сейчас —
 считают голоса. Смеются, шутят.
 Твой отчим весел...

Нелли

(с тайной тревогой)

Очень весел?

Жужуна

Да.

Из кабинета выходит 1-й Композитор. Приятели зовут его Фомой-неверующим

1-й Композитор

О Бах! Бетховен! Моцарт!
 Гендель! Гайдн!
 Их больше нет. Но нет и им
 подобных!

Творя, они витали в небесах,
 Умели спорить с богом.

Боль и радость

Высокой человеческой души
 Нетленны в их мелодиях. Гиганты,
 Они слагали гимны солнцу, свету...
 А этот... этот в землю тащит нас!

Появляется 2-й Композитор — хвастливый и самоуверенный, с дорогим кожаным портфелем

2-й Композитор

Все жаждут знать — и «что» и
 «как»? Извольте!
 Я говорил и повторяю: много —
 И очень много! — Надо поработать
 Еще Тамазу. Музыка — не шутка!

(Потрясает портфелем)

А здесь вот — настоящие шедевры!
 Но кто поймет их?

(Презрительно кивнул через плечо на дверь кабинета)

Эти? С их мозгами?

Здесь музыку мою уж обсуждали,
 Критиковали, спорили... Сыра!
 Беспомощна! Навивна! Примитивна!
 Придирки, а не критика! Нашли
 Какой-то про-вин-ци-ализм! Видали?
 И больше всех меня критиковал...
 Как думаете, кто? Тамаз! Но я —
 Я не злопамятен и не завистлив.
 И я голосовал сегодня «за».

Жужуна

А вообще?... Какое же решенье?

2-й Композитор

Я сделал свое дело. За других —
 Не отвечаю...

Душечка Жужуна!

Не беспокойтесь. Будет все в порядке.
 Касательно же музыки моей,
 То я уже, как говорят, поставил
 Вопрос ребром. В ЦК — не где-нибудь!
 У первого секретаря! Понятно?

(Вынимает из портфеля ноты)

Вообразите! В этом криманчули!
 Нашли какой-то про-вин-ци-ализм!

Напевает. Его никто не слушает. Презрительно пожав плечами и продолжая напевать, прогуливается по приемной.

Из кабинета выходит 3-й Композитор. Этому не нравятся абсолютно все

¹ Криманчули — характерные рулады, сопровождающие отдельные песни в Западной Грузии.

3-й Композитор

Не дали там — я выскажусь и здесь!
Так что я мыслю? Да! Палиашвили —
Национальный гений. Вне сомненья!
А почему? А потому, что душу
И сердце — сердце! — нашего народа
Своим талантом он постичь сумел.
Он не заимствовал чужих мелодий,
Не поддавался никаким влияньям...
Что следует из этого? А то,
Что музыка у нас должна быть

нашей!
Грузинской! Как поток из сердца гор!
Как водопад! Как бурная река,
Которая еще не вышла к морю
И в глубине его не затерялась!
Она должна иметь свой цвет и голос,
Свои оттенки...

*Выходит 4-й Композитор — Мамука. Он
со всеми соглашается*

4-й Композитор

Я с тобой согласен!

1-й Композитор

Влиянье джаза — вот что губит нас,
Народные мотивы вытесняет...

3-й Композитор

Во всем искусстве!

4-й Композитор

Я с тобой согласен!
Танцуют — черти с ведьмами! Шабаш!

1-й Композитор

Но музыка тут тоже виновата!

3-й Композитор

А взять стихи! Попробуй их прочесть —
Язык сломаешь! И невольно вспомнишь
Скандальные потуги футуристов.

1-й Композитор

Чужое все! Не наше! Наша жизнь
Такого не создаст! Из-за границы
Бактерии болезни.

3-й Композитор

А итог?
Итог один — народ не принимает.

4-й Композитор

Согласен! Только есть еще болезнь:
Уж слишком много юношей сейчас
И этаких напыщенных девиц,
Пописывающих стишки и ноты!

3-й Композитор

Что кукуруза: посадите часто —
Так полного початка не найдешь!

4-й Композитор

Полоть! Полоть! И критика должна
Заняться основательной прополкой!

3-й Композитор

Печатать надо меньше — вот рецепт!

1-й Композитор

Но их, увы, печатают!

4-й Композитор

Согласен!

А почему? Да потому, мой друг,
Что раньше юноша идет в газету
Или в журнал — и у него коленки
Дрожат от страха. А теперь — не то!
Теперь редактор весь трясется, только
Увидит на пороге кабинета
Юнца, принесшего свои стихи.

3-й Композитор

А я, к примеру, сам себе пишу
Все тексты к песням. И неплохо, право!
И сам играю. Даже — сам пою.

*Выходит Дирижер — высокий пожилой
мужчина, несколько туговатый на ухо. Кра-
шенные волосы рассыпаны по плечам. Под
мышкой — какой-то замысловатый аппа-
рат*

Дирижер

Дитя растет под звуки «нав-нана»¹.
Так — и былинка. Так и гордый дуб.
Под музыку навстречу свету солнца
Зеленые протягивают руки.
Мой аппарат способен уловить
Тончайшие мелодии цветенья,
Напевы леса, песни горных трав...
Я слышу, как поет вокруг природа —
И солнечная музыка ее
Излечивает тяжкие недуги,
Всю боль души и тела человека...

1-й Композитор

(иронически)

И человек живет до самой смерти!

3-й Композитор

Феноменальный аппарат! Каким же
Он должен быть чувствительным и
мощным,
Чтоб уловить мелодии цветенья
И заглушить жестокий грохот бурь,
Крушащих вековечные дубы!
А то ведь взять гвоздику, например, —
Она, я слышал, очень быстро вянет
От всяких шумов. Но теперь она,
Надеюсь, спасена?

¹ Грузинская колыбельная песня.

4-й Композитор

И я надеюсь.

Дирижер

Вы шутите? Напрасно. Вы — смешны! Я был в Москве, и там большие люди Мой аппарат хвалили. Лично мне Вручили премию. А здесь, в Тбилиси, Завистники его забраковали. Естественно...

Из кабинета выходит Гиви

Жужуна

(бросается к нему)

Хоть ты скажи нам: что?

Гиви

(мрачно)

Я сделал все, что мог. Но большинство Голосовало против.

(Жужуна, вытирая слезы, медленно садится за свой столик)

Нелли

И ты веришь
В их искренность и честность?

Гиви

Очень трудно

Поверить в это, не кривя душой.
По-моему, симфония Тамаза —
Прекрасная симфония труда.
Но есть жюри! Судили да рядили,
Цеплялись к мелочам — и так и сяк.
И в общем не одобрили.

Нелли

Скажи
Точнее: утопили. Вот и все!

Гено

Несправедливо это. Не по правде!..

Пауза

Из кабинета с победоносным видом выходит Реваз. За ним, почтительно, — несколько участников совещания

Реваз

(Нелли)

Ты здесь? Давно? И так грустна?

Прости:

Я задержался... Это совещанье...
Сейчас поедем.

(Жужуне)

Ну а ты чего?

Чего ты плачешь, девочка? Не стоит!
Бывают неудачи. Но поверь:

Во всякой неудаче есть залог
Побед грядущих. Я скрывать не стану.
Я тоже огорчен. Но что же делать!
Решает большинство. И большинство,
Как учит жизнь, не может ошибаться.
А слава у Тамаза — впереди.
Он молод и талантлив. Но спешит!
Скорей, скорей, скорей к зениту
славы!

Всех растолкать! Всех обогнать! А тут
Недолго и споткнуться. Это — жизнь.
Но я уверен: он всего достигнет.
Со временем... Со временем...

Нелли

(с иронией)

И вы
Поможете ему, я полагаю.

Реваз

(снисходительно усмехнувшись)

Намеки — ни к чему.

Появляется Тамаз — растерянный, в полном отчаянии. На губах горькая улыбка. Все смотрят на него

Пауза

Реваз

Мою машину.
Гено! Оглох?

Гено

Да нет.

Реваз

Скажи шоферу.
Пусть Нелли ответит домой. И сразу
Сюда вернется. Мне к пяти — в ЦК.

Нелли

Не беспокойтесь — я дойду пешком.

Реваз

(властно)

Тебя ждет мать, и ты поедешь, Нелли!

Нелли круто поворачивается и выходит. Реваз возвращается в кабинет. Участники совещания расходятся. Остались Тамаз, Гиви, Жужуна. Тамаз ласково гладит плачущую сестру по голове

Тамаз

Ну хватит, хватит... Стоит ли все это
Того, чтоб ты... Не надо, слышишь? Ну?
Я тоже возмущен... Я просто... просто...
Не знаю, что сказать. Не понимаю,
Что здесь произошло... Я оглушен,

Убит... Убит! В себя не верю больше.

(кивнув на дверь кабинета)

И в этих...

Гиви

Погоди. Тамаз! Постой!

Не падай духом! Разве не понятен
Тебе спектакль, что был разыгран здесь
С таким искусством? Эти... эти люди —
И лживы и трусливы. А талант
Признать способны только у себя
Самих... Но мне-то, мне ты можешь

верить.

Я слушал — и завидовал тебе,
Завидовал по-братски, не скрываю:
Симфония твоя затмила все,
Что довелось мне слушать в кабинетах
Союза композиторов. И я,
Как секретарь бюро, как коммунист,
Как человек и тоже композитор,

Я поборюсь еще, чтоб отстоять
И правду и симфонию твою.

(Кивнул в сторону кабинета)

Ведь не они судьбу ее решают —
Народ! А он фальшивить не умеет,
Народ не лицемерит и не лжет.

(Протягивает ему руку)

И вот рука: я первый поздравляю
Тебя с победой!

Тамаз

(словно очнувшись)

Веришь, Гиви?

Гиви

Да!

Занавес

Картина вторая

Кабинет председателя Союза композиторов. Стоя около своего большого письменного стола, Реваз, с раскрытым клавиром в левой руке и дирижируя правой, негромко напевает какую-то мелодию.

Реваз

Руставская симфония — вот эта!
И будет так! Теперь ей путь открыт.
Нет больше конкурентов. А жюри —
Жюри в моих руках. Хотя, возможно,
Найдутся критиканы — нынче мода!
Начнут: тут, дескать, пафоса труда
Не чувствуется... То, да се, да это...
Отвечу просто:

— Милые друзья!

Вы судите о музыке легко
И очень уж поверхностно, признаться!
Но я не удивляюсь: молодежь
Теперь совсем не уважает старших.
Сначала надо знать о том, что судишь,
И в музыке немного разбираться!
— Профессор! Не волнуйтесь! Почему
Вы сердитесь, профессор?

— Потому что,

Когда потоку преграждают путь,
Выходит он из берегов. Понятно?

(садится за стол, перелистывая ноты)

Ах, если б знать, чего не достает
Симфонии моей? И неужели
В ней нет и жалкой искорки таланта?
А комплименты, что я часто слышу, —
Всего лишь лезть трусливых лицемеров?
Тамазу я завидую. Любой

Критический совет всегда считаю
Враждебным выпадом. А ведь, возможно,
Симфония — ни к черту? Нет, нельзя
Такому настроенью поддаваться!
Свое дитя — уродливо и глупо —
Чужих дороже, даже пусть они
Красивы и умны. И надо, надо
Стремиться к цели, за успех бороться.

(Задумался)

А если?.. Если вдруг распространится
Слушок, что мне, допустим, предложили...
Конечно! И такой слухок Жужуна
Немедля разнесет...

Нажимает кнопку звонка. Потом снимает трубку телефона и, не набирая номера, говорит, будто не заметив, как на его вызов вошла в кабинет Жужуна

Не верю, нет!

Вы шутите. Серьезно? Нет, не верю.
Мне — пост министра? Это просто слухи.
Как в старой сказке: был кувшин,
разбился,
Иль не разбился, ну а слух пошел.
Нет дыма без огня? Все это верно...
Министр культуры! Столь высокий пост
Не для меня. Да и сейчас не время:
Мои враги не дремлют, и они,

Возможно, распускают эти слухи,
Чтоб заместителей да и министра тоже
Против меня восстановить.

(Словно только что увидел Жужуну)

Жужуна?

(Положил трубку)

Жужуна, дай мне слово: все, что здесь
Ты слышала, останется меж нами.

Жужуна

(Пожав плечами)

Пожалуйста... Но я не понимаю:
Зачем скрывать? Ведь это не позор,
Что вас хотят назначить...

Реваз

Просто рано

Об этом говорить. И я прошу:
Ни слова никому! Когда ж меня
Назначат, обещаю: будешь ты
Секретарем **министра...** А теперь...
Здесь Гиви?

Попроси его ко мне.

(Жужуна уходит. Реваз один, говорит с усмешкой)

Дала мне слово! Да какой дурак
Поверит, что она не разболтает!
Быстрее правды сплетня полетит.

(Откинулся на спинку кресла)

Осталась Нелли. Надо разлучить
Ее с Тамазом — и тогда...

(Входит Гиви)

А, Гиви!

Прошу, садись. Серьезный разговор.

Гиви

Я слушаю.

Реваз

Хотелось твое мнение
Узнать — и вот о чем: вчера в ЦК
Мне предложили выбрать кандидата
В командировку.

Гиви

Далеко?

Реваз

В Китай.

Прочешь цикл лекций.

Гиви

И надолго?

Реваз

На год.

Или чуть меньше — точно не скажу.

Я выдвинул Тамаза. Правда, он
В обиде на меня, не понимая,
Что я всегда желал ему добра.
Вот и с поездкой... Это, Гиви, честь —
Читать о нашей музыке в Китае
Великому народу. И в ЦК
Не возражают, чтоб Тамаз поехал.
Надеюсь, что и ты...

Гиви

(сухо)

Не возражаю.

Реваз

Отлично, Гиви! Если хочешь знать,
Сначала думал я послать тебя.
Но ты пойми: я без тебя — без рук,
Ведь партбюро — помощник и опора
Мне как руководителю. И я...
Я очень рад, что ты на все глядишь
С партийной точки зренья и умеешь
Дела Союза выше личных дел
Всегда считать.

Гиви

(не сразу)

Скажите, это правда,
Что говорят о вас?

Реваз

А что?

Гиви

Да будто
Хотят назначить вас министром...

Реваз

Кто

Распространяет эти слухи, а?

Гиви

Но если так...

Реваз

Я от тебя не стану
Скрывать того, что есть. Вполне
возможно
Меня назначат. Ведь у нас в ЦК
Меня все знают, часто мне дают
Задания, ответственность которых
И важное значение всем понятны.

(взглянул на часы)

Да, кстати — ровно через час опять
Я должен быть там, у секретаря.

(Телефонный звонок. Реваз берет трубку)

Да!.. А, Кето! Я слушаю тебя...

Что нового? Что? Нелли?
Как — в Рустави?

(Слушает. Гиви выходит)

О дура-баба! Ну чего орешь,
Как сумасшедшая! Пускай уходит!
Черт с нею! Поняла? И вообще —
Когда ты прекратишь ко мне на службу

Звонить из-за какой-то ерунды?
Забудь мой номер! Ясно?

(Бросил трубку)

Нет, пора!
Пора покончить с этим! Надоело!
Забыть о прошлом! Счастье — впереди.
И на пути к нему преград не стало.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Рустави. Домик родителей Тамаза — аккуратный и чистенький, с открытой галереей вдоль всей стены. Сад. Под большим развесистым деревом — стол, вокруг него — скамейки. На заднем плане — индустриальный пейзаж города.

Из раскрытых окон дома слышна песня. Это провожают уезжающего в Китай Тамаза. Отец Тамаза — Иосиф — возится в саду около только что посаженного дерева.

Иосиф

Люблю на свежем воздухе, в саду,
С цветами и деревьями возиться.
Они, как дети, — тянутся к тебе,
Заботы просят, ласки и защиты.
Свет солнца, жар маргеновских печей,
Рабочий пот и пот крестьянский — схожи,
И оба возвышают человека.

Голос Элефтера

Привет, сосед!

(Элефтер входит)

Иосиф

А! Элефтер! Здорово! Что — пора?

Элефтер

Да нет. Я просто так — зашел проведать.
Смотри, приятель, чтобы этот сад
Не потянул тебя к земле обратно,
К крестьянскому труду.

Иосиф

Нет, Элефтер.

Не спору: у земли большая сила,
Но моим плугом был всегда мартен.

Иосиф снова возится с деревцем. Элефтер помогает ему.

Пауза

Элефтер

Ты знаешь: Нелли, что у нас завклубом,
Вчера пристала: дядя Элефтер,
На пенсию пора вам, на покой.
Вы, дескать, заслужили...

Иосиф

Ты — не первый.
Мне тоже предлагают. Только я
Спешить не собираюсь — ведь заводу
И опыт наш и знания пригодятся
Еще не раз. И чувствуем себя
Мы вроде ничего! А?

(Весело хлопнул Элефтера по плечу — тот пошатнулся, схватился за дерево)

Осторожно!

Я в честь Тамаза это деревцо
Сегодня посадил.

Элефтер

Тамаз достоин!

Иосиф

Достоин, верно. Сыном я горжусь.
Рабочим я состарился, а он —
Куда взлетел!

Элефтер

Взлетел, взлетел! Не шутка!
Не шутка, коли парня пригласили
В Китай — не просто в гости, а читать
Профессорам о музыке. И пусть
Цветет оно — вот это деревцо.
И будущему сына твоего.
Поверь мне, тоже суждено цветенье.

Иосиф

Я верю в это. Я вот сталевар,
А сын мой — композитор...

Элефтер

Мы с тобой
Трудом своим в мартенах заставляем

Ты...
Ты, значит, тоже прилетела? Здравствуй!
Ах, стрекоза!

Жужуна

(Увидев Лексо, насмешливо)

И ваша милость здесь?

Лексо

(Нелли)

Конечно! Здравствуй!

Нелли

Да ведь мы с тобой
Уж виделись сегодня.

(Жужуна, сдерживая смех, убегает в дом)

О! Понятно,
Ради кого ты можешь трижды в день
Здороваться со мной...

Иосиф

Входите, Нелли.

(Уводит ее в дом)

На галерею выбегает Жужуна, спускается с лестницы.

Лексо

Постой, Жужуна!

Жужуна

Некогда, Лексо!

Лексо

Постой... Скажи, ты получила... это...
Мое письмо?..

Жужуна

Письмо? Не получала!

Лексо

Не получала! А ведь я его
Сам положил тебе в карман...

Жужуна

Уж ладно —

И получила, и прочла, и даже
На память помню — ведь оно в стихах.
Ты стал поэтом?

Лексо

Иногда пишу,
Пишу, но только все мои стихи
Печатают пока на ремингтоне.

Жужуна

(немножко грустно)
Над ремингтоном незачем смеяться!

И ложь и правду нашей жизни — все
На нем печатают... Твои стихи
Написаны неплохо. Но по форме
Уж очень старомодны. Кто сейчас
Рифмует «радость — сладость», «кровь —
любовь»!

Лексо

Конечно, ты права...
Да разве в рифме
Все дело! Дело — в мысли! А она —
Всегда нова и молода. И вечна!
И вечна и прекрасна, как Этери
Абесаломова... Скажи, тебя
Одни шелка лишь украшать способны?

Жужуна

(растерявшись)

Ну... Так же... Так же, как тебя костюм
Вот этот украшает! Да?

(хохочет)

Лексо

Ой, мама!

Я ж для тебя надел его, а ты —
Хохочешь!

Жужуна

Ты, наверно, перепутал
И у портного взял чужой костюм.
Пошит неплохо, но такая мода
Была у женщин. Лет, наверно, тридцать
Тому назад. Все коротко, в обтяжку —
И называлось это — шантеклер.

Лексо

Смеешься? А подумай: разве модно
Носить сегодня брюки шириной...
Как парашют! Нет, мода — это мода!

Жужуна

Не мода! Эпидемия! Болезнь!

Лексо

Болезнь! Болезнь! Как будто бы вы сами
Не гонитесь за модой! Поглядишь:
На вас не шляпки — чучела гусей,
А вместо тuffель — утюги!..

Жужуна

На мне,
Выходит, тоже утюги надеты?

Лексо

Ну, на тебе... Ну, не совсем, конечно...
И в общем ты права: заражена
Недугом этим наша молодежь
И — кто ного: иль ты его поборешь
Иль он тебя. По совести скажу:
Мне кажется, что я костюмчик детский
Напялил на себя — и не вздохнуть!

Как связанный! Да вот еще беда:
Я все свои костюмы, глупый дурень,
Укоротил и сузил.

(Жужуна хохочет)

Ты опять
Смеешься надо мной? А нет, чтоб раньше
Помочь мне, посоветовать... Коль ты
Желаешь мне добра, так почему ж
Ты до сих пор молчала? Разве я
Уж так смешон? Ты видела меня
Вчера в цеху. И когда сталь пошла,
Когда блеснуло пламя — показалось
Тебе, что это молнии сверкнули,
А мы — как властелины этих молний,
Стояли у мартенов.

Жужуна

(очень серьезно)

Да, Лексо, —
Тогда ты был, действительно, прекрасен!

Лексо

А вот сталь сердца — даже будь она
Высокой марки — может безвозвратно
Сгореть в огне любви.

Жужуна

Иль закалиться.

Лексо

Иль закалиться, если не сгорит.
Тот, кто не любил, у того нет сердца.
А тот, кто любит...

Жужуна

Дальше?

Лексо

Эх, да я...

Когда я на тебя гляжу, мое
Ликует сердце. Кажется, что ты —
Как ласточка. А голос твой... Да разве
Найдешь сравненья! Если бы и мне
Такой же голос! Я тогда б всю жизнь
Пел о тебе.

Жужуна

Ты просто б стал певцом.

*Жужуна, смеясь, собирается уйти в дом.
Лексо остановил ее, говорит другим голо-
сом — взволнованным и решительным*

Лексо

Жужуна! Сталь, когда ее хотят
Согнуть, — сломаться может.

Жужуна

Что ж мне делать?

Лексо

Ответить на мое письмо — и все.

Жужуна

Так — сразу?

Лексо

Сразу!

Жужуна

Нет, Лексо, тут надо
Мне с сердцем посоветоваться.

Лексо

Да?

Советоваться с сердцем? Разве птица
Летит не сразу? Учится? Любовь,
Как птица, — вмиг вспорхнет, взлетит,
взвонится —

И нет преград ей...

Жужуна

Боже мой! Лексо!
Но ты же сам писал, что от любви
Немеет человек. Вот так и я —
Я онемела...

Лексо

О стихи! Да в них
Все надо понимать наоборот!
Смотри не на слова, а на того,
Кто написал их.

*Входят Тамаз и Нелли. Жужуна и Лексо
убегают*

Нелли

Видно, этот парень
Твою сестру серьезно любит. Ты —
Не против?

Тамаз

Нет. Он тоже из рабочих,
Как мы с Жужуной. Да и человек
Он, видно, неплохой. И если любят
Они друг друга, я желаю им
Большого счастья!

Нелли

(задумчиво)

Счастье... Да не всем
Оно, наверно, суждено. Добиться
Его не так-то просто.

Тамаз

Ну, зачем
Ты говоришь так?

Нелли

Но ведь это правда?

Тамаз

Неправда, Нелли! Счастье человека —
В его руках, он сам — его творец.
И в счастье надо верить. Надо жить
Лишь для него и за него бороться —
За счастье для себя и для людей.
А ты... Я не пойму, ты почему-то
Уж ни во что не веришь. И гляжу
Я на тебя и вижу, что терзает
Тебя какая-то тревога, горе
Какое-то на сердце у тебя,
Как тяжкий камень. Ты грустна порой,
Порою — весела. И на лице
Твоем — то солнце, то чернее ночи
Лежит печали горестная тень.
А я люблю тебя совсем другой —
Всю в солнечном сиянии, люблю
Глаза твои, когда потоки света
Они струят мне прямо в сердце... Я...
Я слов не нахожу, чтоб передать
Твое очарование!.. Но нынче...
Но нынче ты совсем другая, Нелли!
Скажи мне, что с тобой? Скажи мне, что,
Что мучает тебя? Я сам никак,
Нигде, ни в чем не нахожу ответа.

Нелли

Я тоже не могу понять, Тамаз,
Я тоже не могу найти ответа.
Но когда рядом ты, себя счастливой
Я чувствую — и лишь в минуты эти
Я вновь люблю и жизнь, и свет, и солнце,
И травы, и деревья, и цветы,
Я вновь живу. Мне хочется играть,
И петь, и веселиться, и кружиться.
Я начинаю верить, что вокруг
Все для меня, для нас, для человека!
Благодарю тебя, Тамаз: ведь ты
Меня счастливой делаешь! Но вот
Ты уезжаешь — далеко, надолго —
А я одна... Одна останусь здесь —
Без радостей, в тоске...

Тамаз

О! Время быстро
Пройдет, поверь мне. А когда есть цель,
Оно идет еще быстрее. И скоро,
Мы очень скоро встретимся с тобою.

Пауза

Нелли

Я буду здесь, в Рустави, жить — в
Тбилиси
Я не останусь. Стал невыносим
Мой отчим. И сейчас он, видно, хочет,
Чтоб мама разошлась с ним...

Тамаз

Я не верю.
Не сделает он этого — ведь он
Тебя так любит!

(Нелли вздрогнула)

И свою семью

Он не разрушит.

Нелли

Ты его не знаешь!
Вернее: плохо знаешь.

Пауза

Тамаз

Улыбнись,
Хорошая моя! Ну, улыбнись, мне —
Я не хочу тебя перед дорогой
Печальной видеть. Улыбнись. Хочу
Я увезти с собой твою улыбку,
А не тоску твоих погасших глаз.
Я должен быть уверен, что любовь
Ты здесь убережешь — и никакая
Ее ни разу не коснется тень,
Никто, ничто!

Нелли

О! В этом можешь верить
Ты мне, Тамаз! Клянусь, что даже в
мыслях
Я ей не изменю!

Тамаз

(берет ее за руку)

А я... Клянусь,
Где б ни был я, тебя я не забуду.

Нелли

И я тебя!

*(Неожиданно обнимает и целует Тамаза.
Потом говорит с грустной улыбкой)*

А это — как печать
Доверия и верности...

Тамаз

Такая
Печать вовеки не сотрется!

*Из дома с чемоданами выходят Гиви,
Жужуна и Лексо. Тамаз достает из кар-
мана пиджака ноты*

Нелли!

Вот это ноты. В них вся жизнь моя,
И прошлое и будущее. Я
Тебе их оставляю: ведь в моей
Симфонии трудов твоих немало,
Ведь если бы не ты, я никогда б
Не написал ее. Ты вдохновляла
Мой каждый шаг. И лишь тебе одной
Могу я их доверить... Может быть,
В них нужно будет что-нибудь поправить,
Переписать, почистить... Только ты
Сумеешь это — ты с твоим талантом,
С твоим чудесным сердцем, с молодой
И чистой душой... И я верю:
Еще прекрасней зазвучит тогда

Руставская симфония...

Лишь жаль,
Что здесь меня не будет в это время.
Быстрой бы прояснилось все: кто прав
И кто не прав.

Гиви

Твои друзья, Тамаз,
Здесь остаются. И они еще
Поборются!
Мы все тебя поддержим.

Появляются Иосиф, Элефтер, Русудан,
друзья Тамаза, пришедшие проводить его
в далекий путь

Иосиф

(поднимает стаканчик с вином)

Пью за твое здоровье, сын мой! Пусть
Счастливой будет дальняя дорога
И возвращенье — радостным!.. У нас
Не так уж часто ты бывал. Покуда
Приехать соберешься из Тбилиси,
Так год пройдет. А ведь Рустави близко.
Хотя, наверно, вам, тбилисцам, он
Все кажется провинцией. Но, право,
Не задирайте носа — скоро мы
Вас перегоним! В этой семилетке!

Гиви

(шутливо)

А мы на месте тоже не сидим
Да и сидеть не будем!

(Смех)

Иосиф

Русудан!
Ты не забыла положить Тамазу
Печенья своего? Пускай китайцы
Его попробуют.

(Пьет)

Вот это водка!
Какая она сладкая сегодня!
Не правда, Элефтер?

Русудан

Да у тебя
Сегодня сладко все — вино и речи.

Иосиф

А как же, мать! За тридевять земель
Мой сын сегодня едет — и не мне ли
Напутствовать его приятной речью?
Мне очень жаль, но должен перед ним
Я извиниться, что в аэропорт
Я не могу поехать — скоро время
Мне на завод: мартен не любит ждать,
Огонь зовет меня туда... И право:
Еще не стар я сердцем! И силенка
Еще найдется, словно молодые
Ко мне вернулись годы!

Русудан

Всегда милы воспоминанья!

Иосиф

(С добродушной усмешкой)

Тут

Уж ничего не сделать: ты ведь тоже
Частенько, мать, частенько вспоминаешь
О годах молодых своих.

Русудан, махнув рукой, уходит в дом.
Иосиф начинает говорить несколько тор-
жественно и назидательно

Не старость

Воспоминанья навевают нам.
Не старость, — жизнь, которая вокруг
Так молодо бурлит, и наше счастье,
Сегодняшнее счастье тех, кто честен,
Кто трудится, усталости не зная,
Людское счастье — в чем оно? —
в труде!

Элефтер

А мы с огнем всегда имеем дело,
И чтобы покорить его, нужны
И молодость и сила! Так, Иосиф,
Я говорю? И ты меня, Тамаз,
Послушай. Ты — хороший композитор,
Ты чувствуешь, о чем поет огонь
В мартеновской печи? Поет о силе!
О молодости! Угли очага
Сталь не расплавят. Пламя Амираана
Ее рождает. И оно у нас —
У нас! — в руках. Так разве можем мы
Отдать его другим, покуда сами
Его еще способны покорять?

Иосиф

(настроенный философски)

Отец всех песен — труд, а мать их —
жизнь,
И то, что ими рождено, — бессмертно!

Элефтер

(ему в тон)

А жизнь есть время, и его никто
Не повернет обратно!

Пауза

Иосиф

Ну, мой сын,
Счастливого пути тебе! В советах
Ты не нуждаешься. Прошу лишь: чаще
Пиши нам и хорошими вестями
Меня и мать порадуешь.
Русудан!

Уже пора! Ты скоро?

Выходит Русудан. Глаза у нее запла-
каны

Русудан

Ох, горе мне! Не вынесу я, нет,
Такой разлуки!.. Очень далеко,
Сынок, ты едешь!

Жужуна

Ну, не надо, мама!
Не надо плакать! Для Тамаза счастье—
Командировка эта. Разве всем
Такое выпадает? А Китай —
Как сказка, мама! И чудес немало
Увидит там Тамаз. И нам потом
Расскажет. Правда?

Тамаз

(мягко улыбнувшись)

Расскажу, Жужуна.

Жужуна

Ты, мама, знаешь — через два часа
Тамаз уже в Москве. Ты представляешь,
Позавтракал он здесь. А там — обед.
И дальше! Ты поверь мне: все-все-все,
Все будет хорошо — и он вернется
Благополучно к нам. Ах, если б я
С ним вместе полетела!..

Тамаз

(матери)

Я тебя
Прошу: не забывай о Нелли. Чаще
Наведывайся к ней. Ведь мы уже
Помолвлены!..

Русудан

Мой мальчик! Ну, конечно,
Я буду навещать ее! Мне только б
Скорей увидеть ваше счастье!

Тамаз

Мама,
Ты обязательно увидишь!

Русудан

Скоро?

Тамаз

Надеюсь, скоро.

Русудан

Волосы твои
Уж серебрятся сединой!..

Тамаз

Приеду —
И сразу свадьба.

Русудан

Ох, дожить бы мне
До этого счастливейшего дня!

*Неожиданно Лексо срывается с места и
начинает танцевать*

Лексо

(танцует)

И-е-эх!

Давай, давай! Живей давай!

*Все становятся в круг, прихлопывая ла-
донями в такт танцу. Танцуют Жужуна,
Лексо, провожающие Тамаза друзья. На-
чинают танцевать и Русудан с Иосифом*

*Входит Реваз. Все удивлены. Танец пре-
кратился*

Реваз

Простите...

Я помешал... Вы, видимо, Тамаза
Собрались проводить?..

Русудан

Прошу, прошу...

Иосиф

(со стаканом вина)

Вином благословите. Пожелайте
Счастливого пути Тамазу!..

Реваз

(берет стакан)

О!

С огромным удовольствием! Тамаз,
Счастливого тебе пути! Успехов —
Великих и достойных! Твой талант
И добрые дела твои известны,
И честью, что оказана тебе,
Ты им одним обязан, и я верю,
Что ты за рубежом родной земли
Высокие надежды оправдаешь.

(Обращается к Русудан)

Счастливая вы мать. Гордитесь сыном!

(Поднимает стакан)

Тамаз! Твое здоровье! Будь здоров!

(Пьет вино)

Голоса

— Да, будь здоров!

Реваз

(Тамазу)

Я вынужден, мой друг,

Перед тобой и всеми извиниться,
Что не могу поехать проводить
В аэропорт... И, к сожаленью, Нелли
Не сможет тоже...

Нелли

Так что случилось?

Реваз

Нелли

Почему? Ведь я...

Внезапно стало плохо.

Реваз

(не дав ей сказать)

Надеюсь, вы меня, друзья, простите?
Конечно, неудобно... Наш Тамаз...
Но жизнь и обстоятельства бывают
Сильнее нас...

Мы должны

Поторопиться, Нелли... Извините.
Идем! Ты слышишь?

(Почти силой уводит Нелли)

Лексо

Что за человек!

Нелли

Иосиф

Но я поеду.

(многозначительно)

Реваз

Что он за человек — меня спросите:
Ведь я встречаюсь с ним не
в первый раз.
Он будто не узнал меня, зато...
Зато я на всю жизнь его запомнил!

Нет!

Сейчас, родная, каждая минута
Нам дорога!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Реваза. Большая, богато обставленная гостиная. Утро. У окна — Кетеван, печальная и задумчивая. Она медленно откинула занавес — и в комнату хлынул поток солнечного света.

Кетеван

(одна, говорит так, словно думает вслух)

Уже светло. И новый день настал.
И ночь прошла. Но глаз я не сомкнула.
Что ждет меня сегодня — я не знаю.
Восходит солнце — и любой букашке,
Любому существу оно дарит
Все блага жизни. Но меня опять
Не радует оно — лишь все сильней
Моя печаль, и кажется мне, будто
Луч света не заглядывал ни разу
В мою семью. А все хоромы эти —
Моя темница, и сама я в них,
Как пленница, которой никогда
Не суждено избавиться от плена.
О, сколько довелось мне пережить!
И сколько впереди!.. Но — Нелли,

Нелли...

Я не хочу, чтобы ее судьба
Была с моею схожа. Не хочу,
Чтоб дочери такая же, как мне,
Нерадостная выпала дорога.
Она должна свернуть с нее. Должна!
У мужа я рабыня. Ни во что

Не ставит он меня. И хочет Нелли
Такою же, как я, покорной сделать,
Чтоб и она безмолвно угождала
Всем прихотям его. Но нет, довольно!
Довольно и того, что я страдаю,
Что, мужа потеряв, я не сумела
Разрушенный восстановить очаг.
Так пусть хоть дочь моя не знает горя.
Пусть выйдет замуж и создаст семью,
Счастливую и добрую... Но отчим
Об этом даже слушать не желает,
Противится — и не понять никак,
Зачем и почему...

Из смежной комнаты доносится стон. Кетеван подошла к двери, прислушалась. Появляется Нелли, только что проснувшаяся, полупраздетая

Голубна! Нелли!
Чего ты испугалась? Что с тобой?

Нелли

Ах, мама! Мне такой ужасный сон
Приснился...

Кетеван

Сядь и расскажи.

Нелли

Так страшно

Мне было, что я плакала.

Кетеван

Не надо,

Ты сядь и успокойся...

Нелли

Снилось мне,

Как будто бы Тамаз уже вернулся

И к нам пришел. А сам такой печальный!

Кетеван

Ну, значит, у него все хорошо!

Нелли

...И маленькая ранка на щеке,
И кровь...

Кетеван

Да ты не разглядела, дочка!
Улыбка на лице его была!

Нелли

...Меня поцеловал он и негромко
Сказал:

— О как я, Нелли, без тебя
Скучал там!

— Я скучала тоже, милый!
— Но видишь, я вернулся и к тебе
Заехал сразу.

— Я тебя ждала.
— А мама здесь? Пройдем к ней

вместе.
— Да,

Она так будет рада!

— Как дела
С симфонией моей?

— О, очень скоро
Ее услышат!..

— Ласточка моя!
Любимая моя! Ведь это ты

Мне подарила вдохновенье...

— Гиви

Дал слово, что поддержит нас.

— Его,

Я вижу, ты не забываешь, Нелли!

Но он обманет, ты ему не верь.

— Обманет?

— И не верь его любви!
— Да что ты говоришь, Тамаз!

Опомнись!

Я только одного тебя люблю.

А с Гиви мы друзья...

— Прости меня, —

Сказал он мне тогда. И в это время
Какой-то человек, как черный ворон,
Набросился на нас, схватил меня

И поднял в воздух. Долго с ним Тамаз
Боролся... Мы ж — летели и летели,
И вдруг я сорвалась над черной
бездной.

И закричала. И проснулась.

Кетеван

Сон

Тебя напрасно, милая, тревожит.
Ты часто вспоминаешь о Тамазе,
О встрече с ним мечтаешь — ну и он
Тебе приснился. Юное сердечко
Твое забилось чаще, а тебе
Казалось, что на крыльях ты летишь.
Не беспокойся ни о чем. В народе
Так говорят: когда плохое снится,
То в жизни будет все наоборот.

Нелли

Спасибо, мама... Сразу легче стало
На сердце у меня... Как хорошо
С тобою рядом! Кажется, опять
Я маленькая-маленькая. Ты —
Одна моя утеха и отрада.
Отцовской ласки я не знаю...

Кетеван

Как

Любил тебя отец! Души не чаял!

Нелли

А сколько было мне, когда его...

Кетеван

Всего два года.

Нелли

Я совсем не помню.
Совершенно не помню...

Пауза

Мама! Значит ты

Любила дважды?

Кетеван

Ты подумай, дочка,
О чем ты говоришь! Любила я
Лишь твоего отца.

Нелли

Тогда зачем

Ты снова вышла замуж?

Кетеван

Так случилось.

Пауза

Нелли

А что же делать, если сразу двум
Понравиться?

Кетеван

(с улыбкой)

Не знаю, дочка. В школе
Любви не обучают — учит жизнь.

(Помолчав)

Еще задолго до того, как я
Узнала твоего отца, Ревазу
Я нравилась. Они как братья были —
Реваз и твой отец... Ну а потом
Не стало этой дружбы, потому что
Реваз хотел на мне жениться. Я,
Узнав об этом, постаралась больше
Не видеть, не встречать его, а он
Стал злобным и жестоким, а недавно
Узнала я, как твоему отцу
Он отомстил...

Нелли

Он отомстил, а ты
С ним под одною крышей, мама!

Кетеван

Я до сих пор не верю!

Нелли!

Нелли

Я верю!

А вот я —

Кетеван

Значит... Значит, ты все знаешь?

Нелли

Да — знаю, знаю! Ведь отец Тамаза
Свидетелем на том допросе был,
Когда отца оклеветали... Мама,
Теперь ты понимаешь, почему
Мой отчим их обоих ненавидит?
Он помнит это... Он боится их...
А ты... А ты... Да как ты можешь,
мама,
Быть вместе с ним! Ах, для чего тогда
Ты вышла за него!...

Кетеван

Я не хотела
Чтоб без отца росла ты, сиротой...

Нелли

Да лучше сиротой, вдвоем с тобою,
Чем с отчимом таким!

Кетеван

Но он тебя
И обучил, и вырастил, и любит,
Как дочь родную...

Нелли

(горько)

Если б было так!

Кетеван

А как иначе?

Нелли

(хочет переменить тему)

Да не стоит больше
И говорить о нем!

Кетеван

Не стоит... Только
Он эти дни какой-то сам не свой:
По кабинету ночи напролет
Все ходит-ходит, говорит...

Нелли

Наверно,
Желанье стать министром не дает
Ему покою.

Кетеван

Стать министром! Сам
Он этот слух везде распространяет.
А телефон теперь и день и ночь
Трезвонит: поздравленья! пожеланья!

Нелли

А может правда?

Кетеван

Сомневаюсь я.
Он очень любит перед всеми хвастать
Знакомствами своими: дескать, вот
Сын самого секретаря ЦК —
Мой ученик... Боюсь я, что добром
Не кончится все это: будет рваться
К посту министра, а в итоге сам
Все потеряет.

Нелли

Ну и пусть!

Кетеван

Уж так
Устроено, наверно, что, старея,
Впадает в детство человек.

Нелли

Дитя
Рождается созданием несмышленным,
Но к старости становятся такими
Не все.

Входит Реваз

Реваз

(язвительно)

Прелестно! С самого утра
Устроили идиллию! А разве
Нет в доме больше дел? Ведь я гостей
Сегодня жду. Ты слышала? А ты,

(Нелли)

Любимица моя, все хорошеешь?
Цветок — и только. Любо поглядеть!

(Садится, хочет посадить ее рядом)

Я ночью написал одну вещичку.
Пожалуйста, пройди и разбери —
Гостям сыграешь...

*Нелли вырвала у него руку и молча
выбежала в соседнюю комнату*

Вот как дочь свою
Ты воспитала! Как и ты, она
Упряма, своенравна...

Кетеван

Я горжусь,
Что Нелли на меня похожа!

Реваз

Это,
Наверно, благодарность за все то,
Что для нее я сделал? Двадцать лет,
Как дочь родную, я ее лелею,
Ни в чем ей не отказываю, все
Ей отдаю. Она же — как дикарка,
Меня все время избегает...

Кетеван

Что ж...

Реваз

Мои советы для нее ничто,
Над добротой моей она смеется.
Но есть предел терпенью! Будет так,
Как я хочу — иль вместе с нею вон!

Кетеван

Не кричи.

Скажи, чем недоволен, что плохого
Мы сделали тебе. И разве я
Была тебе плохой женой? А Нелли
Тебя не уважает?

Реваз

Даже очень!
И образец такого уваженья
Мы только что увидели...

Кетеван

Зачем
Ее судить так строго? У нее

Плохое настроенье. Нынче ей
Кошмар какой-то снился...

Реваз

Ах, кошмар!
Ах, сон! Вы обе, как во сне, живете!
И я не в силах больше выносить
Все это!

*В передней — звонок. Кетеван выгляды-
вает в окно.*

Кетеван

Ну — визиты начались!
С утра! Вчера — звонки и поздравленья
Без перерыва. Я не знала, что
И отвечать! Мне было так неловко...
Действительно, тебя хотят министром
Назначить? Или это, как всегда,
Пустые разговоры, что так часто
Вокруг тебя внезапно возникают?

Реваз

Какое тебе дело? Ты и так
Во всем меня винить готова. Даже
Уверена, что эти слухи я
Распространяю сам... Да разве людям
Могу заткнуть я рты? Пускай болтают
Все, что хотят!

Кетеван

Ведь о тебе, Реваз,
Я беспокоюсь. Если эти слухи
Не подтвердятся...

Реваз

То тогда — позор?

Кетеван

Позор!

Реваз

Довольно! Я давно просил
Тебя не лезть в мои дела. Советы
Твои мне не нужны. Я знаю сам,
Что делаю. Оставь меня в покое!

(Кетеван уходит направо, в столовую)

Входит 4-й Композитор

4-й Композитор

(отвешивая церемонный поклон)

Мир сему дому!

Реваз

Чем обязан я
Высокой чести видеть вас? Зачем
Вы беспокоились так рано?

4-й Композитор

Что вы!

Какое беспокойство! У меня
Не выдержало сердце. Что поделаты!

Вчера, увы, узнал я слишком поздно
И не рискнул прийти и потревожить.
Но нынче, мой любезнейший коллега,
Я очень счастлив первым вас поздравить.
Я очень счастлив, — ведь потом
уж будет
Не до меня вам!.

Реваз

Ну к чему, мой друг,
Ты говоришь такие вещи! Двери
И кабинета моего и дома
Всегда открыты для тебя. Но с чем
Меня ты поздравляешь?

4-й Композитор

(подобострастно хихикнув)
Уж как будто
Не знаете! Об этом весь Тбилиси
С восторгом говорит!

Реваз

(словно не понимая)

О чем?

4-й Композитор

О вас-с!
Но вы, я знаю, скромный человек,
И скромность украшает вас...
Но только
К чему скрывать такую радость! Вы —
Единственно достойный кандидат,
Чтобы занять по праву пост министра.

Реваз

Но это только слухи!

4-й Композитор

Как сказать!
Нет дыма без огня! И раз в народе
Об этом говорят, то так и будет.
Вы станете министром! И, надеюсь,
Тогда нас не забудете?

Реваз

Мой друг!
Меня, поверь, ничто не ослепляет —
Ни слава ни успехи. И чем выше
Я поднимаюсь, тем ясней и дальше
Все вижу.

4-й Композитор

Как орел!

Реваз

И если есть
Ко мне какая просьба у тебя —
Прошу.

4-й Композитор

Да что вы! Я почел за честь
Поздравить вас и только. И напомнить,
Что мы уже не первый год друзья.

Хоть, правда, соглашателем меня
Кой-кто по злобе называет, я же
Признаюсь честно: яркий ваш талант
Всегда меня пленял...

(В передней — звонок)

Реваз

Прошу прощенья.
Пройди сюда и поболтай с Кето.

Реваз провожает 4-го Композитора в столовую, потом открывает дверь в переднюю. Входят 1-й и 2-й Композиторы

2-й Композитор

Привет, Реваз!

(1-му Композитору)

Так, может, и теперь
Ты будешь говорить, что я болтун?

1-й Композитор

Я, дорогой Реваз, немного скептик,
Но в то, что довелось вчера услышать,
Поверил сразу. И прошу принять
Идущие от сердца поздравленья!

2-й Композитор

Я говорил и повторяю: вот
Тот человек, что лишь один достоин
Занять высокий пост министра! Тут
Двух мнений быть не может! И умом,
И внешностью своей, и красноречьем,
А главное — огромным дарованьем,
Он заслужил такую честь. Не правда?
Одно меня тревожит: с высоты
Увидит ли он нас? Не позабудет
Друзей своих?

Реваз

Ну что ты, дорогой!

1-й Композитор

А то ведь так бывает: кое-кто,
До власти стоит лишь ему дорваться,
Становится, как радиоприемник:
Когда он говорит — его ты слышишь,
А он тебя — ни-ни!

2-й Композитор

(сам себе, пожимая плечами)

Исчез... Пропал...

Удрал от нас.

(Копируя 4-го Композитора)

«Талант? Да у Реваза
И не было его! И неужели
Вы верите, что он министром будет?»

Реваз

О ком ты?

2-й Композитор

Да о ком же! О Мамуке,
Что верит иль не верит, но одно
Всегда бубнит: «Согласен!»

1-й Композитор

Это — тип!
И если я — немного скептик, он —
Совсем похоронил вас. Осторожней
С ним надо быть. Такого человека
И на порог нельзя пускать!

2-й Композитор

Змея!
Но с разницею: та пестра снаружи,
А этот — изнутри.

1-й Композитор

Да, человек
Душою должен быть и чист и светел.
Заискивать и лицемерить? Н-нет!
Я не такой! И если в ком-нибудь
Не нравится мне что-то, — я в лицо
Скажу об этом. За глаза хулить
Я не привык.

2-й Композитор

Но часто, друг мой, правда
Не ценится. Зато в почете ложь.
И лицемерьем подхалим откроет,
Как ключиком волшебным, дверь
любую.

Реваз

Но вас я знаю. Вы, мои друзья,
И лгать и лицемерить не способны.
Все, что вы говорите — голос сердца...

2-й Композитор

Святая правда! Обмануть, Реваз,
Никто вас не рискнет и не сумеет.
Вы — опытный политик, сердцевед,
Прекрасный диалектик. И бессменный
Руководитель нашего Союза!
А ваш талант... Да нужно ль говорить
О вашем дарованье! Всем известно,
Сколь велико оно!..

В передней — звонок

Реваз

Прошу прощенья.
В столовую пройдите — там приятель
Вас ждет.

(Выходит)

*Из двери в столовую с ехидной улыбоч-
кой высовывается 4-й Композитор*

1-й Композитор

Мамука!

2-й Композитор

Как! Ты тоже здесь?

4-й Композитор

Согласен: здесь.

1-й Композитор

Но ты спешил куда-то!

4-й Композитор

Спешил? Да что вы! Просто я решил
Здесь подождать вас — и не прогадал.
С огромным удовольствием послушал,
Как вы меня хвалили.

*1-й и 2-й Композиторы смущенно перегля-
дываются. Все трое заходят в столовую.
Из передней появляется Реваз. За ним —
3-й Композитор и Дирижер со своим не-
разлучным аппаратом под мышкой*

3-й Композитор

Разрешите
Вас, дорогой, поздравить от души!

Дирижер

Узнав о скором вашем назначенье
На пост министра, я пришел в восторг,
И я надеюсь, что теперь открыта
Дорога моему изобретенью.
Поможете мне?

3-й Композитор

Кто ж, как не Реваз,
Тебе поможет! Ведь большие люди
Решают наши судьбы очень просто —
Один звонок по телефону...

Дирижер

Да —
Всего один звонок... Я много видел,
Учился за границей, Честь имел
В самой Германии неоднократно
слушать
Я Вагнера великого творенья...
И двадцать лет назад я изобрел
Вот этот аппарат. И все таскаю
Под мышку его туда-сюда,
Как раковину, полную жемчужин,

Реваз

Я помогу вам.

Дирижер

Ах, любезный друг,
Сердечно благодарен.

3-й Композитор

У меня
Есть маленькая просьба к вам, Реваз,
Наш дорогой коллега, наш учитель
И наш руководитель...

Гиви

Да, письмо.

Нелли

(грустно)

Тебе... А мне?

Гиви

Тебе письмо!

Нелли

О, Гиви!..

(Берет у него письмо, распечатывает)

Ты так меня обрадовал! Давай
Мы вместе прочитаем...

(пропускает некоторые места письма)

Это все

Тебе неинтересно... Вот: «Китай —
Чудесная страна. Она способна
Очаровать и тех, кто избалован
Красотами природы у себя
В родных краях. И приняли меня
Сердечно и тепло. Народ Китая
Относится с большой любовью к нам,
Советским людям. Грузию здесь знают.
Смотрю вокруг — и с каждым днем
все больше

Я верю в то, что никаким врагам
Не одолеть и не поколебать
Великой дружбы двух больших
народов —
Советского с китайским... В эти дни
Знакомлюсь я и с музыкой — она
Весьма своеобразна и похожа
Скорее на речитатив. А танцы —
Так это просто сказка! Китайки
Танцуют превосходно. Передать
Словами невозможно их движения,
В которых — и величие и нега,
Журчание ручьев и воздух гор...
А говорят они — как будто птички
Щебечут...

Мне осталось здесь пробыть
Три месяца еще. И как скучаю
Я по тебе и по Тбилиси! Жду
И не дожусь я нашей встречи, Нелли!
Привет друзьям. Надеюсь я, что вы
Исполните все то, что обещали,
И музыка моя...»

*Оторвавшись от письма, Нелли словно
забыла о присутствии Гиви и говорит неж-
но, с легкими нотками укора в голосе*

Тамаз, Тамаз!

Мой славный друг! Да разве ж я могла
Забыть об этом! Как икона, ноты
Твои лежат передо мной, и я,
Когда их переписываю, будто
Рисую облик ясный твой. И ты
Не сомневайся. Что ж, что ты уехал,
Зато остались здесь твои друзья
И за тебя они борются будут!

Гиви

Ты правильно сказала! И как раз
Об этом я зашел поговорить
С тобой, Нелли. Дело в том, что скоро
В Рустави на заводе состоится
Открытие Народного театра.
И к этому торжественному дню
Горком и комсомольцы попросили
Руставскую симфонию Тамаза
У них исполнить. А тебя они
Просили дирижировать. Понятно?

Нелли

Спасибо за такую радость... Мне...
Такая честь... Да я... Да я — всем
сердцем!

Я постараюсь. Все, что я смогу,
Я сделаю, чтоб музыка Тамаза
Перед народом прозвучала так,
Как этого она достойна. Верить?
Ты веришь мне? Минуточку. Сейчас...
Я покажу...

(Убегает в спальню)

Гиви

(один)

Не знаю, что мне делать?
Мне разум говорит одно, а сердце —
Совсем другое... Почему же я
Убить в себе все чувства должен?

Разве
Мне в жизни счастье недоступно? Всем
Оно открыто... Я люблю ее,
Давно люблю я Нелли... Я старался
Забыть о ней... Но — сердце... Без нее
Вся жизнь моя пуста и одинока:
А ей, я вижу, нравится Тамаз,
Мой лучший друг...

(Задумался)

Тамаз... Но разве любит
Он Нелли, коль решился так надолго,
Так далеко один уехать?

(Горько усмехнувшись)

Что ж,
Наверно, так и есть, что для любви
Ни расстоянья не страшны, ни время.

*Входит Нелли, подает Гиви ноты. Тот
просматривает их, отдельные места —
очень внимательно*

Гиви

Прекрасно, Нелли! Еще лучше стала
Симфония Тамаза. Тут во всем
Видна твоя рука.

Нелли

(смутившись)

Ну, что ты, право!
Я лишь переписала ноты. Здесь
Расставила акценты — вот и все.

И вся моя работа. Правда, я
Хочу ее исполнить первой...

Гиви

(продолжая листать ноты)

Слава

Симфонии Руставской суждена!
Поверь мне, это — настоящий гимн
Труду, любви и молодости нашей.
И я клянусь, что буду защищать,
Отстаивать ее как член жюри,
Как человек... как друг Тамаза.

Нелли

(неволью обняв его)

Спасибо, Гиви! Ты...
Ты настоящий друг.

Гиви

(отстранившись, холодно)

Тамазу, верно,
Покажется, что лишь из-за тебя
Его я защищал и защищаю.

Нелли

Но мы с тобой друзья — и только. Это
Совсем не повод...

Гиви

А когда-то были
Мы влюблены друг в друга.

Нелли

Пустяки!
Ребячьи бредни! И о них не стоит
Сегодня вспоминать! Ведь я тогда
Совсем не понимала, что такое
Любовь...

Гиви

Не понимала — может быть.
Но позабыть совсем?..

Нелли

Не надо, Гиви,
Ни ты, ни я уже не верим сами
В то, что прошло. Ты очень мил и добр.
Ты еще встретишь девушку — и лучше,
Чем я, и будешь счастлив вместе с нею.
А у меня — своя судьба: Тамаз.
Я одного его люблю...

Гиви

Мне больно
Все это слышать. Но коль так, то пусть
Хотя б один из нас счастливым будет.
Тебе желаю счастья я, а сам...
Уж как-нибудь... Но ты сегодня, Нелли,
Ты в верности своей еще прекрасной
Мне кажешься.

Нелли

А ты мне словно брат
Большой и добрый. Поклянись мне,

Гиви,
Что будешь ты всегда любить Тамаза
Как брата своего.

(Гиви молчит)

Я умоляю:
Скажи хоть слово — только не молчи!

Гиви

Скажу. Но и не словом и не клятвой.
А делом. Буду музыку Тамаза
Я защищать. И верю, победит
Симфония его...

Нелли

Спасибо, Гиви.

Гиви

(посмотрев на часы)

Нам надо ехать. Через час оркестр
Нас будет ждать.

Нелли

Я быстренько. Минута —
И я готова

*Нелли убегает в спальню. Гиви проходит
на балкон. Пауза. Минуту спустя появля-
ется Нелли. Вместе с нею — Кетеван*

Нелли

Мама, мы должны
Симфонию Тамаза подготовить...
Он мне прислал письмо... И мы сейчас
В Рустави едем. До свиданья, мама!

Кетеван

Счастливо, Нелли!

*Нелли и Гиви выходят. Кетеван, стоя у
окна, провожает их взглядом. Из столовой
слышатся шум голосов, тосты, резкая, не-
приятная музыка*

Кетеван

Девочка моя!
Вот я тебя веселой увидела —
И легче на душе... Так будь всегда
Ты радостной, как нынче!

(Прислушивается к шуму в столовой)

Словно омут
Гудит и воеет злыми голосами!
И неужели дочь мою он должен
В бездонную пучину затянуть?

Занавес

Картина первая

Рустави. Большое и светлое фойе театра. Широкая лестница ведет на галерею, за которой сквозь высокие окна видны город, заводские корпуса и над ними — пурпурное небо раннего вечера.

Сегодня—день открытия Народного театра. В фойе танцует молодежь в масках. Слышна музыка. Отдельной группой, в стороне от танцующих, — все четыре Композитора и Дирижер со своим аппаратом под мышкой.

На лестницу в сопровождении Реваза, Гиви и Иосифа поднимается Секретарь горкома партии. Музыка и шум сразу стихают. Раздаются голоса: «Тише!», «Внимание!»

Секретарь горкома

Реваз

Друзья мои! Не мне вам говорить
О нашем славном городе — вы сами
Строители его, своим трудом
Вы пишете историю Рустави.
Но, может быть, не всем известно, что
Здесь уже был когда-то город-чудо.
Бостан-Калаки¹ звал его народ.
Но в грозные для Грузии года
Безжалостное войско иноземцев
Разрушило, смело с лица земли
Тот древний город. И теперь лишь
камни
О прошлом говорят. Но наш народ
На месте исторических развалин
Построил новый, наш, советский
город —
И сталь, что нынче здесь кипит
в мартенах.
Известна всему миру!

(нехотя)

Так и быть...
Товарищи! Что написали мы —
Сегодня вы услышите. И я
Добавлю лишь немного: наш Союз
С сегодняшнего дня над комбинатом
Берет, как говорится, шефство. Мы
Все силы отдадим, чтобы прославить
Ваш мужественный труд, чтобы создать
Произведения, что достойны были б
Таких людей, как славный ваш герой,
Отец Тамаза — сталевар Иосиф.

(Аплодисменты)

Секретарь горкома

(с улыбкой Иосифу)

Теперь и вам придется речь держать.

Иосиф

Мы пришли
Сюда сегодня, как на праздник, чтобы
Открыть театр народный. Из Тбилиси
Приехали сегодня в гости к нам
И композиторы. Мы вместе с ними
Послушаем, что нового о нас,
О сталеварах, о рабочем классе
Они сумели написать.

(Аплодисменты)

Скажу, конечно. Но не так, как пишут
В иных газетах. Человек простой,
Я говорить красиво не умею.
Скажу одно: благодарю за честь,
А чем ответим на нее — так сами
Увидите вы все. Начнем варить
В мартене сталь — и огненной рекою
Пойдет металл и загудит огонь.
Вот это — песня нашего труда,
И наша жизнь и слава наша...

Гиви

Секретарь горкома

(Ревазу, в шутовском тоне)

Верно!

Прошу
От имени Союза рассказать,
Чем можем мы похвастать.

(Ко всем)

Ну что ж, друзья, — танцуйте, веселитесь!
Концерт — попозже.

Реваз

Лучше вы,
Как секретарь партийного бюро.

Секретарь горкома, Реваз, Гиви, Иосиф спускаются вниз, смешиваются с молодежью. Реваз подходит к группе композиторов

Гиви

2-й Композитор

А вы — руководитель...

(Ревазу)

¹ Бостан-Калаки — городсад.

Не слышал речей:

Я более возвышенных и умных,
Чем ваша речь, почтеннейший Реваз!

4-й Композитор

Согласен!

Реваз

Да какая ж тут моя
Заслуга! Просто ваши пожеланья
Я высказал...

2-й Композитор

А я вам хлопал так,
Что до сих пор горят мои ладони.

Реваз

(продолжая)

...И если мысли были не мои,
То и не мне, друзья, аплодисменты —
А вам принадлежат они по праву.

(дирижеру)

Я говорил недавно кое с кем
О вашем аппарате. И могу
Поздравить вас.

Дирижер

Поздравить?

Реваз

Мне сказали,
Что он имеет важное значение,
Причем — для обороны. Так что вы
Должны изобретение свое
Хранить пока в секрете.

(3-му Композитору)

А о вас
Я говорил с самим Лисадзе. Надо
Надаться, что скоро вы квартиру
Получите.

3-й Композитор

Лисадзе вам сказал?

2-й Композитор

Лисадзе слов на ветер не бросает!

4-й Композитор

Согласен! Но...

Реваз

Как видите, о всех
Сумел я позаботиться, и если
Еще какие просьбы есть у вас,
Скажите, не стеснясь...

И позвольте
Мне выразить надежду, что такую
Заботу вы оцените. Сегодня
Симфонии Тамаза и мою

Здесь исполняют. Настоял на этом
Горком. Хотя... Хотя сказать по правде
Мне это не понятно. Для чего
Им вмешиваться в творческие споры,
В вопросы музыкального искусства?
Но дело тут не в этом! Дело в том,
Что мы должны свою принципиальность
Отстаивать, друзья. Надеюсь, вам
И без дальнейших разъяснений ясно,
Что я хочу сказать. И здесь должны
Мы подтвердить свое решение — то,
Что вынесли на первом заседании.

4-й Композитор

Согласен!

2-й Композитор

Ну, а если всем, кто здесь
Присутствует, симфония Тамаза
Понравится?

Дирижер

А это может быть.

Реваз

(многозначительно)

А может быть и так, что вообще
Ее сегодня исполнять не будут.

2-й Композитор

Возможно ли?

Реваз

Вполне.

3-й Композитор

Ну что ж... Тогда
Здесь будет исполняться только ваша?

Реваз

Естественно.

2-й Композитор

Так значит?..

Реваз

Значит, я
Прошу вас прямо после заседания
Пожаловать ко мне. Семейный
праздник,
Мой день рожденья... А теперь, друзья,
Позвольте вас оставить.

*Насмешливо-почтительно откланявшись,
Реваз уходит*

2-й Композитор

Что-то мне
Не нравится все это: ведь он нас
Наверняка считает дураками!
И кормит обещаньями, чтоб лучше,

Чтоб лучше и быстрее свои дела
Обделать с нашей помощью. Но нет!
Подобный номер не пройдет! Мы сами
Умеем разбираться в этих штучках!
И я теперь уверен, что министром
Ему не быть!

4-й Композитор

Согласен! Это — блеф!

Дирижер

Мне тоже кое-что известно!

3-й Композитор

Правда?

2-й Композитор

Да кто ему доверит министерство!

1-й Композитор

Иначе быть не может! Разве я
Не говорил вам: «Выдумка все это!
Слушок, искусно пущенный!..»

2-й Композитор

Реваз

Дурачит всех нас!

Дирижер

Правильно — дурачит!
А ходит как! А как себя ведет!

1-й Композитор

Надменно!

2-й Композитор

Важно!

3-й Композитор

Гордо!

4-й Композитор

Я согласен!

1-й Композитор

Я предлагаю исключить его
Из нашего Союза.

3-й Композитор

И погнать
Из партии!

2-й Композитор

Он этого дождется!

Дирижер

Выходит, мы, коллеги, ни за что
Обидели Тамаза?

2-й Композитор

К сожаленью...

1-й Композитор

Он честный и талантливый...

2-й Композитор

А мы
Симфонию его забраковали!

Дирижер

Мне ясно все: пока Тамаза нет,
Реваз намерен нашими руками
Добить его совсем. Но никогда
Не выйдет это у него!

2-й Композитор

И, к счастью,
Повторное прослушивание здесь,
А не в Союзе. Правильно Горком
На этом настоял — ведь о Рустави
Писал Тамаз, и где же, как не тут,
Симфонию его исполнить должно!

1-й Композитор

Мне кажется, что если победит
Наш дорогой Тамаз, то это нам
Пойдет на пользу — ведь тогда Реваз
Едва ли вновь осмелится, как прежде,
Командовать в Союзе. Но пока,
По-моему, нам надо осторожно
Себя вести. Еще никто не знает,
Куда подует ветер...

Дирижер

Ну а я
Уверен, что, вернувшись из Китая,
Тамаз тут будет первым человеком
И, может быть, случится даже так,
Что станет председателем Союза
Тамаз, а не Реваз.

1-й Композитор

И я почти
Уверен в этом. А Реваз, пожалуй, —
Уже покойник! Если подходить
Серьезно к делу, даже и сейчас
Опасно с ним яхшаться.

4-й Композитор

Я согласен!

1-й Композитор

И как профессор и как музыкант
Ведь он — ни к чёрту!
Ведь его никто

Уже не уважает! И напрасно
Старается он нынче протащить
Симфонию свою.

2-й Композитор

А восхваляет
Ее он так, как будто написал.
По меньшей мере, вещь такой же силы,
Как Моцарта симфонии.

1-й Композитор

Итак —
Что мы решили? Поддержать Тамаза!
Но я прошу: ни звука никому!
А после заседания соберемся
Мы снова здесь, в фойе.

*Входят Иосиф и Элефтер. В руках у
Иосифа какая-то бумага*

Иосиф

Сегодня ночью
Тамаз мой возвращается. Сейчас
Мне телеграмму принесли, смотрите.

(Протягивает композиторам телеграмму)

Тут где-то Гиви, Нелли и Жужуна...
Не видели вы их?

1-й Композитор

Они, наверно,
Там наверху.

2-й Композитор

(возвращая Иосифу телеграмму)

Ну что ж — позвольте вас
Поздравить с возвращением Тамаза.
Он — славный парень! Только что
Мы говорили. Музыка его
Великолепна!

*Иосиф благодарно кланяется и вместе
с Элефтером поднимается наверх по лест-
нице*

Ну теперь пойдет
Такая свистопляска, что Ревазу
Не сладко будет! Поостынет вмиг
И перестанет нос свой заирать,
Паршивый властелин! Дела как будто
Идут по плану. Предлагаю всем
Спокойно в ожидании развязки
По залам прогуляться, словно мы
Друг друга и не видели сегодня.
А там — настанет миг — один удар —
И достославному Ревазу крышка!

(Все уходят)

*Музыка становится громче. Появляются
танцующие пары в мисках. На переднем
плане Лексо и Гугуна. Гугуна говорит,
изменяя голос и не совсем правильно про-
износя многие слова*

Лексо

Вы очень мне понравились.

Гугуна

Да ну!

Лексо

Мне так приятно с вами.

Гугуна

Вы, наверно,
Такое ж говорите каждой встречной?

Лексо

Не каждой — только вам.
Скажите мне,
Как вас зовут и кто вы.

Гугуна

Я испанка.

Лексо

Работаете здесь, в Рустави?

Гугуна

Да.

Уже пять лет.

Лексо

И вы великолепно,
Отлично говорите по-грузински!

Гугуна

Чему ж тут удивляться — с малых лет

Я в Грузии живу. Удочерили
Меня здесь люди добрые...

Лексо

И вас

Зовут...

Гугуна

Гугуна.

Лексо

Ах, какое это имя!

Гугуна

Вам нравится?

Лексо

Еще бы! В нем — огонь,
Огонь и нежность, ласка и любовь!..
Какое имя! Даже голова
Кружится у меня!

Гугуна

А вас, скажите,

Как вас зовут?

Лексо

Меня зовут Лексо.

Гугуна

Я слышала о вас.

Лексо

Серьезно?

Гугуна

И есть тот самый знаменитый ^{Вы} парень,
Поэт, изобретатель, сталевар?

Лексо

О, не такой уж знаменитый! Просто
Стараюсь быть немного впереди.
Чем остальные. И стараюсь нормы
Повсюду перевыполнять...

Гугуна

Вы, кажется, уже перешагнули ^{И здесь}
Все нормы и границы. Ну а что
Изобрели вы?

Лексо

Циду.

Гугуна

Непонятно!

Лексо

Я разъясню, хотя, пожалуй, мне
Не хватит словаря Орбелиани.

Гугуна

Я слушаю.

Лексо

Извольте. Циды — смесь
Железа и других металлов. Ясно?

Гугуна

Не очень.

Лексо

В общем, после плавки шлак
В мартене образуется. Так вот
Я предложил, чтоб им потом топили
Все заводские печи...

Гугуна

Это все?
Я думала, что что-нибудь такое
Серьезное... Такое, например,
Как электричество...

Лексо

Изобретать вторично!

Гугуна

Почему?

*Исчезают среди танцующих и через ми-
нуту появляются вновь*

Гугуна

Теперь мне все понятно. И, признаться,
Мне льстит знакомство с вами.

Человек,
Открывший чудодейственную циду,
Достоин называться Амираном!

Лексо

Ах, дорогая! Вы сказали точно
И очень метко. Славный Амиран
Был первым сталеваром среди грузин,
И видно, от него вели свой род
Могучие халибы, что варили
Такую сталь, которой вся земля
В то время восхищалась. И от них-то
В наследство нам не зря стальная воля
И жар души достались...

Гугуна

Я гляжу,
Вы человек опасный и коварный.
Не знаете меня и моего
Лица не видели, а уж твердите,
Что я вам очень нравлюсь...

Лексо

Да кого ж
Не очарует облик ваш и голос,
Фигурка ваша! Вы — как соловей!
Как ласточка!

Гугуна

Благодарю. Но вы
Ведь любите кого-то?

Лексо

Это — сплетня!

Гугуна

Какая ж сплетня, если я сама
Вас с девушкой видела.

Лексо

Гугуна!
Я повторяю: это — сплетня!

Гугуна

Да?
А как зовут ту сплетню?

Лексо

Разве можно
Считать любовью то, что раз-другой
Я кое с кем прошелся и для шутки
Сказал какой-то комплимент. Все это —
В обычае у молодых людей.
Но вы у сердца моего спросите:
Встречало ли оно когда-нибудь
Такую девушку, как вы, — и сердце
Ответит вам: встречаю в первый раз.

Танцую скрываются. Минуту спустя Гугуна вбегает в зал вместе с Жужуной. Скрывают с себя маски, хохочут

Гугуна

А здорово его я разыграла!

Жужуна

Смотри, что будет дальше.

Обмениваются с Гугуной масками

Он идет.

Гугуна убегает

Лексо

(начинает танцевать с Жужуной)

Гугуна, почему вы убежали?

(Жужуна молчит)

А завтра мы увидимся?

(Жужуна кивнула)

Но как

Я вас узнаю?

(Жужуна снова кивнула)

Что такое с вами?

Скажите мне хоть слово! Голос ваш
Мне хочется услышать.

(Жужуна смеется)

Прямо чудо!

Оставил на минуту вас — и вот
Теперь не узнаю. Да что такое?

Жужуна

(подражая Гугуне)

Я очень вам понравилась?

Лексо

Вы стали
Богинею моей. И я боюсь,
Что разум потеряю от любви.

Жужуна

Не верю! Поклянитесь, что меня
Вы любите. Клянитесь!

Лексо

Чем хотите
Готов поклониться!

Жужуна

Хорошо. Прошу:
Снимите маску.

Лексо

Вы снимите тоже.

Оба одновременно снимают маски.

Лексо

Так это ты, Жужуна?

Жужуна

Эх, Лексо!

Теперь твоей любви я знаю цену!
Ты золотые горы обещал,
Божился, клялся... И какая дура
Была я, что поверила тебе!
А ты всего лишь лживый Дон-Жуан —
В одно мгновение позабыл все клятвы,
Влюбился в незнакомую испанку,
Которая скрывалась от тебя
Под маской чертика.

Лексо

Постой, Жужуна!..

Жужуна

Молчи! Не подходи ко мне! У нас
Все кончено!

Лексо

Клянусь тебе, Жужуна!

Жужуна

Клянусь! Теперь я знаю, сколько стоит
Такая клятва!

Лексо

Но ведь я, поверь,
Узнал тебя под маской. У кого
Еще такие ножки и фигурка!
Я сразу понял, что решила ты
Немного надо мною подшутить —
И сам пошел тебе навстречу...

Жужуна

Странно!

Когда на мне нет маски, ты таких
Красивых слов не говорил, и чувства
Свои не объяснял мне...

Лексо

А сейчас —
Рискнул и объяснил.

Жужуна

А я не верю!

Лексо

Не веришь? Ладно! Но скажи, кому
Свиданье ты назначила сейчас?
Не мне ли? Хоть и я под маской тоже
Скрывался — и узнать меня никак
Ты не могла!..

Жужуна

Но погоди, Лексо!

Лексо

Молчи! Не подходи ко мне! У нас
Все кончено, коль ты в одно мгновение
Влюбилась в шалопая, что от всех
Под маскою медведя скрыл лицо.

Жужуна

Но я же знала: это — ты. Давай
Помиримся, Лексо...

Лексо

Уж так и быть —

Помиримся.

(Швыряет свою маску)

И к черту эти маски!

*В окна театра хлынуло поднявшееся над
мартенами и домнами алое зарево*

Смотри: встает над городом заря,
Поет в печах огонь, как солнце, ярок,
И скоро сталь пойдет — и будет это
Великий гимн труду и счастью жизни,
Симфония борьбы и торжества
Рабочих рук. И вместе с этим гимном
Пусть оратория моя звучит.

(Торжественно говорит под музыку)

Обнял землю огонь багряный,
Пламенеет небо над городом,
Не пожаращем Тамерлана,
А Рустави заревом гордым.

Иноземцев полчища сгнули,
И стоим мы, непокоренные,
Сталеваров гордые именем,
Под развернутыми знаменами...

*Быстро входит Гиви. Он очень взволнован,
осматривается по сторонам*

Гиви

Вы Нелли не видали? Не пойму,
Куда она пропала!

(Посмотрел на часы)

До концерта
Остался час. Ее же — нет и нет.
Приехала она?

Жужуна

Не знаю.

Гиви

Надо
Пойти и поискать.

Лексо

Да мы сейчас
Ее разыщем!

Уходит вместе с Жужуной

Гиви

Просто непонятно,
Что с ней случилось. Почему она
Не появилась до сих пор здесь.

Странно!..

Занавес

Картина вторая

*Гостиная в квартире Реваза. По случаю дня рождения хозяина и предполагаемого
исполнения его симфонии в Руставском Народном театре накрыт стол, на котором
средий вин и закусок выделяется большой старинный кувшин. Ранний вечер. Нелли
стоит у окна и смотрит на улицу. Кетеван устало сидит на тахте. Из кабинета Реваза
слышны звуки рояля.*

Кетеван

Нет никого... А стол давно накрыт.
Все отвернулись от Реваза.

Нелли

Должен
Он в этом самого себя винить —
И больше никого!

Кетеван

А ведь бывало,
К столу не подойти — полно гостей.
Веселье, тосты, поздравленья... Нынче ж
Нет даже тех, кто так недавно клялся
Ему в любви и верности. Спасибо,
Хоть ты пришла...

Нелли

Пришла я, мама, ради
Тебя одной.

Кетеван

Я знаю. Но не надо.
Не надо забывать, что он тебя
Растил, как дочь родную...

Нелли

К сожаленью!

Кетеван

Ты очень жестока к нему. А он
Совсем один. И разве смеем мы
Его покинуть в этот час?

Нелли

Ты, мама,
Забывчивою стала!

Кетеван

Ничего
Не сделаешь тут, Нелли! Видно, нужно
Смириться и терпеть, хотя и стал
Совсем невыносимым он. Из дому
Хотел меня прогнать. Не может видеть
Он ни тебя и ни меня. Но что же —
Оставить одного его, когда
Друзья и те с презреньем отвернулись?
А ведь ему — и больше никому —
Обязаны мы многим. Просто надо
Понять и пожалеть его...

*Из кабинета слышна нервная, резкая му-
зыка, потом — стукнула крышка рояля*

Нелли

Да он...
Да он неисправим, жесток и злобен!
Ты слышишь, как он бесится? Беда
Его не в том, что он лишен таланта,
А в том, что не желает он понять
Извечного закона: только тот
Способен создавать произведения,
Плещающие сердце человека,
Кто сам душою чист и сердцем светел.
А у него — ни сердца, ни души,
Одна лишь зависть. И законсервно,
Что он друзей лишился. Ты поверь,
Что если не одумается он,
То и семья лишится очень скоро!

Кетеван

Во многом ты права... Но в этот день
Простим его...

Нелли

(села рядом с матерью)

Я знаю: ты всегда
Была такой отзывчивой и доброй!
Но можно ли прощать тому, кто жизнь
Твою несчастной сделал, кто принес
Тебе лишь униженья и страданья!
Ты вспомни, мама, вспомни: он хоть раз
Пришел к тебе с хорошим, добрым
словом?

Ты у него рабыня!

Кетеван

Замолчи!
Не говори так.

Нелли

Нет, уж я сегодня
Все выскажу. Я здесь в последний раз —
И все скажу, иначе совесть будет
Меня всю жизнь терзать. Казалось всем,
Что мы живем счастливо и в достатке.
Ковры! Хрусталь! Приемы! Ну а что..
Что, кроме горя, кроме зла, с тобою
Мы видели все время? Не понять
Тому, кто сам не перенес, мучений,
Что нам с тобою выпали! Но я
Надеюсь, скоро я уже избавлюсь
От этого кошмара. И коль ты
Останешься по-прежнему тут, мама,
Мне очень жаль тебя...

Кетеван

Не стоит, Нелли,
Жалеть меня. Не думай обо мне.
Я все готова претерпеть, чтоб только
Ты у меня была счастливой.

Нелли

Но...
Но ты же человек!

Кетеван

И потому-то
Я о себе не думаю. Тебе
Я всей душой желаю счастья!

Нелли

Мама!
Хорошая моя! Да есть ли сердце
Прекрасней и добрее, чем твое!

Кетеван

(Помолчав)

Тамаз сегодня прилетает?

Нелли

Да...
Сегодня ночью. Вечером в Рустави

Оркестр впервые будет исполнять
Его симфонию.

Кетеван

И ты поедешь?

Нелли

Конечно, мама!

Кетеван

И никак нельзя
Тебе не ехать?

Нелли

Нет.

Кетеван

Нехорошо
Отца оставить в этот день. И так
Нас все забыли. Видно уж — судьба.
Когда успехи у Реваза — гости
Покою не давали целый день.
А неприятность — и с огнем не сыщешь
Друзей так называемых...

Нелли

Все просто:
Другим могилу рыл, а угодил
В нее он сам. И пусть теперь пеняет
На самого себя. Слепая зависть
И корысть подавили в нем сейчас
Все остальные чувства. А успехи,
Что временами были, ослепили
Его совсем. Он думает, что он
Непогрешим. А ведь на самом деле
Он в прошлом весь, он ничего вокруг
Не слышит и не видит!..

*Стенные часы в столовой бьют шесть раз.
На втором ударе в дверях кабинета появ-
ляется Реваз, молча слушает бой часов*

Реваз

Шесть часов...
И шесть десятков стукнуло мне. Ну?
Чего вы так серьезны и печальны?
Давайте веселиться! Стол накрыт ---
В честь юбиляра. О, я понимаю:
Вы недовольны тем, что нет гостей...
А было время — не хватало стульев,
По два гуляки на одном сидели,
Занскивали, взгляд ловили мой,
В усердии холуйском восхваляли
Мои заслуги и таланты. Стол
Ломился от закусок и вина
И сотни самых вдохновенных тостов
Произносились в честь мою. И роги
Ходили до рассвета вокруг стола
И громко «мравалжамьер» звучала.
Одни клялись в любви мне, а другие
Со мною лобызались... И, глупец,
Я принимал за чистую монету
Их ложь и лицемерье, помогал,
Старался просьбы выполнить...
А нынче...

А нынче...

Реваз забыт... Не нужен стал. Старик
Что пользы от него теперь?..

Кетеван

Спокойней
Гляди на все, Реваз!

Реваз

О! Я спокоен!
Спокоен так, как никогда еще
Спокоен не был! В этот тяжкий час
Я понял, кто мне друг и кто мне недруг.
Пусть ждет меня сегодня поражение,
Не опущусь до уровня их душ —
Продажных и жестоких!..

Ну — к столу!
Хоть вы меня поздравьте. Нелли, рядом
Со мной садись. И на меня сердиться
Не надо, право: не такой я изверг,
Как кажется тебе. Садись, Кето.
Сегодня вы одни со мною вместе —
Единственные верные мне души
И верные сердца...

(Берет кувшин)

От древних предков
Ко мне в наследство перешел по праву
Кувшин вот этот. И порою мне
Невольно кажется, что в нем сокрыта
Моя душа...

(Наливает из кувшина вино)

Поэтому вино,
Что здесь налито, нужно пить с
любовью,
С открытым сердцем... Всем вам долгих
лет,
И радостей, и счастья, и здоровья!

(Пьет)

Прошу вас выпить.

Кетеван

Нелли, что же ты?
Поздравь отца.

Нелли

(хмуро)

Но я не знаю, мама,
Что мне сказать.

Кетеван

Скажи хоть что-нибудь.

Реваз

(ласково)

Конечно, скажет. Ведь сегодня мне
Так дорого ее любимое слово
И так приятно!..

Нелли

Я желаю вам
И счастья и здоровья. И пусть будет
Год наступающий для вас удачным.
Пусть мама будет счастлива. Живите
Вы много лет!...

(Пьет вино)

Реваз

Спасибо... Ты меня
Растрогала сердечностью своей....

(Чокается с женой)

И за твоё здоровье!

(Пьет)

Этот день
Запомню я надолго. Ведь сегодня
Почувствовал я, может быть, впервые
Любовь семьи... А это — так приятно
И радостно!.. Я знаю, Недли, кто
Тебя влечет, о ком твоё сердечко
Страдает и мечтает...

Нелли

Но, отец!..

Реваз

Молчи. Я знаю и благословляю
Твою любовь. Тамаз — хороший парень
И он тебя достоин. Ну а ты...
Ты у меня — чудесная, дочурка!
Талантливая, добрая! И вы
Подходите друг к другу. Я согласен,
Чтоб вы женились. Думаю, Кето,
Что ты не протвишь?

Кетеван

Боже! Да ведь это
Большое счастье для меня!

Реваз

Я сам
О свадьбе позабочусь, о приданом.
И если ты не возражаешь, Нелли,
Я буду тамадой.

Нелли

Конечно... Но...
Все это неожиданно... Я даже
Не знаю, что сказать.. Благодарю....
Благодарю вас...

Реваз

Ты ещё не веришь?
Но это так. И коль я слово дал —
Я и сдержать его сумею. Правда,
Тамаз не очень нравился мне раньше,

Однако за последний год добился
Успехов он немалых, обратил
Внимание на себя. И я уверен,
Руставская симфония его —
Отличнейшая вещь. Куда моей
Равняться с нею!

Но, поверьте, честно
Скажу, что не завидую ему,
Хоть перспективы у него прекрасны...

(Налил себе вина)

За ваше счастье!

Почему же ты
Не пьешь, Кето?

Кетеван

Я выпью...

(Нелли)

Будь с Тамазом
Ты счастлива!...

Реваз

А слезы ни к чему!
Я видел их немало здесь!

Кетеван

Резо!
От радости я плачу...

Реваз

Ну, тогда
Простительно...

(Снова наливает себе вина)

А этот тост имеет
Огромное значение, и его
Мне хочется торжественней обставить.
Прошу тебя, дочурка: будь добра
Сядь и сыграй нам...

Нелли

Что?

Реваз

Концерт Тамаза.
Пусть будет так, как будто бы Тамаз
Сегодня вместе с нами и ответил
Он музыкой своей на те слова,
Что я о нем сказал и что скажу.
Хочу я выпить за его здоровье.

(Нелли уходит в кабинет)

Кетеван

Сегодня ты, Резо, совсем другой —
И ласковый и добрый. Я не знала,
Что у тебя такое сердце... Вот
Тебе сегодня шестьдесят, а, веришь, —
Ты очень молод, будто вновь вернулся
Тот день, когда я встретила тебя
Впервые...

Реваз

Эх, голубушка моя!
Всегда я был таким, но жизнь и люди.
Работа, положение, интриги,
Людская зависть и людская злоба —
Естественно, оставили свой след
И на моем характере. Я хуже
И раздражительнее стал. И часто
Всю злобу на семье своей старался
Сорвать... И мне понятно, сколько горя
Принес я вам и сколько, сколько раз
Я обижал вас!..

Кетеван

Ах, Резо! Не будем
О старом вспоминать — оно прошло.

Реваз

Оно прошло...

*Из кабинета доносятся звуки рояля. Реваз
ваза всего передернуло*

Концерт Тамаза... Слышишь?

(Кетеван кивнула)

И нравится тебе?

Кетеван

Такая вещь
Не нравится не может. Да и Нелли
Играет с чувством...

Реваз

В этом вся любовь
Ее к Тамазу выражена. Видишь,
Как ласточки, ее порхают пальцы
Над клавишами, и как будто сами
Восторженно поют — порою нежно,
Порою страстно, громко и светло.
Все боли сердца, все его волнения
Я слышу в этих звуках. И теперь
Я верю, что она Тамаза любит:
Ведь не рояль поет — ее любовь
Поет о нем... Не правда ли?

Кетеван

Наверно.
Я музыку воспринимаю проще,
Мне нравится мелодия...

Реваз

Тебе,
Конечно, не понять всей глубины
Серьезной музыки... Но мне понятны
Все тонкости ее...

(Подходит к тахте)

Хочу прилечь.

Кетеван

Приляг. Я выйду, чтобы не мешать.

(Выходит в спальню)

*Реваз один. Прилег на тахту, слушая.
Музыка все громче. Реваз нервничает, вста-
ет и идет в кабинет. Через минуту музы-
ка смолкает. Пауза. И вдруг слышится крик
Нелли*

Голос Нелли

О, разве ты... Оставь меня!..

(Из спальни выбегает Кетеван)

Кетеван

О, боже!

Что там случилось?

Заглянула в дверь кабинета

Нелли!.. Негодяй!

Что ты задумал!

*Из кабинета выбегает Нелли — взволно-
ванная, с растрепанными волосами. Реваз
хватает ее за руку*

Реваз

Ты не поедешь! Не поедешь, слышишь!

Нелли

Поеду!

Реваз

Нет!

Кетеван

Да ты с ума сошел!

Оставь ее!

Реваз

Молчать!

*Нечаянно задевает локтем кувшин. Тот
падает и разбивается вдребезги*

Нелли

А я поеду!

Реваз

Вы обе здесь останетесь!

Нелли

О нет!

(Уходит)

Кетеван

Реваз... Да объясни мне... Я хочу,
В конце концов...

(И вдруг ее ослепляет страшная до-
гадка)

О! Можно ли поверить!

Да будь он проклят, этот дом! Скорей!
Скорей отсюда! Прочь отсюда! Прочь!

Выбегает следом за Нелли

Реваз один — обхватив голову руками,
неподвижно стоит над осколками кувшина.

Занавес

Картина третья

Фойе театра в Рустави. Бал-маскарад продолжается. Звучит музыка, мелькают танцующие маски.

Входят Секретарь горкома, Иосиф, Элефтер и Гиви.

Секретарь горкома

(Иосифу)

Ваш сын сегодня прилетает? Встречей.
Надеюсь, будет он доволен?

Иосиф

Я

Благодарю вас за вниманье. Просто.
От радости не знаю, что сказать.
И на земле весна, весна — и в сердце
И встреча долгожданная... Все вместе...
Я слов не нахожу...

Элефтер

Какого сына
Иосиф воспитал! Любой сейчас
Завидует ему!

Секретарь горкома

Сегодня здесь
Впервые будет исполнять оркестр
Руставскую симфонию его.
И было б очень хорошо, чтоб он
Успел к началу. Но едва ли...

Мимо них проносятся танцующие пары

Маски

— Нелли

Нет до сих пор!

— Серьезно? Кто ж тогда
Оркестром дирижирует?

— Не знаю.

— Ее разыщут!

— Где разыщут?

— Ну,

Уж этого не ведаю!

— Найдется!

— Когда найдется! Скоро начинать.

*Музыка становится тише. Танцующие,
сняв маски, окружают Секретаря горкома*

Голоса

— Приехала?

— Не видно.

— Как же быть?

— Она не опоздает?

— Надо срочно

Послать машину.

— Говорят, уже

Давно послали.

— Неужели нынче

Симфонию не будут исполнять?

Секретарь горкома

Исполнят! Обязательно исполнят!

Голоса

— Так нет же дирижера!

— Только Нелли

Готовилась к концерту.

— Может быть,

Попросим Гиви?

— Ну конечно!

— Гиви!

Гиви

Я не готов, товарищи!

Голос

Да брось!

Ты справишься отлично!

Гиви

Я уже

Сказал, что не готов, и все могу
Поэтому испортить.

*Входит Реваз — очень возбужденный,
навеселе. Все бросаются к нему*

Секретарь горкома

(Ревазу)

Где же Нелли?

Реваз

Не знаю, к сожалению. А разве
Она не здесь?

Секретарь горкома

Мы ждем ее.

Реваз

(равнодушно)

Тогда

Ее, наверно, что-то задержало.

Секретарь горкома

Так что же делать?

Реваз

Тут бессилен я

Помочь вам.

Гиви

Значит, наш концерт сорвется?

Секретарь горкома

А может быть, профессор, вы смогли б
Сегодня дирижировать. Ваш опыт
И пониманье музыки...

Реваз

(с холодной вежливостью)

Но я

Чужих вещей не исполняю. Если
У вас нет возражений, то могу
Исполнить я симфонию свою.

Гиви

Но люди ждут симфонию Тамаза!

Растерянно оглядывается, смотрит на часы

Осталось пять минут.

Секретарь горкома

Еще немного

Придется подождать.

Голоса

— Идет!

— Идет!

Появляются Нелли и Кетеван. В руках у Нелли — клавиш Руставской симфонии Тамаза

Секретарь горкома

Ну, наконец-то, Нелли! Вы готовы?

Нелли

Готова.

Секретарь горкома

Будем начинать.

(Уступает Нелли дорогу)

Прошу...

Реваз

Одну минутку... Извините...

(Останавливает жену и Нелли)

Секретарь горкома, Гиви, участники бала постепенно уходят в зрительный зал. На сцене остаются только Нелли, Кетеван и Реваз

Кто вам

Явиться разрешил сюда? Ведь я
Вам приказал остаться дома!

Нелли

Хватит!

Вы приказали! Никаких приказов
Я больше слушать не хочу! Понятно?
Вы для меня никто!

Реваз

И это ты

Сказала мне? Да я тебя!.. Девчонка!

Нелли

Зачем вы мне грозите? Все равно
Меня угрозы ваши не пугают!

Реваз

(смягчившись)

Пойми меня: я лишь хотел, чтоб маме
Ты помогла. Сегодня у меня,
Ты знаешь, день рожденья. Будут
гости.
А мать одна.

Нелли

Не объясняйте! Знаю,
Что вы хотели! Понимаю все,
И потому-то я сейчас не дома,
Не взаперти, а здесь! А вы... А вы —
Так низко пали, так вас мучит зависть,
Бессилие и злоба, что меня
Хотели вы, как пленницу свою,
Упрятать под замок!..

Реваз

Так вот как, значит,
Ты ценишь то, что двадцать с лишним
лет

Я делал для тебя! Мне очень грустно
Все это слышать. Разве ты не знаешь,
Как я тебя люблю. И все, что можно,
Я делаю лишь для того, чтоб вам,
Чтоб маме и тебе, жилось легко
И беззаботно...

Нелли

О! За это мы
Вам очень благодарны! Беззаботно!
Да вы лишь только о самом себе
Забываетесь! И любите вы тоже
Лишь самого себя...

Реваз

Да как ты смеешь!

Нелли

А почему бы мне не сметь? Я столько
Перенесла от вас, что нынче вправе
Сказать вам все. Вы думали, наверно,
Что вашей тирании нет границ?
Вы думали, что можно жизнь мою
И мамину навеки искалечить?
Что можно запереть нас и лишить
И света и свободы? Вы ошиблись!
Да заточите вы меня в темницу —
Я все равно бы вырвалась отсюда,
Чтоб выполнить свой долг!

Реваз

Молчи!

Нелли

Никто

Теперь не в силах удержать меня!
Уйдите прочь с моей дороги! Или
Вам мало, что доносами своими
Вы погубили моего отца,
Несчастный клеветник!

Реваз

Что ты сказала?
Ах, вот как! Уходите!

(Нелли и Кетеван уходят)

Но клянусь,

Что скоро пожалеете вы обе!
Меня еще не знаете вы! Нет!
Меня не так легко осилить!

*(Внезапно до него доходит смысл сказан-
ного Нелли)*

Что
Она сказала? Неужели?.. Значит,
Они все знают? Прошлое опять
Встает передо мною как возмездье!
И в нем — причина ненависти их...
Они все знают... Боже мой... Они...

*Возникает величественная музыка Ру-
ставской симфонии. В широкие окна видно
вечернее небо — и по нему, как радуга,
блуждают отсветы начавшейся плавки.
Сталь пошла! Музыка все громче и громче.
На фоне неба siluzt Нелли с развевающимися
волосами. Она дирижирует симфонией
Тамаза.*

Слышится голос Лексо:

Обнял землю огонь багряный,
Пламенеет небо над городом —
Не пожарищем Тамерлана,
А Рустави заревом гордым.

Иноземцев полчища сгинули,
И стоим мы, непокоренные,
Сталеваров гордые именем,
Под развернутыми знаменами.

Мы бессмертнее Амираана
И мудрее халибов стали.
Не найдете вы стали, равной
Нашей новой руставской стали!

И звонка она и упруга
В богатырской руке сталевара,
И несет она радость другу,
А кровавым недругам — кару.

*Реваз закрыл руками глаза, стоит шата-
ясь. Аккорды оркестра и аплодисменты
слушателей обрушиваются на него, как
гром*

Реваз

Остановитесь!.. Замолчите!.. Уши
Все слышат...

(Затыкает уши)

Не могу... Да будьте вы
Все прокляты! И ты, Тамаз, и Нелли...
Опомнитесь! Я не оставлю... Мстить...

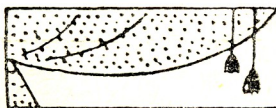
(Хватается за сердце)

Но сердце разрывается...

(Падает)

Разбился...
Разбился, как пустой кувшин... Конец...

Занавес

Илья Мухадзе-Дубинский

Из самых близких Ленину

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

— Дружок Петрова Лихтенштадт сидел в другой камере, — делился Иосиф. — Так они друг другу постоянно передавали записки, все время...

— Погоди, друг, не заговаривайся, — прервал Серго.

— Я дело говорю, — возразил Иосиф. — Иди сюда!

Поляк подвел Орджоникидзе к трубам парового отопления. Потребовал:

— Веди ладошкой между стеной и трубами... Чувствуешь щели? Федор Петров сразу смекнул — трубы тянутся через все отделение, из первой камеры в седьмую. Пользуйся в свое удовольствие. Один сунул записку в щель, другой вытащил или дальше протолкнул — по надобности. Чем не почта?

— А где теперь Петров? — спросил Серго.

Иосиф пожал плечами.

— Не знаю. Срок у него большой. Свидетель. Его часто в карцер определяют. Тебе с твоим характером тоже не миновать. Там, в подземелье, стен нет, одни решетки. Обязательно познакомитесь.

А пока Серго как следует загрузил «почту» Петрова. Еще в первые дни, до перевода в «заразное» отделение, он узнал, что для пленников Шлиссельбурга время остановилось на 1909 году. Большим событием

явилось то, что большевик Айтенштадт получил от родственников в переплете одного из благонадежных изданий «Нивы» книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». На книгу огромная очередь. Счастливец обязательно должен успеть прочесть между двумя дежурствами на кухне. Во время дежурства книгу надо незаметно принести и положить в узел под кухонные тряпки. Заберет новый дежурный.

Серго принялся рассылать по камерам написанные крохотными очень ясными буквами сообщения о воссоздании нелегальной РСДРП и о полном разрыве на Пражской конференции с ликвидаторами и другими отступниками; такие же краткие и живые рефераты о последних работах Ленина. Рассказал и о том, что перед самым арестом прочел в левых газетах телеграммы о кровавых событиях на Лене — расстреле мирного шествия, направлявшегося с петицией к прокурору.

— Я не знаю подлинных масштабов и последствий этой трагедии, — добавлял Орджоникидзе. — Но не может быть, чтобы Россия простила Николаю новое «кровавое воскресенье» — гибель двухсот семидесяти рабочих золотых приисков. Залпы на Лене всколыхнут массы. Наш час близок!

Почта, известно, не всегда приносит радостные сообщения. Случается, круто меняет течение жизни. И как-то Серго вынул из своего почтового

Продолжение. Начало см. в журнале «Литературная Грузия» № 4, 5 и 6 за 1962 г.

ящика — из щели за трубами парового отопления — сигнал бедствия: начальник тюрьмы приказал прекратить лечение тяжело больного политкаторжанина Фомичева. Бывший рабочий из Екатеринослава, анархист Фомичев слыл первостепенным бунтарем. Барон Зимберг с удовольствием ухватился за возможность навсегда избавиться от «неисправимого». Тем более, что госпиталь в крепости — крохотный, а Фомичев почти безнадежен.

Серго взорвался.

— Мы подняли стуком и кандалным лязгом такой тарарам, — вспоминал как-то в тридцатых годах шлиссельбуржец В. Гончаров, — что в какие-нибудь десять минут поставили на ноги всех тюремщиков. Наш коридор наполнился надзирателями с винтовками, командовавший ими помощник начальника тюрьмы грозил стрельбой и расправой. Через час Фомичева снесли на носилках в госпиталь, а через два часа нас всех во главе с Орджоникидзе рассадили на целый месяц в подземные башни карцера.

— Железные кандалы на голых ногах, спанье на холодном, как лед Ладожского озера, цементном полу, сухой хлеб без соли, несколько глотков воды за весь день — такой режим мог сломить любого богатыря. Обычно после карцера многие отходили в сторону от тюремной борьбы. Серго, наоборот, вышел из карцера еще более непримиримым. Его характер уподобился булату, закаленному в огне. В тюремных книгах часты записи: «Орджоникидзе на три недели в карцер за невставание на поверку», «Орджоникидзе на две недели в карцер за неснятые брюки во время обыска», «Орджоникидзе на три недели в карцер за...»

— Мы добились того, что тюремщики во главе с Зимбергом отступили перед каторжанами и делали вид, что не замечают нарушения тюремных инструкций и распорядков. У нас в «заразном отделении» была республика каторжан. Одним из ее лучших бойцов был Орджоникидзе. Под его влиянием многие отказались от своих ошибочных взглядов и снова вернулись в ряды революционных борцов.

Насчет республики, возможно,

сказано слишком крепко, но то, что Серго развеял заблуждения многих каторжан, встряхнул, не дал склонить головы — чистая правда. В дискуссии, или, если совсем точно, в тайную переписку о национальном вопросе и об отношении социал-демократов к русско-германской войне, Орджоникидзе вовлек всех политических. Каждая дискуссия длилась шесть-семь месяцев, покуда все не растолковывалось.

Старой «почты» Петрова вскоре оказалось недостаточно. Сообща придумали еще один способ переписки. По воскресеньям, как раз в день, когда разрешалось писать письма на волю, давали праздничное блюдо — суп с вермишелью. Этой клейкой жидкостью писали свои выступления, отвечали на вопросы, высказывались во время «референдума», проведенного Серго в 1915 году. Он призывал каторжан сказать «нет» войне. Все, написанное супом, прихватывали с собой в баню и там оставляли в условленном месте. Другие забирали. Корреспонденция обязательно доходила до адресата.

7

...Сохранилась полосатая тетрадь¹ в одну линейку, в черном клеенчатом переплете. Сто девяносто четыре желтых листочка, пронумерованных и прошитых цветным шнуром, на концах большая сурочная печать с двуглавым орлом. Несколько овальных штампов: «проверена 13/XII 1913 г.», «проверена 23/IV» (год не проставлен) и т. д.

Шлиссельбургская тюремная тетрадь не очень подходит для доверительных записей. И все-таки она может поведать много сокровенных мыслей Серго.

Вслед за самодельным календарем — стихи. Строки, принадлежащие самому Серго, и отрывки из по-

¹ Тетрадь хранилась в личном архиве Зинаиды Гавриловны Орджоникидзе. До конца своих дней она продолжала поиски другой тюремной тетради Серго — за № 1. Возможно ее и не было, а № 2 на этой, сохранившейся, поставлен произвольно или относится к чему-то другому из тюремного «имущества» Орджоникидзе.

эм Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Из книги ныне почти забытого поэта Михайлова Серго выписал:

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам.
Верь, плод взойдет, и наше время
Отмстит сторицею врагам
И разорвет позора цепи,
Сорвет с чела ярмо раба,
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя.

Часто Серго обращался к Байрону.

И если ты о юности жалеешь,
Зачем беречь напрасно жизнь свою?
Смерть пред тобой, и ты ли не
сумеешь
Со славою пасть в бою?

Этому известному четверостишию сопутствует полный сочувствия рассказ Орджоникидзе о последних часах поэта-борца, о его смерти в походной палатке на земле Эллады...

По своей ли доброй воле или чтобы не лишать себя права пользоваться тюремной библиотекой, Серго всякий раз заносил в тетрадь название прочитанной книги и фамилию ее автора. Из русских писателей чаще всего встречаются: Достоевский, Лев Толстой, Тургенев, Герцен, Чернышевский, Гончаров, Короленко, Горький, Куприн, Леонид Андреев, Бунин, Гарин (Михайловский), Мельников-Печерский, Вересаев, Борис Зайцев, Помяловский, Муйжель, Телешев, Серафимович.

Из иностранных авторов — Гомер, Шекспир, Гете, Мольер, Мирбо, Бурже, Гуцков, Шиллер, Франс, Бомарше, Бальзак, Ибсен, Стендаль, Золя, Стринберг, Гауптман, Бичер Стоу, Уэллс, Лондон.

Из многих книг сделаны выписки. Почти всегда Серго высказывал свое мнение о прочитанном, полемизировал с авторами или подкреплял их мысли своими наблюдениями.

Теперь уже более обстоятельно и продуманно, чем во время последнего разговора с Лениным в Париже, Серго высказал свое мнение о взглядах с детства любимого Герцена.

«...Три ошибки Герцена. 1: Он не понял и не оценил того великого движения русской общественной мысли, которое зачиналось в конце 50-х

гг., в самый разгар политической жизни Герцена, и было связано с великими именами Чернышевского и Добролюбова.

2. Он не понял и не оценил зачинавшегося в 60-х годах величайшего в новейшей истории Западной Европы движения **рабочего класса**, руководимого тогда К. Марксом, как не **понял значения научно-философских идей великого экономиста.**

3. Менее важная, но очень любопытная третья ошибка Герцена — его сентиментальное или романтическое воззрение на Россию, на русский народ, противопоставляемое Западной Европе, будто бы уже дряхлеющей, воззрение, которое можно назвать «социалистическим славянофильством» или «русским мессионизмом Герцена».

И снова о судьбах русской общины. Между конспектами книг «Евреи и хозяйственная жизнь» и «Развитие современной техники» Серго поместил несколько статистических выкладок: «По данным главного управления землеустройства и земледелия за 5 лет четыре миллиона домохозяев возбудили ходатайство о выходе из общины... Выходят как в земледельческих центрах, так и в промышленных... В России полное разложение общины. Быстрая пауперизация крестьянства...»

Заново перечтя «Горе от ума», Серго с удовольствием занес в тетрадь:

«Грибоедов не сказал обществу ничего совсем нового, и тем не менее пьеса была принята как нечто небывалое, как редкостная новинка, не имевшая прецедентов. Такою, **без всякого сомнения, и была она.** Это кажущееся противоречие в высокой степени характерно для произведений реального искусства. Взятые из живой действительности, они говорят о том, что все знают: они являются только дальнейшим развитием художественных образов и художественно-моральных суждений, принадлежащих обществу или, по крайней мере, его мыслящей части.

Сатирические стрелы поэта направлены на самое больное место: на тех, которые являлись и тогда и потом основой самой

гибельной из всех реакций — **реакции общественной.** Для общественного блага нет ничего пагубнее той умственной тьмы и светобоязни, той нравственной слепоты и того душевного уродства, которые воплощены в образах Фамусова, Молчалина, Скалозуба и всех этих

Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками,
вздором...

Чацкий — воплощение сложившегося передового деятеля 20 г. и представитель новых идей».

...На третий месяц заточения в Шлиссельбурге Серго получил немало денег от брата Папулия и мацехи Деспинэ. Все до последней копейки переотправил в книжный магазин. И в будущем, как получит пять или десять рублей (более крупных сумм набрать не удавалось) от родственников, немедленно закупает книги. Так что к концу пребывания в каторжной тюрьме Серго располагал солидной собственностью: книгами Чернышевского, Меринга, Плеханова, Луначарского, Туган-Барановского, Адама Смита, Рикардо, историков Виппера, Ключевского, Костомарова, Тейлора, Зегера.

К трудам историков Серго был особенно неравнодушен. Он законспектировал: «Первобытную культуру» Тейлора, «Древнюю историю» в толкованиях таких разных авторов, как Зегер и Беккер, «Древний мир», «Древний Восток и эгейская культура» Виппера, «Лекции по истории Греции», «Очерки истории Римской империи», «Средние века», «Историю Европы» Карева, «Историю Соединенных Штатов» Чапнинга, двадцать три книги по русской истории.

Немалой симпатией Орджоникидзе, возможно как дань времени — 1914—1915 годы! — пользовались книги военных историков, полководцев, стратегов, сборники дипломатических документов.

Все получало свою оценку. Иногда Серго вовсе не считался с тем, что тетрадь пойдет на просмотр и крамола в лучшем случае приведет в карцер.

Даже такая книга, как «Сказание иностранцев о русской армии в войну 1904—1905 гг.», может в руках Серго получить взрывчатую силу.

«Книга рисует беспомощность и ничтожество как общей организации, так и руководителей, а также, несмотря на храбрость русского солдата, его неподготовленность и невежество. Если хоть 50 доля той безалаберности сохранилась до сего дня, то поражение неизбежно. 4/III 1915 г».

Мнение Серго о войне категорическое:

«Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазно-империалистическо-династической войны. Борьба за рынки и за грабежи стран, стремление одаурить, разъединить, разорить пролетариат всех стран, направить наемных рабов одной страны против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственно реальное значение войны...»

Иногда Серго спохватывался, прибегал к маскировке. Под невинным заголовком «Взгляды протестантов и реформистов», среди совершенно безобидного текста — приговор Второму интернационалу и защитникам буржуазного «отечества».

«Оппортунисты давно подготовляли крах 2-го Интернационала, отрицая социальную революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов. Проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества».

В свое время Ленин и другие лекторы партийной школы в Лонжюмо не успели проэкзаменовать Серго. Он даже не дослушал курса лекций. Надо было уезжать в Россию воссоздавать революционную рабочую партию — испытанную РСДРП. Прочитав Владимир Ильич эту тюремную тетрадь, он наверняка поставил бы своему воспитаннику и молодому другу Серго высший балл.

8

Барон Зимберг готовился подписать «Статейный список» № 209. Медленно шевеля мокрыми губами, он упивался колоссальной значимостью своих забот о благополучии Российской империи.

Барон настолько сосредоточился, что не заметил, как писарь распра-

вился с фамилией каторжанина. Из первого слога выбросил букву «д», во втором вместо «о» поставил «а».

Орджоникидзе или Оржаникидзе — пустяк, конечно. Начальник Шлиссельбургской крепости отлично усвоил, с какого места следует читать казенные бумаги. Вот он приосанился, поправил на мундире значок «Союза русского народа». Безбровые глаза впились в статью за номером три:

«К каким категориям преступников относится? Из беглых. Лишенный всех прав состояния, ссыльнопоселенец деревни Потоскуй, Пинчугской волости, Енисейского уезда и губернии. Трижды осужден за государственные преступления».

Статья за номером пять (барон по важности поместил бы ее самой первой!):

«Следует ли в оковах или без оков? В нижних кандалах. Может ли следовать пешком? Обязан. Послабления не могут быть допущены».

Три года бунтовал в «заразном» отделении, не смирился в карцере, теперь попробуй — пошагай, закованный в кандалы, десять тысяч верст, зимой, через всю Сибирь!

...Звон кандалный!

Путь печальный дальний!

Шагай в лютый мороз, когда каждый глоток воздуха раздрает легкие. Шагай в белую пелену пурги. Шагай без усталости или падай замертво!..

Еще при первом столкновении остзейский барон обнадеежил Серго — в Шлиссельбурге ничего не остается без наказания. Сейчас на прощание титулованному тюремщику захотелось напомнить о своем могуществе. Партию колодников, с которой шел Орджоникидзе на вечную ссылку в Якутию, отправили из Шлиссельбурга в самую непогоду: восьмого октября 1915 года.

Но бессмысленная жестокость барона Зимберга, вопреки его расчетам, уже потом, в Иркутске, обернулась на пользу Серго.

Покуда колодники, звеня цепями, взметая снежную пыль, дотащились до Иркутска, в Восточной Сибири установилась крепкая зима. Уже даже по инструкциям Главной тюремной инспекции запрещено было гнать

каторжан дальше на север. Знакомство Серго с Якутией отодвигалось на полгода. Ущерб для государственных интересов, разумеется, громадный, да и очень нежелательно, чтобы склонный к побегам опасный преступник находился так долго в губернском центре. Губернатор запросил указаний из Петрограда. Министр внутренних дел ответил депешей — поместить в Александровский централ, содержать в строгом режиме.

Через два месяца в каторжный централ, предусмотрительно поставленный на отшибе от всего живого, ворвалась эпидемия «горячки». Серго напомнил, что он фельдшер, предложил свои услуги. После недолгих колебаний — болезнь слишком свирепствовала — начальник тюрьмы назначил Орджоникидзе санитаром. Вскоре повысил до помощника фельдшера. О строгом режиме уже не было речи.

В мае Серго затребовали обратно в Иркутск. Первая весенняя партия ссыльных уходила к угрюмым, почти безлюдным берегам Лены. Порядок тот же — пешком, от этапа к этапу.

Для бодрости старая песня каторжан:

...Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинуты брови,
На сердце раздумье легло.
Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

На подводах ехали офицеры. Телеги везли дозволенный скарб — смену холщевых белья, арестантский армяк, тюремную обувь — коты, жестяной чайник. В мешке Серго, к постоянному неудовольствию начальника конвоя, еще книги, приобретенные в Шлиссельбурге.

Миновали тайгу, углубились в бескрайние просторы бурятских степей. Открытые всем ветрам, они казались нескончаемыми и первозданно дикими. Лишь сейчас Орджоникидзе по настоящему понял, какую участь ему готовил барон Зимберг. Зима 1915 года легко могла стать последней в жизни Серго. Он горько усмехнулся — Александровский каторжный централ в роли счастливого прибежища!..

Серго избегал и другого. В мае солнце еще не успело выжечь цветы, травы, беспощадно иссушить степь. Из-под ног сотен шагающих людей еще не поднимались плотные тучи пыли. От нее некуда уйти. Она забивает горло, режет глаза, хрустит на зубах, к концу дня сплошь покрывает голову, лицо, плечи.

— Я совсем отдохнул. — как-то вспоминал Серго, — когда наша пе-
страя и довольно многолюдная коман-
да погрузилась на паузок¹. Трюм пре-
вратился в огромную, плывущую вниз
по течению Лены, камеру. Удобств —
никаких. Сплошные нарвы в два яру-
са. Вповалку здоровые и больные,
теснота, закрытые наглухо ночью
двери, вонь грязного белья и немыто-
го человеческого тела. Все искупа-
лось с наступлением утра. Едва откры-
вали трюм, мы бросались на палубу.
Кто садился за удочки по бортам па-
узка, кто принимался за самодель-
ные шашки, шахматы. Большинство
просто отводило душу — долгие ча-
сы мы жадно всматривались в цвет
неба, в игру воды, во все, что после
долгой разлуки дарилa природа. Бли-
же к Якутску паузок проплывал под
нависшими над рекой островерхими
скалами. Вспоминал Кавказ...

Четырнадцатого июня паузок при-
чалил к Якутску — по тем временам
довольно большому городу, с крепко
сколоченными деревянными домами.
Главную улицу, застроенную особня-
ками губернатора, полицмейстера и
разбогатевших куццов, освещали
электрические фонари. Случалось,
притом довольно часто, что не в меру
расшалившиеся белки принимали
столбы за обыкновенные деревья, но-
сились по ним, прыгали по прово-
дам — устраивали короткое замыка-
ние. Тогда город погружался в тем-
ноту.

Дальнейшая участь Серго зависе-
ла от губернатора. Он должен был
назначить «место пожизненного вод-
ворения». Все предопределял «Ста-
тейный список» — плод верноподдан-
нических усилий барона Зимберга.

По случайному совпадению или по
обычаям Российской империи долж-
ность губернатора исполнял опять

же прибалтийский барон фон Тизен-
гаузен. Меньше, чем через год, он по-
знакомится поближе с Серго, они
почти поменяются ролями. Барон
почтительно выкажет свою призна-
тельность за великодушные граждани-
ну Орджоникидзе...

А сейчас его превосходительство
испытывал острую потребность упря-
тать опасного и неисправимого смуть-
яна в особенно далекий закуток.
Изолировать его от всего живого.
Фон Тизенгаузен бросил взгляд на
карту опекаемой им области. Затем
размашисто вписал в «Статейный
список»: «Распределен в Нюрбин-
ское сельское общество Вилуйского
округа».

Даже от Якутска это семьсот с
лишним верст на север, в глубь тун-
дры. Вилуйск, по характеристике
Чернышевского, «... это даже не се-
ло, не деревня в русском смысле
слова. Вилуйск — это нечто такое
пустынное и мелкое, чему подобного
в России вовсе нет». Нюрба и того
страшнее. Крохотная, забытая бо-
гом и людьми заимка. Полное одино-
чество, безнадежная оторванность от
близких по духу и маломальски ин-
теллигентных людей, ежедневный
унизительный надзор жандармов.

Личной аудиенции у губернатора
Серго не имел права просить. Можно
было только заочно пожелать
его превосходительству самому у-
браться в Нюрбу или в пренеподную,
что в сущности одно и то же...

Сосланный в Якутию депутат IV
Государственной думы Григорий
Петровский, большевики Андрей
Агеев, Емельян Ярославский, его же-
на Клавдия Кирсанова обратились
к врачам, адвокатам, педагогам, возбу-
дрили всех «политических». На
губернатора нажали со всех сторон.

— Все средства были пущены в
ход, — вспоминала Кирсанова, —
для того, чтобы помешать новой ре-
прессии, не дать отправить Серго в
Нюрбу — эту каторгу в ссылке. Ор-
ганизация политических ссыльных в
то время представляла довольно вну-
шительную силу и фон Тизенгаузе-
ну пришлось отступить.

Сочувствовавшие большевикам
врачи И. Бик и Н. Юдин предложили
Серго подать прошение о предостав-
лении места фельдшера.

¹ Паузок — речная плоскодонная
баржа.

Серго написал:

«Господину старшему врачу Якутской гражданской больницы. Медицинского фельдшера ссыльнопоселенца сел. Нюрба, Вилюйского округа Григория Константиновича Орджоникидзе.

ПРОШЕНИЕ

В 1905 году я окончил Тифлискую фельдшерскую школу при Михайловской больнице, — что и указано в моем «Статейном списке». Служил в Гудаутской сельской больнице, на нефтяных промыслах Ш. Асадулаева, в холерном бараке при Бакинском городской больнице, а в последнее время, сидя в Александровском остроге, фактически в продолжение четырех месяцев исполнял обязанности фельдшера.

Ввиду того, что по указу Правительствующего Сената от 27 октября 1914 года и циркуляра министра внутренних дел от 16 сентября 1915 года за № 960 политическим ссыльным разрешается заниматься медицинской практикой, убедительнейше прошу вас предоставить мне место фельдшера во вверенной вам гражданской больнице.

Фельдшер Григорий Орджоникидзе.
20 июня 1916 г., гор. Якутск».

Замещавший областного врачебного инспектора доктор Бик от себя добавил:

«Ввиду крайнего недостатка врачей и фельдшеров в настоящее время Врачебное отделение полагает возможным принять политического ссыльного Орджоникидзе по вольному найму на должность фельдшера, о чем предоставляет на разрешение Вашего Превосходительства».

Фон Тизенгаузен любил при случае продемонстрировать свою интеллигентность и широту взглядов. Тем более, что из России, из действующей армии особенно, приходили тревожные вести. Обстановка накалялась.

— Я, собственно, ничего против не имею, — говорил губернатор Бику и Юдину. — Из его «Статейного списка» узрел, что он из непреклонных, подвижник, как вы величаете. Хотел дать ему случай последовать примеру высококочитимого господина Чернышевского, Вилюйского старожила!.. Не знаю, известно ли вам, милостивые государи, что генерал-губернатор Восточной Сибири на пере-

кладных гонял своего адъютанта в Вилюйск. В запечатанном пакете великодушно изготовленный текст прошения на высочайшее имя о помиловании. Не пожелал фанатик поставить свою подпись. Остался в остроге... А ваш протезе, говорите, не склонен отправляться ни в Нюрбу, ни в Вилюйск. Неужто кавказцы так чувствительны к морозу? Гм, гм!.. Разве что ради вас? Пациенту опасно гневить своих эскулапов.

Нового фельдшера городской больницы приютили у себя Клавдия Кирсанова и Емельян Ярославский. Они жили в бревенчатом домике при городском музее (Ярославский заведывал музеем). На долю Серго досталась маленькая каморка, но с редчайшим для Якутска электричеством!

Заботами правительства в Якутске были представлены все оттенки политической мысли. От большевиков до «аграрников», очень смутно разбивавшихся в партийных программах. Были меньшевики, анархисты, террористы-эсеры вроде Петра Куликовского, который после революции предназначался мятежным генералом Пепеляевым в губернаторы Якутии. Были матросы и солдаты — участники военных восстаний. Попадались и самые заурядные либералы, кадеты. Они группировались вокруг доктора Сабунаева, будущего министра Колчака.

Оказался в Якутске и брат Ладос Кецховели — Сандро. Не просто грузин-земляк. В юности близкий товарищ, почти побратим Серго. В первые минуты бросились в объятия, неуклюже, по-мужски расцеловались. А едва беспорядочный разговор коснулся партийных дел, войны, попыток оторвать Грузию от России — вражда. Все, что раньше связывало, в прах распалось.

Сандро родился в долине. К его колыбели склонялись ветви вишневые и персиковые деревья, яблони. Горы — голубоватые от снега — постоянно держались вдали. Верно, и этого достаточно. В характере у Кецховели-младшего вся сила и вся слабость горца: прямой, чистый, непоколебимо преданный, очень наивный и очень упрямый. До конца своей трудовой жизни Сандро искренне верил, что непогрешимо служит рево-

люции, жертвует собой ради большого счастья на земле.

И тогда, в Якутске, и позднее он мучительно переживал вынужденный разрыв с Орджоникидзе. Серго в таких делах непримирим. Поняв, что Сандро никаким доводам не поддастся, так и останется слепым поклонником Плеханова и Жордания, попросил его больше не приходить.

— Так будет лучше нам обоим, — печально заключил Серго.

Через год — через два с частью бывших друзей придется расстаться еще более трагически. Борьба требует всего, вплоть до смертных приговоров...

Колонию ссыльных — это около пятисот человек — беспощадно разъединяло отношение к войне, длившейся уже без малого два года. Даже среди тех, кто всегда причислял себя к революционной социал-демократии, не было полного единства. Возникли как бы два полюса. На одном Серго, на другом — Михаил Томский, влиятельный и упрямый профсоюзный вожак.

В дружеском кружке за чаем у Ярославского или на тайных дискуссиях Серго держался одного: война неизбежно кончится поражением Российской империи. Затем — революция, новая жизнь!

Томский отстаивал противоположное: свою страну надо защищать такой, как она есть. Революция это удар в спину. В пику Серго он адресовал всем политическим призывам относиться к России «вот так, как Фирс чеховский любит вишневым сад».

К содействию барона фон Тизенгаузена Томский, конечно, не прибегал.

Союзниками их сделала логика жизни. Как только анонимный доброжелатель известил, что «придерживающийся опасно крайних взглядов ссыльнопоселенец Орджоникидзе пагубно влияет на окружающую среду», губернатор приказал:

— Выдворить немедленно!

Опять поспешили на помощь врачи Бик и Юдин. Они отыскиали для Серго вакансию фельдшера в больнице села Покровского, верстах в девяности от Якутска, на правом гористом берегу Лены.

Село небольшое, всего на пятнадцать дымов, как говорили в старину. Дым над крышей домика под ледяным панцирем — единственное и верное свидетельство того, что тут кто-то живет. А ледяной панцирь — это в самом буквальном смысле. При первом морозе деревянный дом старательно обливают водой. Несколькими раз подряд. Толстый слой льда держит тепло. Позже, когда зима окончательно вступает в свои права и о морозе в тридцать градусов облегченно говорят «сегодня то как тепло!», якуты помимо общего ледяного панциря еще приклеивают к окнам большие зеленые льдины. Тоже для тепла.

И все-таки больше села, чем Покровское, в Первой волости Якутской области не было. На всей территории в пятьсот верст! Все в Покровском — волостное правление, телеграф, почтовая контора, летом и пристань на Лене, больница, церковно-приходская школа, три церкви, лавка купца Кушнарева. За оклицей тайга. Кое-где деревья нехотя потеснились, дали место якутам поставить свои наследи — деревеньки из нескольких юрт.

Окончание следует

Владимир Осинский

Три дня одной жизни

День первый

Было жарко, а бригадир был седой, плотный и непреклонный.

Беспощадное солнце — солнце тбилисского июля — каталось в серой пыли. Кирпичи казались краснее, чем на самом деле, и тоже излучали зной. Даже шершавые доски стропил обжигали, если коснешься их ладонью, и Володя часто стирал со лба пот и старался, чтобы бригадир этого не заметил.

Нагнуться, взять в руку по кирпичу, выпрямиться, два шага в сторону, кирпичи ложатся на площадку подъемника, выпрямиться, два шага обратно, нагнуться...

Нагнуться, взять в руки по кирпичу, два шага в сторону...

— Слушай, Серго, есть судьба?

— Что? Да, есть, проклятая! Иначе за каким чертом оказались мы здесь?

Пот стекает за ворот, сначала это злит, потом радуется — соленая влага стынет, и становится легче.

— Быстрее, ребятки, веселее, — говорит бригадир, — скоро отдыхать.

Человек, когда подрастет, чаще всего вспоминает родителей в трудную минуту. Володя вспоминает отца... недобрый словом. Тоже мне — поклонник трудового воспитания. Нужно, видите ли, на собственной шкуре почувствовать, что значит работа. Не какая-нибудь там писанина за канце-

лярским столом, и не работа у станка, когда все за тебя делает машина, а ты только наблюдай и поправляй ее. Нет, настоящая работа — на стройке, где ногам не бывает покоя, а руки становятся, как подошвы. Что? Не могу ли куда-нибудь устроить? Я тебе сейчас такое устрою. Елизарашвили никогда не искали легких путей. Первые Елизарашвили знаешь кем были? Они ковали сталь — лучший булат в Грузии! Да, я начальник отдела первой швейной фабрики, и у нас идет стройка, и ты, мой сын, пойдешь на эту стройку, и будешь таскать кирпичи, и готовить раствор, и вообще делать все, что велит бригадир. Ясно? И никаких разговоров!.. Ну, ладно, разозлил ты меня. Ничего, сынок, одолеешь — будешь потом благодарить.

Солнце окончательно озверело. Забралось в самый зенит и поливает землю расплавленной лавой градусов. Стоит задрать голову и секунду помериться с ним взглядами — потом все вокруг превращается в сплошное черное пятно, и от этого делается как будто прохладнее.

— Эй, студент, не зевай!

В нескольких сантиметрах от Володи развернулся самосвал. Володя спиной почувствовал огромный вес, несущий в себе могучую силу удара. Сердце заколотилось сильно, и во рту родился медный вкус страха.

— Я не студент, — резко сказал он бригадиру, — и не собираюсь им становиться.

— Между прочим, — сказал бригадир, — меня зовут дядя Шалико.

Плевать мне на благовоспитанность, какая вежливость может быть на такой работе.

— Вот что, парень, ты бы покрыл чем-нибудь голову. Здесь не проспект Руставели, с таким солнцем шутить не приходится.

— Спасибо за совет, только я не неженка.

— А об этом мы будем судить после работы.

И что я, в самом деле, за тряпка? Скажите, пожалуйста, стыдно перед отцом стало. И не нужно мне этого дурацкого моря, и денег не нужно, и вовсе я не хочу «человеком становиться». В конце концов мне восемнадцать лет, я перешел в последний класс и могу еще не работать! У меня каникулы, хочу отдыхать.

— Слушай, Серго, а ты-то чего ради полез в это дело? Тебя ведь никто не заставлял.

Серго провел рукой по волосам и сразу наполовину поседел — извести.

— Все! — объявил бригадир.

— Всем отдыхать. А голову ты все-таки покрой, парень.

Они уселись в сторонке от остальных — настоящих строителей, которые запросто перебрасываются кирпичами, словно теннисным мячом, и легко взбегают по шатким лесенкам на третий этаж.

— Я тебе скажу, — начал Серго, откусывая кусок хачапури. — Кто мы? Ученики выпускного класса. А еще? Интеллигентные дети интеллигентных родителей, избалованные возросшим материальным и культурным уровнем жизни. Дальше. Идет великая стройка. Стройке нужны люди. И вот мы...

— Знаешь, что, — сказал Володя. — Ты дурака не валяй. Я серьезно спросил — зачем нам это?

— Ты почему не ешь? Покушай — сил прибавится.

— Отстань.

— А серьезно — вот как. Видишь этих ребят? Они сидят, болтают, над нами посмеиваются. И имеют полное право на это. Видишь, у них какие руки? Вдвое толще наших с тобой. Видишь, какие шеи? Как у борцов. А у нас с тобой то-оненькие, сла-абенькие... Хочу быть таким же — здоровым, и громко смеяться, и запросто

скакать по этим лестницам. А дальше — посмотрим.

Солнце понемножку скатывается к горам. Но этого почти не чувствуешь — так зарядило оно землю, и камни, и все зноем.

У Володи все чаще перед глазами скачут черные блохи. Он больше не вытирает пот и перестал думать о том, что волосы сваялись в пыльный ком, и уши забиты пылью, и, верно, не узнали бы его сейчас девочки из школы. Он думает только о том, что черные точки мешают видеть, а на спину здоровенным мешком навалилось оцепенение.

Он уже твердо решил швырнуть эти два кирпича подальше в сторону, потом спокойно повернуться и уйти, ни на кого не глядя и не прощаясь. Он нагнулся за ними, твердо зная, что они последние, когда бригадир громко и весело сказал:

— Вот теперь все. На сегодня.

Володя шел к воротам, его догнал бригадир и взял за локоть.

— Я слышал — вы там что-то о судьбе болтали. Есть судьба. У тех, кто на ногах умеет стоять. Так ты запомни — сегодня ты первый день на свете жил. И сегодня началась твоя судьба. Я все видел, и ты на ногах устоял. Смотри, завтра не забудь шапку.

Проползла мимо поливочная машина и обдала их легким, как туман, прохладным облаком.

День второй

Поезд на большой скорости шел из дождей ноябрьской Москвы в мягкое тепло тбилисской осени. Этот, второй, день жизни Владимира Елизаравили был через шесть лет после того, как он впервые пришел на стройку и, с ненавистью к себе, солнцу и работе, едва дождался конца.

— Может все-таки сыграем? Одну партию.

Случайному попутчику, пожилому инженеру, который ехал в командировку на юг, было скучно.

— Нет, — сказал Володя, — простите, но я устал.

Это было и ложью и правдой. Он действительно устал за пятнадцать дней, проведенных в Москве. Устал от впечатлений, встреч, мыслей. Но все то, что он, делегат Двадцать вто-

рого съезда КПСС, передумал и почувствовал за эти две недели, наполнило его ощущением, которое меньше всего можно было назвать усталостью. Скорее это было состояние большого подъема душевных сил, когда чувства обострены, а мысль ясна и стремительна.

Владимир лежал на верхней полке, и тени обнаженных осенью деревьев скользили по его лицу.

Странно — но он думал не столько о съезде и всем том, что было связано с ним, сколько о себе. Бывают такие дни у каждого. Наступает минута, в которую совершенно необходимо подвести черту под прожитым за определенный отрезок времени. И, подводя этот итог пережитого, яснее узнать, что дальше.

Он слушал Никиту Сергеевича — и видел путь, по которому надо идти.

Он говорил с Титовым и Гагариным — и ярче сумел осознать непостижимость этого деяния — Человек вырвался в космос.

Он беседовал с множеством людей — юношей и девушек, рабочих, ученых, творцов — и из всех впечатлений самым сильным было следующее: они, те, кому народ доверил решать судьбы своего грядущего, равны и схожи в одном — их создал труд. Может быть, именно поэтому сейчас в поезде, увозя с собой бесценный груз мыслей и чувств, Владимир думал о себе.

...Прошел тот трудный и прекрасный первый день, и прошло их три десятка. Володя поехал на море, он жил там в Лоо, недалеко от Сочи, месяца, а море было лазурнее, небо беспредельнее, и солнце ярче, потому что впервые он заслужил отдых собственным трудом. И когда через год Володя окончил школу, уже не было разговора с отцом — разговор состоялся только через три месяца, все лето Володя был строителем. Григорий Давидович сказал:

— Теперь ты уже не мальчишка. Ты — заготовка человека, и тебя можно отдать на обработку.

— Мне нравятся поезда, отец.

Два дня ушло на оформление документов. Пятого октября пятьдесят седьмого года Володя стал учеником слесаря электромашинного цеха локомотиворемонтного завода, а тридцать первого декабря из заводских

ворот вышел первый тбилисский электровоз.

Они родились почти одновременно — электровозостроитель Владимир Елизарашвили и Тбилисский электровозостроительный завод имени Ленина.

Была у Володи пора детства и юношества. Была такая пора и у завода.

Десятки лет жарко дышали цехи Тбилисского паровозо-вагоноремонтного завода — одной из колыбелей революционного пролетариата Грузии, до установления Советской власти — железнодорожных мастерских. Росли и множились стальные магистрали республики, вслед за чумазыми паровозами пришли на них чистенькие тепловозы и электровозы. В своем неустанном беге по крутым горным дорогам они старились и болели, их нужно было лечить, и на заводе родился цех по ремонту локомотивов. Сразу же после рождения он был настолько мощным и большим, что оказалось необходимым предоставить ему самостоятельное жизненное пространство. Тогда это была окраина города — Грма-Геле. Сейчас — один из густонаселенных районов.

Цех стал ремонтным заводом, а ремонтный завод сделался строительным.

Электровоз — это корабль стальных магистралей. Строить его почти так же сложно, как строить корабль.

Колючего и доброго дяди Шалико на заводе не было. Но и здесь Володя попал в хорошие руки. Ему пришлось работать в разных бригадах — на ремонте катушек, якорей, на бандажировке. Было нелегко, зато он осваивал сразу целый комплекс специальностей, а это было очень нужно заводу — молодому и потому испытывавшему постоянный голод в специалистах.

Старейший в стране электровозостроительный завод — Новочеркасский.

В январе пятьдесят восьмого года Володю вызвали в комитет комсомола и сказали:

— Поедешь в Новочеркасск. Нам нужны прессовщики, а прессовщиков у нас нет.

Это были десять дней, которые стоили года. Володя вернулся и поначалу работал один. Сейчас в его бригаде пять человек. Они изготавливают,

если говорить техническим языком, манжеты для тяговых двигателей и вспомогательных машин. А проще — изоляцию, без которой не может биться сердце электровоза.

Когда Володя вернулся из Новочеркаска, на заводе почти не было оборудования, необходимого для работы прессовщика. Постепенно оно пришло. Володя подготовил двенадцать учеников.

В пятьдесят восьмом году Володю выбрали секретарем цехового бюро комсомола. Когда он принял дела, в организации было шестьдесят семь человек, когда сдал — больше двухсот. А это значит: соответственно расширялась громада завода.

Сейчас Владимир Елизарашвили, бригадир прессовщиков электромашинного цеха, работает заместителем секретаря комитета комсомола предприятия. Его обязанность — руководить движением бригад и ударников коммунистического труда. Сегодня за это звание борется весь коллектив завода. А это значит — три с половиной тысячи человек посвятили свою жизнь тому, чтобы моральный кодекс строителей коммунизма стал нормой их труда и быта.

...Вагон баюкал — легко покачивался в мягком полете по рельсам. Владимир неподвижно смотрел в окно. Его попутчику, страстному любителю шахмат, не могло, конечно, придти в голову, что происходит в душе у парня, лежавшего на верхней полке.

А парень сверял свою жизнь с тем, что он услышал и чему научился на съезде строителей прекрасного будущего Земли.

Ему нелегко приходилось. В шестидесятом году на заводе организовали бригаду резчиков изоляционных материалов. Прежде каждый рабочий резал изоляцию для себя, делал это неумело и в спешке, и сантиметры зря истраченного ценного материала превращались в метры.

Новая бригада была почти сплошь неквалифицированной. Владимир руководил ею год. К концу года бригада завоевала звание коллектива коммунистического труда.

Только он вздохнул свободнее — вернули на прежнее место, к прессовщикам. Цех реконструировали, надо было создать «задел» — запас гото-

вой продукции. Это — трудное дело, и его поручили Владимиру Елизарашвили.

...Он лежал на своей полке, и тени деревьев уже не полосовали вагоны. Смеркалось.

До конца шестьдесят пятого года завод должен был закончить реконструкцию и полностью освоить проектную мощность. Владимир знал это и считал, что расчеты реальны.

Сейчас, после съезда, ему казалось — темпы можно ускорить. А как это сделать?

— Простите, — сказал сосед по купе. — Простите меня, молодой человек, но я по природе своей очень любознателен. Смотрю на вас долго и не могу догадаться, в какой вы области работаете?

Речь его была несколько старомодна. Володе тепло стало от улыбки, которую он сумел сдержать.

— Думается мне — художник или музыкант? Вижу я — весьма природой интересуетесь, и внешность у вас... артистическая, что ли.

Володя рассмеялся. Мягко спрыгнув на пол, сел напротив инженера.

— Артистическая? — сказал он. — Если я утром не ослышался, вы — инженер?

— Точно так, юноша.

— Не так давно я участвовал в одном съездиании. Записался выступать, назвали мою фамилию. Выхожу на трибуну — председатель говорит: «Э-э, подождите, товарищ, до вас тут другой товарищ записан». Я отвечаю: «Так это я и есть». Он начинает раздражаться: «Послушайте, товарищ, вам человеческим языком говорят — до вас будет выступать другой товарищ, рабочий». «А я и есть рабочий», — отвечаю. Он на меня уставился подозрительно, а в зале смех — смеются наши ребята, заводские. И — голос с места: «Мы все здесь рабочие, что ж нам в ватниках ходить?»

Владимир смеялся, а попутчик его сконфуженно говорил:

— Да, да, конечно, вы правы, совершенно правы, ибо технический прогресс — это в конечном счете духовное возвышение и расцвет личности человеческой. У нас в стране, разумеется...

— Знаете что, — сказал Владимир, — теперь мы можем сыграть в шахматы.

Он подвел черту под тем, что прожито. Завтра стало отчетливее.

В дверь постучал проводник и предложил чаю.

День третий

Этого дня еще не было, и потому рассказ о нем будет совсем коротким. Хотя он может быть и самым длинным.

О дне третьем Владимир Елизаршвили рассказал мне, когда мы сидели в пустом автобусе. Автобус стоял на заводском дворе. В нем мы нашли убежище от гула и грохота и резких звонков рельсового крана, бегающего взад и вперед под просторными сводами цеха.

— Восьмой всемирный в Хельсинки! — сказал Владимир. Право не знаю, за что мне такая честь. Нет, я не скромничаю, просто у нас множество таких ребят. Видимо, везет мне с того самого дня, когда дядя Шалико на полном серьезе (кажется, это — жаргон стилия?) утверждал, что судьба существует, и никуда от нее не уйти!

Новым друзьям я обязательно рас-

скажу о заводе, о Тбилиси, о Москве. О том, что к концу семилетки мы будем выпускать электровозов больше, чем вся Франция. (Нескромно? Ну что ж! Зато правда!) О том, что наши электровозы самые мощные в стране, и в Грузии их фактически не найти. Им тесны наши горные дороги, им нужны просторы, где рельсы падают вдаль стрелой, и нужно разогнаться и лететь, лететь... Я расскажу, что для нашего завода семилетка закончится в шестьдесят третьем году — это мы решили на митинге после Двадцать второго съезда. Но главное, я расскажу им о том, о чем говорили мне родители, старшие, книги. Это — о войне. Я скажу: «Вы читали Ремарка, Хемингуэя, Симонова, вы хотя бы потому должны знать, что такое война. Пусть ее не будет».

Я надеюсь встретиться с Владимиром после фестиваля, и пусть он расскажет мне, каким в действительности был этот третий день в его жизни. Конечно, он будет намного интереснее и лучше, чем мы представляли его тогда, в пустом маленьком автобусе, когда было душно, а рядом грохотал и гремел и жил огромный цех.

Серги Чилая

Сандро Шаншиашвили

Нашу действенную, живую литературу украшают имена убеленных сединой деятелей, творческие биографии которых сложились полвека назад. Своими корнями они упираются в литературу XIX века. Выросшие под крыльями орлов грузинской литературы Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и Важа Пшавела, они пришли им на смену, как только последние сложили свои крылья. Они стали продолжателями и наследниками их славных литературных традиций. Советская эпоха ускорила процесс их творческой возмужалости, и их талант раскрылся во всем своем многообразии.

Сандро Шаншиашвили — один из могучих ростков, появившихся на ниве грузинской литературы нашего века. Еще Тициан Табидзе — представитель более молодого литературного поколения — в 1917 году в журнале «Циспери канцеби» («Голубые роги») писал: Теперь грузинскую литературу украшает великолепная тройца — Галактион Табидзе, Иосиф Гришашвили и Сандро Шаншиашвили. Такой славой пользовался С. Шаншиашвили в литературе, предшествовавшей Октябрьской революции.

Сандро Шаншиашвили принадлежит к той плеяде советских писателей, которая вступила на литературное поприще в бурный период революции 1905 года. Эта эпоха внесла в его творчество бьющую ключом оптимистическую струю, которую не смогли сковать темные силы реакции, наступившей вслед за первой русской революцией.

Первые стихи Сандро Шаншиашвили были напечатаны в 1905 году. Они пронизаны глубокой верой в победу народа в борьбе с самодержавием. Ореолом этой веры озарено все дооктябрьское творчество поэта.

Идем мы вместе
В порыве мести
В жестокий бой...
Исполним свой
Священный долг!

Воодушевленный идеями революции 1905 года, поэт искренне уверовал в то, что пробужденный и оставший народ сметет со своего пути «несметных врагов» и добьется желанной свободы. Этой верой отмечены первые стихи С. Шаншиашвили, поставившие его плечом к плечу с народом, поднявшим знамя борьбы. С тех пор прочная связь с ним ни разу не ослабевала, и даже в мрачные годы кровавого разгула реакции поэт пишет стихотворение «Народу», насыщенное искренним пафосом веры в его силу:

Мне нельзя до победы с тобой не дожить.
Надо беды осилить и песни сложить.

Однако реакция и империалистическая война все же наложили свой отпечаток на оптимизм Шаншиашвили так же, как и на творчество его соратников Г. Табидзе, И. Гришашвили, А. Абашели и других. Настроения печали и мистики нашли свое отражение и в его произведениях.

В досоветском творчестве Сандро

Шаншиашвили ясно просматриваются два противоположных друг другу мотива — с одной стороны, попытки развития традиций грузинской классической литературы XIX века, заинтересованности общественно-социальными и национальными проблемами, с другой — мистика, скорбь и желание уйти от жизни.

И все же он ищет объяснения, в чем долг человека. Но сложные проблемы в творчестве Шаншиашвили находят односторонние, по преимуществу меланхолические, решения.

В его творчестве тех лет заметно влияние тем и мотивов европейской и русской декадентских школ. Не случайно первым из поэтов того периода он перевел на грузинский язык «Ворона» Эдгара По (1909).

Кроме того, влияние французских декадентов ясно выражено в стихотворении «Зеркало». В нем легко заметить тематическое родство Шаншиашвили с творчеством грузинских символистов-«голубороговцев» (вспомним стихотворение Валериана Гаприндашвили «Я в зеркале»).

Увлечение символистско-мистическими мотивами часто находило свое проявление в мистицизированной переработке народных сказаний и легенд. Черты, русалки и привидения, отраженные в стихах «Белый пламень», «Бессонная ночь», «Душегуб» и «Агуна» написаны под впечатлением «Ворона» Эдгара По.

В годы реакции Сандро Шаншиашвили увлекался также сказаниями античных народов. Необходимо, однако, оговориться, что в разработке их, как и других тем, поэт не доходил до той крайности, к которой прибегали символисты, ибо символизм в его творчестве не был доминирующим началом.

Настроения печали, проникшие в произведения Шаншиашвили этого периода, объясняются общественно-политической обстановкой тех лет. Поэт жалуется на свою судьбу, но глубоко верит, что его печальная песня является откликом на жизнь «сиротливой нации», политически и социально угнетенного народа.

В стихах Сандро Шаншиашвили тех лет встречаются преимущественно отклики на общественно-национальные мотивы стихов И. Чавчавадзе, А. Церетели и Н. Бараташвили. Весь-

ма характерна в этом отношении напечатанная в 1909 году в журнале «Ученическая лира» статья, в которой поэт выступает в качестве одного из знаменосцев национально-освободительной борьбы молодежи и призывает ее любить родной язык, литературу, родину и многострадальный свой народ, призывает служить ему. Молодой писатель поднял свой голос и против самодержавия.

«Нынешний режим, — писал он, — душит больше всех грузин учащихся. Он вырвал у них из груди родной язык и поставил на путь обрусения. В результате наше молодое поколение не знает ни русского, ни грузинского языка». И далее:

«Так не будем же мы слепым оружием в руках наших слепых врагов. Будущее принадлежит нам, и это будущее нуждается в испытанном борце... Вместе с любовью к литературе чужих народов мы должны еще более проникнуться любовью к родной литературе».

Творчество Шаншиашвили того периода живо откликается на животрепещущие проблемы эпохи. Он смело ставил общественные, социальные и политические проблемы не только в лирических, но и в эпических произведениях. Это тем более необходимо отметить, что в эпоху реакции и первой мировой войны большие художественные формы грузинской классической литературы пришли в упадок.

Сандро Шаншиашвили решительно продолжает передовые традиции грузинской литературы XIX века. Актуальный политический вопрос находит разрешение в поэме «Амирани», написанной в 1909 году.

Амирани явился спасителем народа, принесшим ему свет и счастье. Он вызволил его из тьмы и рабства. Освобожденный народ торжествует победу, однако радость эта кратковременна. Властелин мира отдал приказ покончить с дерзостью народа, схватить немедленно людей, сеющих смуту, и в первую очередь неугомонного Амирани. Апостолы мракобесия с помощью колдуньи хватают, наконец, Амирани и приковывают его цепями к скале. Но неутомимый борец за свободу народа не отчаивается. «Я с народом жил и народ со мной», — говорит он, уве-

ренный в том, что народ восстанет, осознает свои силы и опрокинет рабство.

В пору оголтелой реакции это звучало как боевой призыв против самодержавия и социального угнетения.

Однако, как уже говорилось выше, в те годы Шаншиашвили писал также мистико-символические драмы и мистические поэмы.

Значительное место в творчестве того периода занимала и крестьянская тематика. Поэт хорошо знал деревню и ярко воспроизводил картины сельской жизни, беспросветного, угнетенного существования крестьян. Шаншиашвили сочувственно относился к ним, хотя надо сказать, что он слишком идеализировал их. В этой идеализации особенно сильно чувствовалось влияние Рафаэла Эристави и грузинских народников.

* * *

С победой Советской власти творчество Сандро Шаншиашвили обогащается новыми темами. Поэт встает в первые ряды передовых деятелей грузинского поэтического слова. В 1923 году он начал работать в журнале «Дроша», и это сыграло большую роль в его сближении с советской действительностью.

Искренне, с большим подъемом воспевает поэт новую, советскую эпоху. В стихотворении «Электро Армази», посвященном первенцу социалистического строительства — Земоавчальской гидроэлектростанции — поэт восклицает:

Я старое оставил и к новому
перехожу, аллаверды!

Решительно и бесповоротно становится Шаншиашвили на позиции советской поэзии. Его стихи о Загэсе являются лучшим творением грузинской литературы тридцатых годов.

Со всей страстностью поэтического слова воскрешает перед нами поэт пламенные образы 26 бакинских комиссаров.

Среди поэтов старшего поколения Сандро Шаншиашвили одним из первых сделал попытку воссоздать в поэзии образ великого Ленина. Ему посвящено одно из лучших стихотворений Сандро Шаншиашвили — «Едиственный сын».

С огромной экспрессией и поэтической силой передано в этом стихотворении ожидание матери, пославшей Ленину письмо после того, как от ее сына, ушедшего на гражданскую войну, нет никаких вестей. Долгие ночи проходят в тщетном ожидании. Матери чудится родной голос сына, она открывает двери, но увывает...

За народ погиб он,
За мечту победную,
Не видав седую
Мать, от горя бледную.

Романтический образ героя, сложившего голову за народное дело, воспроизведен с исключительной силой поэтического мастерства. Воспоминание о сыне матери-грузинки и сцена ожидания придают стихотворению большую остроту и эмоциональную силу.

Ильичу посвятил Сандро Шаншиашвили и другое стихотворение — «Ленин на броневике».

Слова любви и благодарности посвящает поэт славной Коммунистической партии. Он знает, что все успехи нашей страны, будь это осушение колхидских болот, расцвет кахетинских полей, садов и виноградов или строительство гигантов индустрии, — это ее дело.

Много у Сандро Шаншиашвили стихов о Великой Отечественной войне. Среди них особое внимания заслуживает поэма «Мать». Это широкое эпическое полотно, воспроизводящее картины жизни народа до и во время войны. Интересно рисует в ней поэт боевые дела патриотов-воинов и картины сражений с коварным врагом. Глубоким патриотизмом проникнуты чувства украинских и грузинских бойцов на просторных степях Украины. Описание ряда батальных сцен отмечено большим поэтическим мастерством. Блестяще написано сновидение матери. Но в поэме есть места, не отвечающие ее общему высокому уровню. Из поля зрения внезапно выпадает один из главных героев поэмы — Тандила.

Сандро Шаншиашвили известен в нашей литературе не только как поэт, но главным образом как драматург. Для его дореволюционного драматургического творчества характерны те же черты, которыми отличалась в те годы и его поэзия.

Лучшие свои драматические произведения Сандро Шаншиашвили создал в советское время, и можно сказать, что наша эпоха определила его место в драматургии. У Шаншиашвили много оригинальных и переделанных пьес.

Особой популярностью пользуется драматическая поэма «Арсен», заслужившая всеобщее признание. В центре этой пьесы — народный герой Арсен. Повествование о нем глубоко драматизировано с первого же акта. Вспомним сцену у кузницы, где дед Онисэ, этот живой свидетель истории, рассказывает маленькому Зурико тяжелую повесть жизни «в эпоху кровавых дождей».

Драматург воссоздал романтический образ крепостного крестьянина Арсена, связанного крепкой дружбой с солдатом Митрохиным. Эта идея братства и дружбы представителей грузинского и русского народов красной нитью проходит через всю пьесу.

Общие цели сближают между собой людей. Полную противоположность Митрохину представляет, например, кулак-туineaдец Парсадан — предатель Арсена и его соратников, агент барона Розена и русского чиновника Слепова. Шаншиашвили правильно ориентирует читателя в классовых отношениях действующих лиц.

В центре драмы — Арсен Одзелашвили, исторический герой, поднявший восстание против крепостников. Он — любимец народа, и ему воздавал народ хвалу. Кто не знает в Грузии «Песню об Арсене»! Еще Петре Умикашвили писал в 1872 году, что «нет ни одного уголка в Грузии, где не пели бы песню о нем».

Между народным эпосом и драмой Сандро Шаншиашвили об Арсене мы видим не только сюжетную, но и идейную разницу. В эпосе Арсен — индивидуальный борец против крепостничества. Арсен же Шаншиашвили — сознательный борец за свободу, вождь народа, хорошо ориентирующийся в сложной политической обстановке. Драматург раскрывает образ Арсена с позиций современности. Он поднимает простого крестьянина до уровня сознательного борца за социальное и национальное освобождение.

Плодотворное сотрудничество драматурга с коллективом театра имени

Руставели способствовало дальнейшему совершенствованию пьесы и спектакля. Поэт восполнил драму многими деталями, которые обогатили ее, придали ей еще более сильное драматическое звучание.

Второе издание пьесы значительно отличается от первого. В него внесены экспозиционная часть, эпизод встречи Арсена с крепостником Заалом Бараташвили, в котором красноречиво показана непримиримость их классовых противоречий. Во второе издание включена также сцена беседы Судакова с бароном Розеном, из которой выясняется, что Судаков — декабрист, сослан в Грузию и в офицерском мундире продолжает борьбу за прогрессивные идеи декабристов. Когда Розен приказывает ему остаться в Марабде для усмирения разоренных крестьян, он отвечает: «Лучше мне стать простым солдатом, чем карателем этого измученного народа».

В драматургии Сандро Шаншиашвили большое место отведено теме борьбы за утверждение Советской власти на Кавказе. В первую очередь здесь следует назвать пьесу «Анзор», построенную по мотивам «Бронепоезда № 14—69» Вс. Иванова.

Пьеса Шаншиашвили разворачивается на фоне движения революционного народа. Идет гражданская война. Белые разоряют Чечню, казнят детей Анзора. Под его руководством народ восстает против белых, увязав борьбу за свободу с борьбой против колониального рабства, которое готовят для него белые генералы. Это — пьеса большого романтического звучания.

Слабее пьеса «Трое», в которой схематически показана борьба грузинского, армянского и азербайджанского народов против меньшевиков, дашнаков и муссаватистов. Тема этой пьесы, пронизанной идеей ленинской дружбы закавказских народов, разработана автором и прозаически.

Следует, однако, отметить, что драматургу больше удаются исторические пьесы. После «Арсена» заслуживает внимания пьеса «Герои Крцаниси», воспроизводящая самую трагическую страницу истории Грузии. В этой пьесе особенно сильно запоминается эпизод встречи побежденного царя Ираклия с крестьянином Тедо Гаташвили, чей обаятельный образ соз-

дал драматург. Кроме того, художник-реалист правдиво рисует сеть интриг, опутавшую царя Ираклия. Князья-феодалы Реваз Цицишвили и другие, поддерживавшие тайную связь с иранцами, предают царя и родину. Канцлер Соломон советует Ираклию обуздать непокорных феодалов, но царь не принимает необходимых решительных мер, что, по мнению автора, явилось единственной причиной поражения страны, и с этим, пожалуй, трудно согласиться.

Из драматических произведений Сандро Шаншиашвили, относящихся к последним годам, особого внимания заслуживает драма «Имеретинские ночи», в основу которой положен конфликт между царем Имеретии Соломоном I и эриставом Рачи Ростомом. С исключительной силой воспроизведен автором образ патриста-царя, добившегося изгнания турецких завоевателей из Западной Грузии.

В своих драматических поэмах

Сандро Шаншиашвили блестяще пользуется белым стихом, который впервые применил в переводе Шекспира Иван Мачабели.

Для пьес С. Шаншиашвили характерно использование уже известных сюжетов. У драматурга много коренным образом переработанных народных и книжных сюжетов. В истории литературы немало таких аналогий. Однако достоинство Шаншиашвили в том, что при переработке чужих сюжетов или произведений он сохраняет свой самостоятельный авторский почерк. «Анзор» и «Арсен» лучше всего иллюстрируют это. Таким же приемом пользовался драматург, создавая поэму «Мать-грузинка».

Сандро Шаншиашвили — испытанный мастер художественного слова, вдохновенный певец своего народа, один из видных советских поэтов, драматургов. И мы ждем от него новых значительных произведений, достойных нашей современности.

Грузинские шестидесятники и российское освободительное движение

По новым архивным материалам

Статья вторая

В начале 1862 года в России была создана наиболее крупная после декабристов революционная организация «Земля и Воля», просуществовавшая два года. Она поставила перед собой задачу объединить действовавшие тогда в России многочисленные кружки и направить революционную работу во всей российской империи по единому плану. Эта организация имела свой центральный комитет, находившийся в Петербурге, и городские комитеты в Петербурге, Москве и многих других городах России. Цель ее деятельности, как определил в одной из своих прокламаций комитет «Земли и Воли», — «разрушение императорского самодержавия и торжество народных интересов»¹.

Были ли в составе «Земли и Воли» грузинские революционеры и насколько велико их участие в деятельности этой организации? Имела ли «Земля и Воля» прямую организационную связь вообще с Закавказьем и в частности с Грузией и Тбилиси? Эти вопросы интересовали многих историков, но до последнего времени приходилось довольствоваться только предположениями. В статье, опубликованной в журнале «История СССР», академик М. Нечкина пишет: «...Центральный комитет «Земли и Воли» имел... тесную связь с Польским тайным обществом. По-видимому, имелись связи и с Закавказьем»²...

И далее:

«У нас нет прямых свидетельств

Статья первая напечатана в журнале «Литературная Грузия» № 1, 1962 г.

¹ «Свобода», № 1, 1863 г.

² «История СССР», 1957 г., № 1, стр. 112.

связи «Земли и Воли» с Закавказьем, однако директива Н. П. Огарева — «надо скорее организовать Кавказ и Урал», данная в 1862 г. (конспиративный документ Пражской коллекции «Заграничные общества»), заставляет с вниманием отнестись к тому факту, что, при посещении Пушторского, Андрущенко видел у него Григория Джавахова (Джавахишвили) — участника студенческого движения, ранее сидевшего вместе с Пушторским в Петропавловской крепости. Г. Джавахов в это время уже находился под полицейским надзором. Надо также иметь в виду деятельность обоих Гогоберидзе (Давида и Николая)¹.

Но в последние годы новые архивные документы дали возможность не только подтвердить факт непосредственного участия грузин в деятельности «Земли и Воли», но и оценить по заслугам их роль в ней.

В первую очередь следует заглянуть в такой первоклассный источник истории «Земли и Воли», как воспоминания Л. Ф. Пантелеева, одного из руководящих деятелей этой организации. В них со всей определенностью сказано, что в состав членов «Земли и Воли» входила целая группа кавказцев, занимавших весьма активную позицию и

¹ «История СССР», 1957 г., № 1, стр. 130. Сюда вкралась неточность. М. Нечкина, видимо, имела в виду не Николая, а Виссариона Гогоберидзе, который вместе с Давидом Гогоберидзе был активным членом организации. Николай Гогоберидзе в конце 1861 г. уже в Петербурге не было, он возвратился в Грузию.

готовых принять участие в наиболее смелых революционных действиях¹.

К одной из докладных записок шефа жандармов, представленных царю весной 1862 года, был приложен список наиболее видных революционеров, в отношении которых предусматривался «одновременный и строжайший обыск». Документ этот был обнаружен в интереснейшем деле, носящем название «О революционном настроении русского народа и связанном с этим распространением возмутительных воззваний». В этом списке за Чернышевским, Шелгуновым, Обручевым и другими известными русскими революционерами следовала фамилия Гогоберидзе.

В 60-х годах в Петербурге проживали четверо студентов Гогоберидзе. Трое из них — Николоз (Николай), Давид и Симон (он же Сосо) — были родными братьями, а четвертый — Виссарион — их двоюродным братом.

С полной определенностью можно сказать, что в упомянутый список не мог попасть ни Николоз Гогоберидзе, так как еще в конце 1861 года он уехал в Грузию и в момент составления списка в Петербурге его не было, ни Симон Гогоберидзе, поскольку в Петербурге он находился очень недолго и в революционном движении участия не принимал (в одном из частных писем сказано, что 8 апреля 1862 года Симон учился уже в Москве); Давид и Виссарион являлись активными революционерами. Правда, Давид был значительно моложе Виссариона и к весне 1862 года только начинал свою революционную деятельность. Вряд ли он уже успел стать для жандармов «опасным революционером». Самым верным можно считать предположение, что в список попал ни кто иной, как Виссарион Леванович Гогоберидзе, который действительно в тот период среди находившихся в Петербурге грузинских студентов уже прослыл известным революционером.

И то, что в этом списке Гогоберидзе упоминается вместе с известными участниками студенческого движения Николаем Утиным и Евгением Печаткиным — ближайшими друзьями и соратниками Виссариона Гогоберидзе, подтверждает наше предположение. Рядом с фамилиями трех друзей в списке имеется разъяснение: «бывшие студенты здешнего университета... Принимали участие в студенческих беспорядках, сделали демонстрацию на лекции профессора Костомарова, находятся в предсудительных сношениях с Чернышевским и сильно подозреваются в напеча-

нии воззвания в пользу Павлова и в распространении других воззваний»¹.

Этот документ может служить кратким отчетом о деятельности одной из наиболее активных революционных групп петербургского студенчества, которая в III отделении была названа «партией Утина».

Арест нескольких сот студентов взбудоражил революционно настроенную молодежь, и их нелегальная деятельность сразу приняла широкий размах. Как только в декабре 1861 года студентов освободили из тюрьмы, был создан комитет, официальной целью которого являлось оказание материальной помощи исключенным из университета студентам. Но в действительности задачи комитета были значительно шире: он возглавил всю антиправительственную деятельность революционных студентов. В своих воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев рассказывает:

«6 декабря все студенты были выпущены (около 300 человек, в Петропавловской крепости и Кронштадте). Сейчас же к И. Е. Андреевскому² примкнуло несколько студентов, игравших более или менее выдающуюся роль во время студенческой истории, и образовался своего рода комитет; в состав его входили Н. Утин, В. Гогоберидзе, А. Герд, П. Фан-дер-Флит, Е. Печаткин, С. Ламянский, П. Гайдебуров, П. Спасский, Моравский и я»³.

Этому комитету принадлежит инициатива организации публичных лекций с целью ознакомления студентов почти с полным университетским курсом в период закрытия университета. Лекции читались лучшими научными силами тогдашнего Петербурга. Вскоре эти лекции стали настолько популярны, что их посещали не только студенты, но и сотни посторонних лиц, студенты и передовые профессора сумели использовать эти условия и превратили зал городской думы, где проводились лекции, в трибуну революционной агитации. Это встревожило царское правительство и полицию. В докладной записке шеф жандармов доносил царю, что разрешение на чтение публичных лекций было ошибкой, так как студенты взяли в свои руки организацию и проведение лекций, в чем им помогают некоторые профессора. Последние часто откровенно пропагандируют антиправительственные идеи. «Подобные рассуждения, — убеждал царя

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., д. 230, ч. 176, л. 49, 1862 г.

² Известный общественный деятель, профессор.

³ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, 1958 г., стр. 259.

¹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, 1958 г., стр. 323—324.

главный жандарм, — при многочисленной публике более чем неуместны, они опасны и не могут быть названы иначе, как революционной пропагандой демагогов»¹.

Первой жертвой репрессий правительства оказался один из любимейших студенчеством профессоров — историк Платон Васильевич Павлов. Он был арестован 5 марта 1862 года и без всякого суда и следствия тотчас же выслен в далекую Ветлугу.

В официальном правительственном извещении, опубликованном в прессе в связи с этой историей, было сказано:

«На литературном вечере, бывшем 2-го числа сего месяца... профессор С.Петербургского университета статский советник Павлов читал свою статью «О тысячелетии России». При чтении этой статьи г. Павлов позволил себе выражения и возгласы, не находившиеся в статье, пропущенной цензурой, и клонящиеся к возбуждению неудовольствия против правительства. Вследствие сего статскому советнику Платону Павлову запрещено чтение публичных лекций и сделано распоряжение о высылке его на жительство под надзор полиции в отдаленный уездный город»².

Этот литературный вечер со всеми подробностями описан в воспоминаниях Н. Николадзе и Л. Пантелеева. «Преступление» П. Павлова заключалось лишь в том, что он, по словам Н. Николадзе, высказал надежду на «обновление тогдашних властей и учреждений». Но эти слова вызвали необычайное возбуждение присутствующих. Павлова много раз вызывали на сцену, огромный зал сотрясаясь от грома рукоплесканий, вспоминает Н. Николадзе.

Жестокое и несправедливое отношение правительства к известному ученому возмутило студентов.

По решению студенческого комитета чтение публичных лекций было прекращено. Сначала это решение поддержали и профессора, но в дальнейшем большинство преподавателей, возглавляемых известным профессором Костомаровым, стали относиться к этому факту иначе.

«Они доказывали, — вспоминает Н. Николадзе, — что закрытие курсов было бы на руку именно правительству, и что это принесло бы ущерб только студенчеству, которое осталось бы разрозненным и без руководства, главное же, в этом случае студенчество лишилось бы встреч с общественностью

и возможности вести среди нее пропаганду»¹.

Обсуждение этого вопроса среди перодовых профессоров происходило на квартире А. В. Советова. На это собрание был приглашен как член студенческого комитета и Виссарион Гогоберидзе. У студентов решение преподавателей не вызвало одобрения.

«Было уже за одиннадцать часов вечера, — вспоминает Л. Ф. Пантелеев, — как входит Гогоберидзе. «Я шел в комитет, — сказал он, — но случайно встретил Советова, он мне сказал, что у него будет собрание профессоров, и усиленно просил меня присутствовать на нем, чтобы потом передать комитету, что будет решено. Я согласился, и знаете ли, профессора отказались от принятого решения и постановили, что будут продолжать чтение лекций, и обязались завтра, до начала костюмаровской лекции, или лично явиться в Думу, или послать на имя комитета письменное уведомление от каждого, что лекции его будут продолжаться». Сообщение Гогоберидзе вызвало волнение. Н. Утин, не разобрав дела, рассердился на Гогоберидзе: «Да как же вы могли на это согласиться? Вы не имели никакого права». — «Да я ни на что не соглашался, а только сидел и слушал».

А на следующий день, 8 марта 1862 года, во время публичной лекции проф. Костомарова, была организована вошедшая в историю антиправительственная демонстрация, весть о которой разнеслась по всей России. Даже симпатии и уважение к Костомарову не могли предотвратить свист и единодушные лозунги протеста: «Долой!», «Не хотим!», «Мы хотим Павлова!»

Это была демонстрация, направленная против реакционной политики правительства. Шеф жандармов был вынужден признать, что возросла «сместность партии, противодействующей Правительству. Павлов выставлен ею перед обществом как невинный мученик за правду»².

После этой истории правительство запретило чтение публичных лекций, а затем распался и студенческий комитет. Его новый состав, избранный студенчеством, был осторожен в своих действиях, в него не вошли ни Н. Утин, ни его ближайшие друзья.

Н. Утин сам возглавил небольшую группу революционной молодежи (жандармерия окрестила ее «партией Утина»), которая действовала совместно с нелегальной революционной организа-

¹ ЦГИАМ, ф. III О, 1 экз., д. 230, ч. 1, л. 25, 1862 г.

² М. Лемке. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. 1908 г., стр. 12—13.

¹ Н. Николадзе. Избр. соч., т. 1, стр. 128.

² ЦГИАМ, ф. III О, 1 экз., д. 230, ч. 1, 1862 г.

цией «Земля и Воля». Заметную роль в этой группе играл и В. Гогоберидзе.

Нельзя не обратить внимания и еще на один документ, свидетельствующий о близости Виссариона Гогоберидзе к Чернышевскому и его непосредственном участии в составлении прокламации, выпущенной «партией Утина» в связи с ссылкой профессора Павлова. В одном из сведений III отделения сказано:

«Гогоберидзе Виссарион за участие в университетских беспорядках исключен из числа студентов. По освобождении из крепости он жил в квартире Чернышевского. Подобно Утину и Печаткину, Гогоберидзе подозревается в составлении воззвания в пользу Павлова»¹.

Двери квартиры Чернышевского всегда были широко открыты для всех близких ему людей. Н. Николадзе рассказывает в своих воспоминаниях о том, как одно время и он проживал в мезонине Чернышевского в Павловске². Следовательно, нет ничего удивительного в том, что у Чернышевского нашел приют и В. Гогоберидзе.

Активная революционная деятельность и популярность «партии Утина» с самого же начала привлекла к себе внимание руководителей «Земли и Воли» и уже в марте 1862 года они через члена Центрального комитета А. А. Слепцова вступили в переговоры с Н. Утиным, который без колебаний принял предложение вступить в эту тайную организацию. Утин ввел в нее и верных делу людей, которые в свою очередь привлекали в организацию новых и новых членов.

Только Л. Ф. Пантелеев увеличил состав «Земли и Воли» на двадцать человек³. Группа Утина, безусловно, оживила работу «Земли и Воли», сделала ее более энергичной и популярной.

Из сообщения, которое сделал в своем исследовании Б. Козьмин, видим, что к первому же поручению «Земли и Воли», в котором лично участвовал один из руководителей этого общества А. А. Слепцов, Н. Утин привлек своих ближайших друзей и единомышленников Л. Пантелеева и В. Гогоберидзе.

Не приходится сомневаться в активности В. Гогоберидзе и при выполнении последующих заданий «Земли и Воли» и в большой ответственности, которую возложила на него организация. Возможно даже, В. Гогоберидзе был членом

Петербургского комитета «Земли и Воли».

Если внимательно ознакомиться с дознаниями жандармерии за 1861—1862 годы, станет ясно, что агенты учитывают каждый его шаг.

«По дошедшим сведениям, — говорится в одном из дел III отделения, — в воскресенье¹, на частной даче в Петергофе действительно был дан обед партией Утина, на котором Гогоберидзе (студент, посещавший Чернышевского и живущий еще в Павловске) говорил речь, которая заключала в себе упреки либеральной партии, что в членах ее замечается малодейственность и отсутствие единодушия и решительных мер. Затем он высказал, что секретный комитет намерен действовать наступательно. — Речь эта, как говорят, ходит между студентами в списках. Гогоберидзе (младший) на означенном обеде имел напряженное столкновение с одним из обедавших. Когда он хотел говорить речь, то бывший студент Лебедев закричал: «будет вам, ведь вы же аристократ!..» Дело дошло до дуэли, но их кое-как успели помирить»².

Этот документ, датированный 18 сентября 1862 года, свидетельствует об огромном авторитете и популярности В. Гогоберидзе среди революционно настроенных студентов, которые сочли нужным распространить в списках его выступление.

Кроме того, из этого видно, что Виссарион Гогоберидзе привлек к деятельности в нелегальной организации и Давида Гогоберидзе, который в документах III отделения значится как «младший Гогоберидзе».

В. Гогоберидзе, как сказано в документе, — «...высказал, что секретный комитет намерен действовать наступательно». Вряд ли В. Гогоберидзе мог быть знаком с планами и намерениями комитета (видимо, речь идет о Петербургском комитете «Земли и Воли»), и разглашать их публично, если бы он не являлся членом или, во всяком случае, доверенным лицом, которому комитет мог дать такое задание. На этом документе в день его составления шеф жандармов карандашом сделал приписку:

«Нельзя ли старшего Гогоберидзе вежливым образом расспросить об его образе мыслей и предположениях. — Так как он из кавказцев, то это можно исполнить с успехом при содействии В. П. Буткова». (В. П. Бутков —

¹ Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные материалы. Саратов, ОГИЗ, 1939 г., стр. 33.

² Н. Николадзе. Избр. соч., т. 1, стр. 138.

³ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 315.

¹ Речь идет об одном из воскресных дней сентября 1862 года.

² ЦГИАМ, ф. 109, 1 экс., д. 277, ч. 2, л. 257, 258.

статс-секретарь и управляющий делами т. н. «Кавказского комитета» — П. Р.)

Видимо, шеф жандармов заинтересовался деятельностью В. Гогоберидзе и, не довольствуясь сведениями агентов, решил использовать в этих целях высокопоставленное лицо. Но цели он не достиг, ибо в 1862 году В. Гогоберидзе удалось спастись от ареста, которому подверглись почти все «подозрительные революционеры», попавшие в список, представленный шефом жандармов царю в конце апреля 1862 года, и в отношении которых был предусмотрен «одновременный и строжайший обыск». Ареста избежал и Н. Утин.

«...Если Утин тогда не попал в число арестованных, то лишь потому, что у правительства еще не было формальных улик, изобличающих его»¹, — пишет Б. Козьмин.

Возможно, по этой же причине спасся от ареста и В. Гогоберидзе.

В июне 1862 года был арестован Н. Г. Чернышевский. Ежедневно редели ряды революционеров. Однако даже в условиях реакции В. Гогоберидзе продолжал вести революционную работу². Он ее не прекратил даже тогда, когда Н. Утин вынужден был эмигрировать за границу (в мае 1863 года). Лишь осенью 1863 года, когда в условиях свирепствовавшей реакции «Земля и Воля» вынуждена была прекратить свое существование, Виссарион Гогоберидзе одним из последних оставил поле битвы и уехал на родину.

В отношении других грузинских революционеров, входящих в состав «Земли и Воли», за неимением достаточно обоснованных материалов, можно делать только предположения, за исключением Давида Гогоберидзе, революционная деятельность которого в «Земле и Воле» уже не вызывает сомнений.

Не исключено, что в работе организации принимали участие еще не известные нам лица.

В августе 1862 года III отделение направило специальные отношения на имя Петербургского обер-полицейстера, Министерства просвещения и Кавказского Комитета, в которых запрашивало сведения относительно Виссариона

и Давида Гогоберидзе¹. Ответы поступили в сентябре того же года. Кроме утверждения, что Давид Гогоберидзе является студентом, представители власти не преминули отметить его нахождение после «бунта» под надзором полиции и предупредили, что «в случае даже малейшего нарушения полицейских порядков» высылат его в отдельную губернию².

Кавказский комитет, возглавляемый Бутковым, представил подробные сведения не только об обоих Гогоберидзе, но и о целом ряде других грузинских студентов, которые были стипендиатами комитета.

«Кавказские и Закавказские уроженцы, находящиеся в числе студентов С.Петербургского университета, подразделяются на Кавказских казенных воспитанников и на своекоштных. Первые состоят под главным ведением и попечением статс-секретаря Управляющего делами Кавказского комитета, вторые, как частные лица, не подчинены его ведению.

Из числа студентов первого разряда уволены из С.Петербургского университета за участие в беспорядках, произведенных студентами в минувшем году, и за непринятие матрикул следующие:

1. Виссарион Гогоберидзе, 4-го курса. Он оставлен в С.Петербурге за поручительством временно находившегося здесь полковника князя Ираклия Грузинского, уехавшего в Тифлис в мае сего года. Занимается частными уроками и, как говорят, готовится к экзамену на ученую степень.

2. Князь Василий Туманов, 3-го курса. Он по освобождении из-под стражи изъявил желание отправиться в Закавказский край, но впоследствии, по особому разрешению С.Петербургского генерал-губернатора, остался в С.Петербурге для приготовления к экзамену на степень кандидата. Ныне он выдержал этот экзамен с успехом.

3. Николай Алексеев-Месхиев, 3-го курса. По освобождении из-под стражи отправился в Тифлис. Летом нынешнего года изъявил намерение отправиться в Лондон и Париж, между тем в представленном им исправляющему должность Наместника Кавказского медицинском свидетельстве было объявлено, что ему необходимо употребленье Карлсбадских вод. Вследствие сего Государю Императору благоугодно было отозваться, что Алексеев-Месхиев не может быть уволен за границу и что князю Орбелиани не следовало бы и входить с подобным предложением.

¹ ЦГИАМ, ф. III О, 1 экз., оп. 5, д. 277, ч. 13, л. 8—9.

² Там же, л. 10.

¹ «Литературное наследство», т. 62, стр. 618.

² В показаниях одного из русских революционеров — Васильева, арестованного 27 августа 1862 г., сказано, что революционной литературой его снабжали ближайшие товарищи в том числе Гогоберидзе (см. М. Лемке «Политические процессы в России 1860-ых гг.», М., 1923, стр. 663). Скорее всего тут речь идет о В. Гогоберидзе, хотя не исключено, что Васильев имел в виду Давида Гогоберидзе.

4. Петр Алхазов, 3-го курса, уехал в Тифлис. Настоящее пребывание его неизвестно, но есть слухи, что ему будто бы дано в Тифлисе дозволение отправиться за границу.

5. Василий Саванели, 2-го курса, также уехал в Тифлис.

6. Кирилл Лордкипанидзе, 2-го курса. Оставлен здесь за поручительством С. Петербургского уездного судьи титулярного советника князя Самсона Эривтава. Готовится к поступлению в С. Петербургский университет по открытию остальных факультетов.

7. Давид Гогоберидзе, 2-го курса. Оставлен здесь за поручительством двоюродного брата дворянина Квдиашвили, лица, как говорят, весьма ничтожного. Также готовится к поступлению в С. Петербургский университет.

8. Егор Церетели, 1-го курса. Оставлен здесь за поручительством служащего в Аудиторском Департаменте Военного Министерства коллежского ассессора Церетели. Готовится к поступлению в С. Петербургский университет¹.

Этот документ интересен тем, что в нем представлены краткие характеристики всех участников студенческого революционного движения.

Что же касается Давида Гогоберидзе, то мы располагаем гораздо большими сведениями о его революционной деятельности, чем эти скупые строки канцелярской отписки.

В архиве III отделения обнаружена большая коллекция частных писем (до 300), принадлежащих Давиду Гогоберидзе, которая, по всей вероятности, была отобрана у него во время одного из обысков. Это письма родственников к Давиду — братьев Николая и Семена, сестры — Анеты Гогоберидзе-Мухелишвили, ближайших друзей — Василия Туманишвили, Георгия Церетели, Котэ Месхи и других. Датированные 60-ми годами, они раскрывают интересную страницу биографии замечательного революционера.

Вот письмо из Тбилиси, которое Николай Гогоберидзе посылает братьям Давиду и Семену весной 1862 года. Многие в письме недоговорено, многое высказано намеками. Но подтекст его расшифровать нетрудно.

«Захарий Эривтави едет в Петербург в июне, — пишет Николай, — он прекрасный молодой человек, но совершенно неопытный, постоянно пребывавший дома со своей матерью. От вас зависит, как вышколите его и сделаете демократом... мне было весьма приятно прочитать слова Давида, которые, как

первый опыт на литературной арене, весьма хороши. и надеюсь, что он постепенно отточит свое перо. Старайтесь, друзья мои, получить образование, накопить опыт, которые являются первейшим сокровищем человека, большим вашим грехом будет... не оправдать те надежды, которые возлагает на вас отечество. В условиях Петербурга... представляется возможность получить тот опыт и знания, которые столь необходимы нам для борьбы с невежеством и рутинной. Действительно, чтение тех слов вряд ли можно считать разумным, если собрание имело официальный характер (подчеркнуто мною — П. Р.); вместе с этим я должен напомнить вам одно: вы более нужны для нашей родины, чем для России, и вследствие этого должны сдерживать себя и быть осторожными»¹.

Следовательно ясно, что еще в начале 1862 года Давид Гогоберидзе написал и даже прочитал на каком-то «собрании» неизвестный нам литературный документ (возможно, политический памфлет или прокламацию), публичное чтение которого, по мнению Николая Гогоберидзе, было связано с определенным политическим риском.

Возможно, Давид Гогоберидзе примыкал к большой группе членов «Земли и Воли», руководимой Н. Утиным, которая в 1862 году организовала тайную типографию, где печатались известные прокламации «Земли и Воли».

Такое предположение родилось при ознакомлении со следующими материалами: в письме Семена Гогоберидзе, датированном мартом 1864 года, посланном из Москвы в Петербург Давиду Гогоберидзе, говорится:

«Тут однажды у Лионидзе, — кажется, там был и Месхи, — как-то начался разговор о тебе, о старой кассе — этот человек, Николадзе, ...начал рассказывать, что, дескать, так и сяк, мы, конечно, были правы и я это объясню Давиду, когда у него остудится пыл; Давид, мол, доказывал, что у многих различных людей имеются различные требования (тут философ Лионидзе заметил ему, что неужели Давид мог сказать это, он этого не допускает), что если бы мы открыли типографию (выделено мной — П. Р.) полностью и работали, на что это будет похоже. Каждый будет указывать на нас пальцем и нас назовут рабочими! Правда ли это?»²

Самым интересным в этом письме является, во-первых, подтверждение факта, что, еще во время пребывания в Петербурге Н. Николадзе, среди петер-

¹ ЦГИАМ, ф. III О, 1 экз. оп. 5, д. 277, ч. 13, л. 15—16.

¹ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 214, д. 492, л. 52.

² Там же.

бургских грузинских студентов велась дискуссия об основании типографии. Правда, Давид Гогоберидзе представлен в письме противником этой затеи, но то, что его друзья отнесли к этому сообщению с таким удивлением и недоумением, подтверждает, что они не сомневались в его революционной активности и передовых взглядах.

Сегодня нам известно, что тайная типография вскоре действительно была основана в Петербурге¹ группой студентов, возглавляемых Н. Утиным.

К «Агентурным запискам по наблюдению за собраниями и членами общества, основанного на коммунистических началах», обнаруженным в архиве III отделения, подшито три письма. Вот текст одного из них: «В субботу вечером, в 9-ой роте Измайловского полка, в доме Платона, где, как донесено было, находится коммуна, составленная из нигилистов, — замечено большое собрание. Туда приезжали разные длинноволосые подозрительные личности, которые походили на армян; в сопровождении одного приезжала какая-то женщина. Извозчики, привезшие их, говорили что их наняли на Васильевском острове и в Новом переулке. — В сем последнем проживает известный бывший студент из армян (sic) Гогоберидзе², один из приятелей Чернышевского, Утина и тому подобных. Ничего не было бы удивительного, если б Гогоберидзе действительно посещал означенную коммуны.

Наблюдение там продолжается»³.

Хотя этот интересный документ и не подтверждает участия Д. Гогоберидзе в «Петербургской коммуне», но сопоставление этого факта с другими убеждает, что в данном случае подозрения опытных жандармских агентов были вполне обоснованы и справедливы.

Собранные III отделением материалы раскрывают немало подробностей о революционной деятельности Давида Гогоберидзе с осени 1863 года, направленной на основании тайных студенческих библиотек и касс взаимопомощи. После распада «Земли и Воли» и усиления реакции, Давид Гогоберидзе не только не прекратил нелегальной работы, но

с еще большей энергией занялся вместо политической агитации созданием тайных студенческих организаций.

1 ноября 1862 года «С.-Петербургские ведомости» опубликовали неподписанную статью, в которой, правда, в довольно мягкой форме и с либеральных позиций, но все же достаточно смело были подвергнуты критике так называемые «Новые правила» для высших учебных заведений, принятые в то время правительством. По этому поводу царем была учреждена специальная комиссия, которая усмотрела прямую связь между этой статьей и нелегальной деятельностью передовых студентов, и немедленно начала следствие. III отделение представило комиссии сведения относительно деятельности некоторых неблагонадежных студентов. Вот их содержание:

«О студенческой кассе имеются сведения: кассу затевает волнослушатель С.-Петербургского университета Отто, для русских студентов: организаторов кассы 10 человек — во главе Отто и Лычков... Гогоберидзе — во главе другой, учреждающей кассы (для кавказских студентов), они устраивают и библиотеку...

Все эти учреждения делаются секретно, даже взнос денег не всем будет предлагаться, а только тем, которых знает кто-либо из членов. Касательно же подачи прошения об увольнении из университета, известно еще покуда только то, что некоторые стипендиаты настаивают на противном, так как с закрытием университета они лишаются стипендии и следовательно пропитания. Сходки об этом предмете бываю у Гогоберидзе и Лычкова, которые стараются убедить студентов взять назад документы.

Гогоберидзе — не стипендиант Кавказского комитета, а выключенный за беспорядки 1861 г. и ныне своекоштный студент университета»¹.

Этот документ раскрывает интересные штрихи нелегальной деятельности Давида Гогоберидзе, становится явным то обстоятельство, что вокруг Д. Гогоберидзе группировался кружок кавказских студентов, он также дает возможность познакомиться с внутренней организационной структурой студенческих тайных касс и библиотек, кроме того, становятся известными факты нового оживления сходок студентов в конце 1863 года и попытка организовать демонстративный уход из университета — явный признак новых студенческих волнений.

Об этом свидетельствует и личное письмо младшего брата Давида — Се-

¹ «Литературное наследство», т. 62, стр. 613.

² То, что тут речь идет о Давиде Гогоберидзе, подтверждается следующим: в 1864 году в Петербурге не было ни одного студента Гогоберидзе, кроме Давида. Что же касается слов «бывший студент», это, по нашему мнению, такая же ошибка жандармского агента, как его же заявление об армянском происхождении Гогоберидзе.

³ ЦГИАМ, ф. III О, секр. архив, оп. 1, д. 243, л. 4, 1864 г.

¹ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 1, д. 121, л. 3, 1863 г.

мена Гогоберидзе, которое было отправлено из Москвы в ноябре 1863 года. «...для нас наиболее интересным будет, — написано в письме, — если сообщите скорее, что там происходит в университете, здесь ходят ужасные слухи, на днях говорили, что происходит такое же волнение, которое было раньше. а сегодня сказали, что университет даже закрыли. Не поймешь, сколько в этом правды и неправды! Может быть, эти дела задержали Церетели (География), который обещался приехать в прошлый вторник.

Прошу быстрее сообщить мне ваше тамошнее положение, что произошло и что происходит, — за что буду очень благодарен.

Твой Семен.

26 ноября 63 г.
Москва...

Не забудь сообщить все, что знаешь о Чернышевском, тут говорят разное: одни утверждают, что он сошел с ума, а другие — что его высылают в Сибирь»¹.

В докладе комиссии, который был представлен царю ее председателем князем Голицыным 10 ноября 1863 года, было сказано:

«По имеющимся в 3-м отделении собственной Вашего Величества канцелярии сведениям проявляются уже

самовольные действия со стороны некоторых студентов, которые затевают устроить кассу и библиотеку, а у двоих из них: Гогоберидзе и Лычкова бываюг сходки, на коих происходят совещания относительно предполагаемой подачи прошений об увольнении из университета»¹.

На этот раз правительству в самом же начале удалось затушить студенческие волнения, но студенческое движение прекратить было невозможно. Видимо, Давид Гогоберидзе остался одним из активных участников и руководителей этого движения. Он надолго задержался в Петербурге под формальным предлогом подготовки к сдаче университетских экзаменов, на самом же деле, всю его энергию и время поглотила нелегальная работа.

Сведения о деятельности Д. Гогоберидзе в Петербурге в течение 1866—1869 гг. очень скудны, но даже те незначительные материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, дают основание полагать, что и в этот период Давид продолжал нелегальную работу и лишь после нового большого политического выступления петербургских студентов в 1869 году и ареста активных членов нечаевской революционной организации он был вынужден покинуть Петербург.

¹ Коллекция личных писем Д. Лордкипанидзе, л. 160—161.

¹ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 1, д. 438, л. 30

Борис Парадов,
кандидат филологических наук

Горький и грузинские писатели демократической школы

Уже с 1903 года в тбилисской печати стали появляться первые заметки, письма, воспоминания и статьи, которые в той или иной степени отражали связь Максима Горького с Грузией.

Но начало более серьезным исследованиям темы «Горький и Грузия» было положено только в годы советской власти.

Изучению вопроса о разнообразных связях великого пролетарского писателя с Грузией посвятили свои работы как русские исследователи-горьковеды (Н. Пиксанов, Б. Бялик, И. Груздев), так и местные литературоведы: Э. Клейн, И. Гомартели, Л. Асатиани, Т. Чарквиани, А. Николадзе, В. Имедадзе и другие.

Недавно в издательстве «Заря Востока» вышла книга Г. Гвенетадзе «Максим Горький и грузинская литературная мысль в начале XX в.». Она состоит из четырех глав: «Революционный путь Горького и Грузия», «Горький в оценке грузинской критики эпохи первой русской революции», «Произведения Горького в переводе на грузинский язык» и «Горький и грузинские писатели демократической школы».

Уже из этого перечня названий глав становится ясным, что книга Гвенетадзе не вполне отвечает теме, избранной автором. К тому же следует добавить, что революционные связи Горького были достаточно изучены перечисленными выше исследователями.

И все же, излагая историю революционных связей Горького с Грузией, автор книги допускает ряд ошибок и неточностей. Например, о знакомстве Горького с А. М. Каложным на стр. 24 сказано, что последний прибыл в Грузию в 1892 году, в то время как известно, что это произошло в 1890 году. На стр. 32 Гвенетадзе, ссылаясь на воспоминания А. И. Славинского, сообщает о том, как встретили «молодого пропагандиста Пешкова в аудитории» (какой — не указано), «как он с каждым

разом все больше и больше привлекал внимание слушателей, удивляя их широтой кругозора и умением доступно и просто излагать сложные вопросы политики и философии». Ничего подобного в воспоминаниях Славинского нет. В них сообщается лишь, что в бытность его учителем II мужской гимназии к нему однажды обратился молодой Горький и попросил одолжить волшебный фонарь для демонстрации картин из жизни природы, т. к. Горький читал лекции для самообразования посетителям известной коммуны на Красногорской улице и для рабочих железнодорожных мастерских.

Далее мы узнаем (стр. 37), что друг Горького, рабочий Федор Афанасьев, последние годы своей жизни провел в Средней Азии, в Ташкенте, а в 1920 году заболел тифом и умер. Между тем известно, что Афанасьев умер не в Ташкенте, а в Гандже, куда вынужден был переехать в начале 1919 года, спасаясь от репрессий меньшевистского правительства в Грузии.

На той же странице совершенно необоснованно учитель Цинамдзгвараанткарской школы И. Магалашвили назван агентом царской охранки. Действительно, проживая с 1892 года вместе с Горьким в коммуне на Красногорской улице, в 1898 году он вместе с другими был привлечен к следствию и на допросах давал жандармам показания провокационного характера. Но это еще не дает оснований называть Магалашвили агентом охранки.

На 42-ой странице читаем, что, оказавшись в 1898 году в Метехской тюрьме, Горький под впечатлением увиденного из окна тюремной камеры написал рассказ «Красота». Этот рассказ был написан вообще под впечатлением виденного и пережитого Горьким в Тбилиси в 1892 году. Впервые был опубликован в «Нижегородском листке» в 1896 году (№ 173 от 25 июня), т. е. за два года

до ареста Горького. Из окна тюремной камеры в 1898 году Горький видел религиозный праздник мусульман. Эти впечатления нашли затем отражение в очерке «Праздник шиитов», напечатанном в двух номерах газеты «Нижегородский листок» за тот же год (28 июня и 5 июля).

Сообщая о приезде Горького в Тбилиси в 1900 году (стр. 47), автор почему-то не упоминает о его важной встрече с известным грузинским литературным деятелем И. Мачабели. Там же Гвенетадзе говорит, что в 1900 году вышло третье издание сочинений Горького в четырех томах, в то время как по данным «Летописи жизни и творчества Горького» в это время вышел лишь третий том первого издания собрания сочинений Горького.

Подобных примеров небрежного отношения автора к источникам и фактам можно привести много.

Небрежно составлен и справочный материал книги.

Так, в ссылке на странице 27 указывается: «см. Горьковский фонд в архиве Института Мировой Литературы им. Горького». В этом институте архива «горьковского фонда» не существует, есть Государственный архив А. М. Горького. Точнее следовало бы указать наименование учреждения и шифр документов, на которые ссылается автор.

Первая глава книги перегружена также изложением давно известных в литературе фактов из биографии и революционной деятельности Горького. Более удачны главы II, III и IV, в которых автор, используя неизвестные ранее русскому читателю материалы, показал отношение к творчеству Горького грузинской публицистики и литературной критики в 1901—1906 годах. Здесь собраны подробные сведения об истории переводов произведений великого русского писателя на грузинский язык и рассказано о влиянии его творчества на

литературную деятельность грузинских писателей демократической школы.

Приведены интересные факты и сведения, свидетельствующие об огромной популярности творчества Горького в Грузии. Так, например, указывается, что с 1899 по 1907 годы на грузинский язык было переведено 38 произведений Горького. Четыре раза за семь лет переводилась «Песня о Соколе», трижды — рассказ «Перед лицом жизни» и т. д.

Удачен, на наш взгляд, подробный анализ критических статей И. Гомартели и Ш. Читадзе о творчестве Горького. Интересны параллели между творчеством Горького и грузинских писателей демократической школы.

Последние три главы книги Гвенетадзе отвечают избранной автором теме. Однако следует отметить, что понятие «грузинская литературная мысль» — более широкое, чем трактуется в книге. Автор ограничивается деятельностью лишь таких писателей, как И. Чавчавадзе, Н. Чхиквадзе, Ч. Ломтатидзе и другие. Между тем их деятельность не отражала состояние «грузинской литературной мысли» в целом. Ведь в это же время продолжали жить и творить такие корифеи грузинской литературы, как А. Церетели, А. Казбеги, Важа Пшавела. Без краткого анализа их деятельности нельзя говорить и о грузинской литературной мысли.

Может быть, автору следовало назвать свою книгу точнее — «Горький и грузинские писатели демократической школы».

Заметим также, что автор почему-то не говорит о знакомстве Горького с Акакием Церетели в 1903 году в Кутаиси. Об этом сообщала в своих воспоминаниях Е. Н. Пешкова — жена Горького.

Несмотря на отмеченные недочеты, книга Г. Гвенетадзе рядом опубликованных в ней материалов дополняет изданные ранее работы и публикации о Горьком.

Александр Хмельков,

бывший начальник штаба и командир
7-ой кавалерийской дивизии, полковник запаса

„Кавказская краснознаменная“

Много времени прошло после исторических дней Октябрьской Социалистической революции и последующих лет гражданской войны и интервенции империалистов. Великие перемены сверши-

лись с тех пор. Из отсталой и разоренной страны наша Родина превратилась в могущественную державу, уверенно идущую по пути строительства коммунизма. И все же наш народ не забывает

героические годы гражданской войны, с интересом встречает каждую новую хорошую книгу о боевых делах и подвигах Красной Армии, разгромившей многочисленные орды белогвардейцев и интервентов.

Поэтому как ветеранам гражданской войны, так и нашей молодежи небезынтересно будет ознакомиться с книгой М. Б. Траскунова о боевом пути доблестных войск — 11-й Северо-Кавказской армии.

На основе архивных материалов и воспоминаний ветеранов в этой книге показано, как из отдельных партизанских и красногвардейских отрядов под руководством Коммунистической партии создавалась грозная боевая сила — 11-ая Северо-Кавказская армия, как она в 1918 году самоотверженно сражалась на Северном Кавказе против Корнилова и Деникина и как в суровые зимние морозы и бураны отходила через безводные Калмыцкие степи к Астрахани.

Читатель найдет в книге М. Траскунова картины боевых действий 11-й армии в 1919 году на Нижней Волге — при обороне Астрахани и освобождении Царицына. Автор рассказывает далее о том, как доблестные воины 11-й армии при активной поддержке партизан и трудящихся разгромили в 1920 году войска Деникина и освободили от белогвардейцев Ставрополье, Терек и Дагестан. И как завершающий этап в победном шествии войск 11-й армии в книге показана деятельность армии по оказанию братской помощи трудящимся Закавказья в борьбе против буржуазных националистов и интервентов и в установлении Советской власти в Азербайджане, Армении и Грузии.

На мой взгляд, большим достоинством этой книги является показ боевых действий войск 11-й армии в тесной связи с революционной борьбой трудящихся и деятельностью партийных и общественных организаций, что было одним из основных факторов победы Красной Армии над силами внутренней контрреволюции и интервенции.

На конкретных примерах автор показал ведущую роль Коммунистической партии в строительстве армии, в политическом воспитании личного состава, а также и в руководстве боевыми действиями армии и революционной борьбой трудящихся.

В книге освещена деятельность таких видных представителей партии, как Г. Орджоникидзе, С. Киров, В. Куйбышев, А. Микоян, С. Шаумян, Ф. Махарадзе, Н. Нариманов и других, руководивших революционной борьбой трудящихся против врагов Советской власти.

В рядах 11-й армии самоотверженно сражались бойцы и командиры — представители разных народов нашей Родины, боевые действия велись на территории многонационального Кавказа. Поэтому большая заслуга автора в том, что он отобразил крепкую, нерушимую дружбу и взаимную помощь братских народов в тяжелые годы гражданской войны.

Книга содержит рассказ о героическом восстании бакинских рабочих, захвативших в городе власть еще до прихода Красной Армии, о красных партизанах и войсковых частях Грузии, Армении и Юго-Осетии, принимавших участие в боях за Советскую власть совместно с войсками 11-й армии.

Интересны страницы о теплых встречах воинов 11-й Красной армии с трудящимися Баку, Тбилиси, Еревана и других городов и селений республик Закавказья.

Следует сказать также о том, что многое в книге М. Б. Траскунова о боевом пути 11-й армии уточнено и исправлено на основе изучения дополнительных архивных материалов и замечаний ветеранов. И все же в книге имеются еще ошибки.

Так, например, отдельные операции войск 11-й армии в некоторых случаях автором освещены недостаточно последовательно. Даты освобождения населенных пунктов на линии железной дороги от Царицына до Маныча частями 34-й и 50-й стрелковых дивизий 11-й армии (в схеме на стр. 183) читатель может принять за даты их освобождения войсками 10-й армии, которые двигались впереди этих дивизий 11-й армии. На схеме не точно указаны также и даты освобождения войсками Кавказской, Волицаевского и Святого Креста.

На стр. 183—184 ничего не сказано об участии в боях за Кизляр 37-го кавполка, разгромившего конницу белых у Дубровской, где был подбит и захвачен бронепоезд белых.

В книге довольно много портретов военных и политических деятелей, командиров и политработников. Желательно было бы видеть фотоснимки и других наиболее отличившихся в боях командиров и комиссаров бригад и дивизий.

«Кавказская Краснознаменная» М. Б. Траскунова, безусловно, полезная книга. Она не только знакомит с подлинной историей героической борьбы воинов 11-й армии и трудящихся Нижней Волги, Северного Кавказа и Закавказья в годы гражданской войны, но и воспитывает нашу молодежь в духе беззаветной преданности Родине на примерах доблести, отваги и героизма воинов Красной Армии и партизан, действовавших в тылу врага.

Давид Шуглиашвили,

старший научный сотрудник Грузинского государственного Литературного музея

Неизвестная статья Я. Гогобашвили

(К 50-летию со дня смерти)

Видный грузинский педагог, писатель и общественный деятель Яков Гогобашвили всегда остро и принципиально выступал не только против царских бюрократов-чиновников, но и лжепатриотов, беззубых горе-критиков и клеветников, препятствовавших развитию грузинского языка, литературы и родной страны.

Рассматриваемое нами доселе неопубликованное письмо Я. Гогобашвили к редактору газеты «Новое обозрение» является одним из его значительных выступлений в ответ на те выпады против него сотрудника этой газеты Давида Кезели, которые были опубликованы на страницах «Нового обозрения».

Интересна история написания этой статьи и причина, по которой она не была опубликована.

В 1884 году Я. Гогобашвили выступил на страницах газеты «Дроэба» с двумя рецензиями на детский журнал «Нобати», выходявший под редакцией Андрея Гуладзе. В этих статьях была дана справедливая оценка произведениям, напечатанным в журнале, критиковались некоторые рассказы и стихотворения за их низкий уровень, говорилось о том, какие произведения нужны детям... Редактор «Нобати» не вынес справедливой критики и «раскритиковал» книгу детских рассказов «Кона», составленную Я. Гогобашвили. Вначале в своем журнале, а затем на страницах газеты «Дроэба» (1884 г., № 200) он опубликовал полемическое письмо: «По поводу «Сабаасо» Я. Гогобашвили». (Письмо редактору). Я. Гогобашвили ответил ему на страницах этой же газеты (1884 г., № 203) статьей «Причудливый гнев». (В ответ господину Гуладзе). За статьей Якова Гогобашвили последовало второе письмо Гуладзе. В конце концов полемика Я. Гогобашвили с А. Гуладзе закончилась медиаторским судом, который признал Гуладзе виновным перед Гогобашвили. Но в том же 1884 году в полемику с Я. Гогобашвили включился сотрудник газеты «Новое обозрение» Давид Кезели, человек большого самомнения, любивший незаслуженно хулить других; поэтому он не засиживался долго ни в одной редакции и, наконец, пристроился в редакции газеты «Новое обозрение», где писал клеветнические письма на прогрессивных грузинских писателей и общественных деятелей.

В газете «Новое обозрение» (1884 г.) он выступил против Я. Гогобашвили и предъявил ему ряд клеветнических обвинений. В ответ Я. Гогобашвили поместил в газете «Новое обозрение» «Письмо к редактору» (1884 г., № 333) и «Письмо в редакцию» (1884 г., № 339). Наконец, клеветнические вылазки Д. Кезели в отношении Я. Гогобашвили в последнем его письме — «О нем, но не к нему» — достигли кульминации.

Именно это и послужило поводом к написанию обнаруженной недавно статьи Я. Гогобашвили, которую редакция газеты «Новое обозрение» отказалась печатать. Это подтверждает и сделанная Я. Гогобашвили в конце статьи приписка: «Р. С. редакция газеты «Новое обозрение» отказалась напечатать этот ответ».

Указанная статья Я. Гогобашвили не датирована. Но следует думать, что она была написана после 17 января 1885 года, когда Д. Кезели отказался выступать по приглашению Я. Гогобашвили на медиаторском суде (см. «Новое обо-

зрение» 1885 г., № 365, 17/1), так как знал, что ему не по силам тягаться с Я. Гогобашвили и что его ждет та же участь, которая постигла редактора «Новобати» Андрея Гуладзе.

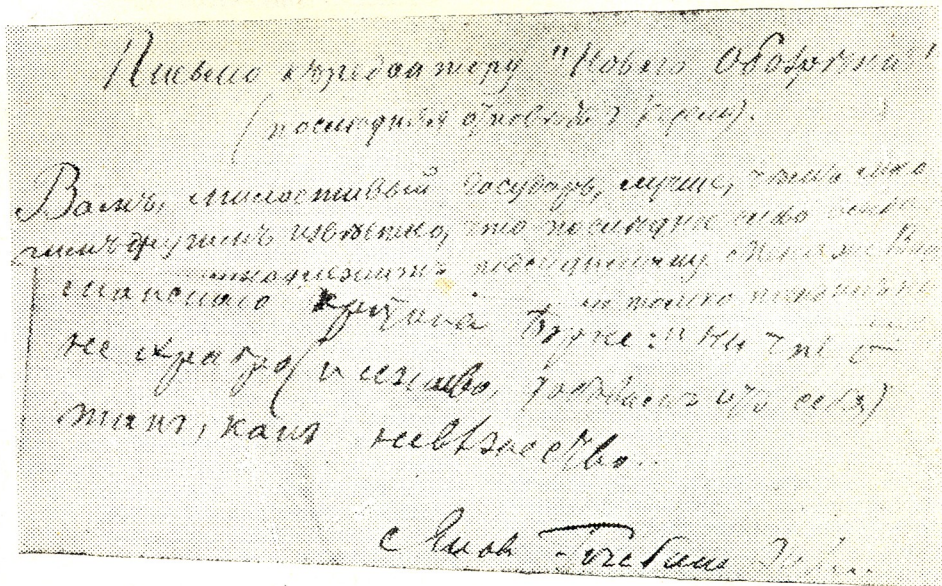
Подлинник статьи Я. Гогобашвили хранится в фонде рукописей Грузинского государственного литературного музея (№ 16991). Текст ее, приведенный ниже, публикуется впервые.

Письмо к редактору „Нового обозрения“

(ПОСЛЕДНЯЯ ОТПОВЕДЬ Г. КЕЗЕЛИ)

Вам, милостивый государь, лучше, чем многим другим, известно, что последнее слово всегда и везде принадлежит подсудимому. Меня же Ваш храбрый сотрудник г. Кезели не только посадил на скамью подсудимых, но и пропел отходную, по его отменному скромному сознанию. Ввиду этого я позволяю себе надеяться, что Вы предоставите мне возможность сказать читателям Вашей газеты напоследок несколько слов не для

вые и совершенно неискренние уверения имели отношение только до моей личности, то я, быть может, и вовсе отказался бы от этой последней отповеди. К сожалению, это не так. Когда таким безцеремонным образом охаваются книги, бывшие долгое время почти единственным руководством по изучению родного языка и литературы, то набрасывается тень на нечто неизмеримо высшее, чем репутация отдельного лица. В уме читателя

полемических целей (где уже отпетому человеку полемизировать!), но для некоторых необходимых изобличений. Одно обстоятельство еще более увенчивает эту мою надежду на ваше безпристрастие. В своих двух чисто фактических опровержениях я строго держался в тесных пределах поднятого конкретного вопроса: г. Кезели же в своих трех дерзких нападениях вышел далеко за границы частного спора и наговорил обо мне и о моих книгах все, что подсказывали ему злоба и раздражение. Он нахально обозвал не только «Юна», но и все наши книги бездарными компиляциями, безтолковыми переводами. Если бы его жи-

само собою складывается, благодаря целому ряду аналогичных охаваний всего грузинского, невыгодное представление о народности, не могшей, между прочим, выставить на поприще народного образования из среды себя, в один из горячих периодов своего существования, никого, кроме плохого переводчика. Статься может, что кому-нибудь весьма приятно и выгодно, пользуясь бессмысленною злобою г. Кезели против «родного гнезда», из которого он был изгнан с позором, систематически содействовать установлению в обществе такого взгляда на главную народность Кавказа, но он, этот взгляд, безусловно, несправедлив и ему

ни в каком случае не может благоприятствовать редакция такой газеты, как «Новое обозрение». Вот почему я прошу, требую последнего слова.

Из всех Кавказских народов наибольшим контингентом специально подготовленных учителей обладают грузины. Между этими специалистами немало даровитых, опытных и образованных педагогов. Если бы мои книги хотя бы наполовину были такими, какими их представляет г. Кезели, то оне давным давно были бы заменены другими, несравненно более лучшими. Это непременно случилось бы тем скорее, что мое положение на педагогическом поприще всегда было, есть и, надеюсь, будет безусловно антимонопольное, если можно так выразиться.

Мой противник ссылается на отзыв г. Николадзе¹, который действительно назвал мои книги «по большей части неудовлетворительными переводами», а не безтолковыми, как переиначил [правильность] г. Кезели. Но всем у нас прекрасно известно, какую веру следует давать словам этого эксредактора, подсказаным ему сильною личною злобою. А что в резких отзывах г. Николадзе обо мне и о моих книгах личное раздражение служило альфою и омегою, этому доказательством служит, между прочим, его статья: «Кувшинский и Семинарские порядки», в которой он высказал обо мне и моих товарищах диаметральный противоположный взгляд последующим своим отзывам. Да и помимо того, что за компетентный судья г. Николадзе в вопросах педагогических и знании грузинского языка! Даже единственное конкретное указание, сделанное им для какого-либо фактического подкрепления своих общих фраз, было совершенно неосновательно. «Синий козел» есть продукт его воображения, придуманный им для целей фельетонного зубоскальства и моя книга в этом открытии не виновата ни душою, ни телом. Серый козел, серый бык, серая лошадь не иначе переводятся на грузинский язык как: ლურჯი ოხა, ლურჯი ხარი, ლურჯი ცხენი.

Г-н Николадзе отлично показал точность и правильность нашего выражения, но ему нужно было выбрать наши книги, и, не найдя к чему придраться, не поцеремонился испортить одну нашу фразу перед русскою публикою, лишнюю возможность изобличить его в явной переделке, по незнанию грузинского языка. Впоследствии г. Николадзе видимо чувствовал свою неправоту и, желая загладить сколько-нибудь свою вину,

стал довольно не кстати выставлять перед публикою наше безкорыстие.

Впрочем,.. мы никогда и никому не уступали в признании за г. Николадзе большой литературной талантливости...

Г-н Кезели, крыловской подобно лягушке, стараясь изобразить из себя маленького г. Николадзе, оказывал ему такую же медвежью услугу, какую оказал бы своему барину невежественный лакей, усвоивший себе некоторые недостатки его, возмнивший о себе много и корчащий из себя двойника своего барина.

Да, злоба плохой советник в делах истины и справедливости и часто заставляет говорить вопиющую неправду. В данном случае она побуждает называть дэда эна и бунебис кари переводами, тогда как всем сколько-нибудь знакомым с этими книгами хорошо известно, что три четверти первой книги заняты чисто грузинским содержанием, а во второй книге переводы занимают лишь одну осмую часть.

Голословному, чисто отрицательному суждению лиц, совершенно некомпетентных, к тому же говорящих не искренно, я могу противопоставить ряд отзывов авторитетных учреждений и лиц. Я бы с удовольствием избрал другой путь защиты от лживых изобличений, но я этого не могу сделать по голословности нападков, главным же образом потому, что русская публика лишена возможности проверять основательность наших собственных суждений и возражений на самих книгах.

После долговременного употребления моих книг учителями в школах и одобрения съездами учительскими, местное учебное начальство года четыре тому назад послало мои учебники (без моего ведома) в министерство народного просвещения. Учебный комитет, по рассмотрению их специалистом профессором Петербургского Университета, давшим об них самый лестный отзыв, удостоил их высшей степени одобрения, а именно **рекомендовал** как классное руководство (циркуляр Кавказского учебного Округа за 1880 г. № 12). Такой же точно отзыв был дан в газете «Кавказ» в обширной статье, принадлежащей одному из самых опытных и способных преподавателей Александровского учительского Института, преподающему, кроме других предметов и грузинский язык в разных учебных заведениях, следовательно, имеющему полную возможность верно судить об употребляемых им руководствах и с теоретической и практической точки зрения (Кавказ 1849 г., июль)¹. Далее, редакция бывшего журнала **Кребули**, состоявшая из интеллигентнейших

¹ Речь идет о статье Н. Николадзе «Грузинская апатия (Элегия в прозе)», которая была опубликована в газете «Обзор», 1879 г., № 399.

¹ Ошибочно указан 1849 г. Должен быть 1879 г.

грузин, в числе которых были и образованные педагоги, рассмотрев, при первом издании нашу книгу «Кона», нашла ее настолько удовлетворительно составленной, что присудила двухсотрублевую премию. Затем недавно один из лучших грузинских литераторов г. Урбнели в этнографическом очерке Тионети, констатируя факт распространения монах книг среди народа говорит: «если у пшавца в его сумке лежит Дэда-Эна и Бунбис-кари, то он счастлив. Смело можно сказать, что Гогebaшвили ни в одном уголке Грузии не пользуется таким уважением и почетом, как здесь среди пшавцев» («Дрозба», 1884 г. № 241).

Согласитесь сами, что переводы, да еще безтолковые, не могли бы сделаться достоянием народа, тем более, что не мало талантливых произведений грузинских поэтов и литераторов пущено в народное обращение в виде книг и брошюр. Наконец, наши сколько-нибудь принципиальные противники видят в наших книгах далеко не то, чем их усиливается выставить г. Кезели. Так, например, г. Курдгелашвили, которого г. Кезели выдает за Утургаури, назвал наши книги плодом «Святого и высокого призвания» («Дрозба», 1874 г. № 17), чего он, конечно, не мог бы сделать, если бы рядом с неизбежными недостатками, охотно нами самими признаваемыми во всех предисловиях, не видел бы и существенных достоинств.

В конце своей уверенной статейки г. Кезели по поводу одной географической опечатки в моей книге, не имевшей места в первых двух изданиях, не поцеремонился бросить тень и на мою учительскую деятельность и, с свойственною ему правдивостью, выставить меня, после одиннадцатилетнего преподавания географии, не могущим отличить востока от запада. Я мог бы изоблачить его и здесь печатными отзывами бывших моих учеников, столичного ревизора специалиста, наконец, Министра народного просвещения и обер-прокурора Свят. Синода, во всеподданнейшем отчете за 1872 год (стр. 115), отзывавшегося о моей учительской и смотрительской деятельности с большою похвалою, но я считаю лишним распространяться о себе, а скажу только г. Кезели: да будет Вам стыдно!

Люди такого пошиба, как г. Кезели, большие охотники до наглого охаивания чужих трудов, чужой деятельности; но когда дело доходит до чего-либо положительного, то оказываются не способными написать не только книжку, но и сколько-нибудь правильную, правдивую газетную статейку. Желая скрыть от глаз публики свое собственное невеже-

ство, феноменальную свою безсодержательность, они дерзко приписывают свои недостатки другим и этим становятся в глазах всякого разумного читателя такими же смешными, как смешна была свинья, с высоты своего свиного величия трактовавшая о кривизне ног и грубости шерсти лошади. Впрочем эти мелко-травчатые собакевичи иногда занимают и восхвалениями, но лишь таких лиц, которые стоят еще ниже их по пустоте, невежеству и нравственной низменности и которые лакейничают перед ними также, как они сами унижаются перед теми, от которых ожидают каких-либо милостей. Г-н Кезели за несколько месяцев перед этим редактора Нобати г. Гуладзе обзывал последним глупцом, не могущим сообразить, что обязательность обучения при первом грузинском царе Фарнаозе — бессмыслица, теперь же, когда **поступил к нему на полное содержание**, распинается за него с лживостью безстыдного, продажного аблоката. Вообще лакейская угодливость по отношению к одним лицам, лакейское покровительство по отношению к другим и лакейская грубость по отношению к третьим, — вот на что только способны субъекты кезелевского покроя и чем исчерпывается вся их жизнь и деятельность. По этому самому всякая похвала таких лиц для хвалимого лица является позором, ругань же может только приносить честь и лицу и убеждению.

В заключение прошу извинения перед читающею публикою, что я, дорожа общественным мнением, как единственною опорой для всякой независимой общественной деятельности, вынужден был занять ее внимание таким неинтересным предметом, как изобличение лживых измышлений г. Кезели.

Не имея за душою ничего продуманного и прочувствованного, он чисто с башибузукскою развязанностью выезжал на словоизвержениях и приемах, ничего общего не имеющих с логикою, истинною, справедливою, причем уличенный в одних лживых уверениях, он нагло выступал с новыми еще более лживыми уверениями. С таким противником спорить нет никакой возможности. Поэтому публика может быть вполне убеждена, что мы впредь будем относиться к его писаниям столь же презрительно молчаливым, которое по отношению к нему другими принято за правило.

Г-н Кезели, много раз оправдав на себе, не раз оправдает и в будущем классическое выражение знаменитого германского критика Берке: «ничто не храбро (и лживо, добавим от себя) так, как невежество...»

Яков ГОГЕБАШВИЛИ

Софья Гвелесиани

Конфликт и бесконфликтность

Тяжелые неудачи грузинской кинематографии последнего времени особенно заметны и достойны сожаления на общем фоне подъема советской кинематографии в целом, подъема, с бесспорной наглядностью заявившего о себе в фильмах «Девять дней одного года», «А если это любовь?», «Когда деревья были большими», «Иваново детство» (названы лучшие фильмы нынешнего года да и то не все).

Успех этих кинокартин (и провал других) еще раз подтвердил ту простую истину, что подлинная художественная ценность фильма в весьма значительной степени определена уровнем его литературного первоисточника. Обоснованно, горячо и много раз об этом говорилось с трибун различных совещаний и конференций, где ораторы упрекали Тбилисскую киностудию за то, что в качестве авторов киносценариев подвизаются там люди, далекие от литературы и главным образом от жизни, которую они пытаются «отобразить».

Теперь студия «Грузия-фильм» заключает один за другим договоры с писателями, преимущественно молодыми, написание сценариев для фильмов. Между студией и Союзом

писателей возникает атмосфера взаимопонимания.

Писатели пишут сценарии, и замыслы многих из них интересны. Прочность союза литературы и кино будет зависеть, по-видимому, от многих причин. Одна из них, мне кажется, достойна обсуждения...

Мы пишем и говорим: фильм режиссера такого-то. За последнее время эту фразу можно услышать и в обогащенном варианте — с прибавлением фамилии сценариста. Но что это меняет в судьбе сценария?

Сценарий, до того как режиссер возьмет его к себе в «собственность», проходит испытание чтением. В данном случае для меня неважно, обладают ли «инстанции», через которые он проходит, правом решающего или только совещательного голоса. Народная поговорка справедливо утверждает: сколько голов, столько и умов. И чем больше голов, тем больше различных и зачастую противоречивых советов (и указаний тоже) получает автор сценария. Сколько разных умов, сердец и характеров отпечатывается на еще не родившемся кинематографическом дитяти! Удивительно ли, что в результате различных обсуждений удаляется оригинальность, сглаживается острота и остается нечто серое, какое-то среднее арифметическое судеб и характеров, то привычное, против которого никто и ничего не возразил. Я не хочу вспоминать здесь о том, «как создавался Робинзон», я хочу напомнить о том,

Продолжаем обсуждение вопросов грузинской кинематографии, поднятое в статье К. Церетели «Заметки о грузинской кинематографии», опубликованной в журнале «Литературная Грузия» №4, 1962 г.

что в дальнейшем автор сам начинает сглаживать яркое и спорное, оставляя то, что бесспорно, что «проверено» уже в других картинах. В этом главная опасность «соавторства», пусть даже и не отраженного в бухгалтерских ведомостях.

Вмешательство в работу сценариста (и режиссера) объясняют, обычно, двумя причинами: желанием помочь сделать им хороший фильм, во-первых, и тем, что такой контроль необходим, ибо производство фильма — процесс сложный, связанный с большими материальными затратами. Но, товарищи, ведь не помогает это. Разве фильм «Жених без диплома» и все те, что определили нынешнее печальное положение грузинской кинематографии, были вне контроля и обсуждений? Нет...

Создается парадоксальное на первый взгляд положение: чем больше обсуждений, которые должны «повысить качество», тем хуже качество.

То, что сказано о сценаристе, может быть повторено применительно и к режиссеру. Еще не полностью отснятый, не смонтированный, не озвученный фильм можно уподобить не родившемуся ребенку. Не судите о нем...

На состоявшемся недавно в Москве семинаре журналистов Григорий Чухрай очень взволнованно говорил о том, от каких посягательств «доброжелателей», своих же коллег — кинематографистов, ему буквально с боем приходилось отстаивать свою «Балладу о солдате», получившую, кстати, в те дни двадцать пятую международную премию. Вот не полный перечень того, что ему предлагали сделать: выкинуть эпизод, в котором отъезжающему с фронта Алеше солдаты дают мыло для передачи в тыл (во-первых, мыло казенное, и передавать его нельзя, во-вторых, что же, сами, значит, солдаты наши грязные будут ходить?); выкинуть эпизод, где Алеша дает консервы солдату, охраняющему состав, чтобы он не согнал девушку (значит, он дает взятку и авторы фильма это одобряют); нельзя показывать жену, изменившую мужу; Алеша должен остаться в живых и т. д. Что осталось бы от «Баллады о солдате», прими Чухрай эти замечания? Очередной средненький фильм о войне. Чухрай отстоял свой фильм. Но не все это умеют.

Так что же, могут задать мне вопрос, вы против обсуждений? Да, я против обязательных обсуждений. Пусть сценарист и режиссер советуются с теми, с кем они хотят. Мы доверяем писателю (хотя книга нередко приносит убыток), почему мы не хотим так же доверять тому же писателю, когда он выступает в качестве сценариста, или режиссеру (хотя фильм, как правило, не бывает убыточным) — людям, известным обществу своими идейно-художественными устремлениями, партийностью, чувством гражданской ответственности.

Больше доверяя режиссеру и съемочной группе в целом. Пусть они полностью отвечают за свою «продукцию» — фильм, пусть ответственность ложится на их плечи! Много спрашивать можно с того, кому дано много прав.

Кино, в отличие от других искусств (кроме театра), искусство коллективное. На писателе, композиторе, художнике не лежат организаторские функции, они творят соло. Режиссер (кино и театр) не только художник-творец, он и руководитель, он и организатор, умеющий подчинить себе, или, что лучше и вернее, объединить вокруг себя коллектив. Для того, чтобы фильм получился, все те очень разные люди, которых называют участниками съемочной группы, должны стать коллективом единомышленников. Процесс сплочения начинают двое, он начинается с момента, когда режиссер выбирает сценарий, и заканчивается к моменту выпуска фильма на экран.

Так что же, спустя автора статьи, вы только за внутри-съемочно-групповое общение?

Ни в коем случае. Творческое общение должно вестись вокруг всего того принципиально нового, что дает советское и мировое кино. Это общение, в чем бы оно ни выражалось — товарищеских дискуссиях, специальных заседаниях «по вопросу» или еще в каких-либо других формах, должно помочь **повысить классность грузинского кино**. Я позволила себе говорить именно о классности грузинского кино потому, что подлинные, большие удачи были давно, а все продолжающиеся неудачи, так печально увенчавшиеся «Женихом без диплома», достигли того числа, той степе-

ни, при которой количество превращается в качество.

В этом необходимом деле, по-моему, многое будет зависеть от Союза кинематографистов. Пока что, как известно, бездействовали все его творческие секции, кроме... кинолюбительской.

Кино сейчас наиболее массовое из искусств. Фильмов выпускают много — у нас и за рубежом. Появилась новая кинематография — стран, освобожденных от колониальной зависимости. Изменился критерий. Изменился и меняется язык кинематографа. Зрители смотрят, сравнивают, спорят. То же делают и кинематографисты... Все умное, яркое, новое — все интересное должно давать толчок их собственному творчеству. Поиски нового содержания, новых средств кинематографической выразительности теперь особенно тесно связаны с именами Тенгиза Абуладзе, Реваза Чхеидзе. Мне хотелось бы назвать в связи с этим и автора фильма «Под одним небом» Лану Гогоберидзе и автора лиричной, искренней и беспретенциозной короткометражки «Поезд идет» Нану Мchedлидзе. Определенными поисками характеризуется творчество и других молодых, и всем известных мастеров старшего поколения. Но нередко содержание фильма вступает в спор, а то и просто во враждебные отношения с изобразительным решением (почему, кстати, Союзу кинематографистов не сделать эту тему предметом обсуждения?). И зритель, тот самый зритель, который великолепно разбирается в том, что же такое хорошо и что — плохо, перестает верить фильму.

* * *

Итак, разговор велся о конфликтах организационно-творческих. Мне бы хотелось перевести его теперь в другую плоскость...

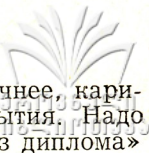
В открывшей дискуссии статье Керы Церетели и продолжившей ее статье Акакия Баградзе много писалось о фильме «Клад». Я хочу остановиться на других фильмах. Права Церетели, когда пишет о том, что художественная ценность кинопроизведения в первую очередь определяется глубиной постижения и воплощения в нем человеческих характеров. И тем, добавлю я, уточняя эту мысль,

как выдерживает испытание правдой конфликт и обстоятельства, в которых взаимодействуют герои.

Вот «Добрые люди» опытного мастера Шота Манагадзе. Картина эта имела определенный успех и некоторыми критиками была причислена к беспспорным удачам грузинского кино. Можно ли с этим согласиться? Да, в «Добрых людях» многое интересно, но представляются сомнительными моральные ценности, утверждаемые фильмом, к тому же, если судить по большому счету, в нем нет глубинного показа характеров. Более того, характеры детей (в экспозиции фильма) даны более выпукло, нежели в основной его части, где действуют те же герои, только повзрослевшие на десяток лет. Характеры выявляются в противоборстве, в конфликте. Мнимая многозначительность, немотивированность конфликта сделали этот фильм обыкновенной иллюстрацией, картинкой из жизни на заданную тему.

...Война. Подростки расстаются. Через много лет они встречаются в Рустави. Он — одинок, она — замужем. Вспыхивает любовь. И, по тому как ведут себя герои, нетрудно догадаться, что это чувство — большое и сильное. И все же они не позволяют себе любить друг друга. Они, утверждают авторы фильма, поняли, что им нужно расстаться. После этого нам предлагают полюбоваться благородством мужа, догадывавшегося о чувстве своей жены, но в высшей степени по-джентльменски ничем не показавшего ей этого. В самом деле, почему бы не так. Ведь «ничего особенного» не произошло. Есть сильное чувство, огромное влечение друг к другу (надо отдать справедливость актерам и оператору, великолепно снявшему эпизод их встречи на заводе), но все это — «ничего». Особенное — это другое.

По-видимому, авторы фильма все-таки предлагают зрителям восхищаться своими героями. Но, собственно, чем тут восхищаться? Их большая любовь — продолжение пусть детского, но искреннего чувства. Если это не так, если все это — легкое увлечение, то к чему этот высокий накал чувств, драматизм переживаний. Если все же это любовь, во имя чего растаптывают герои свое чувство?

Правда, героиня замужем, а муж ее — близкий друг героя. Но эти факты не убеждают нас в высокой морали героев, в особенности героини и ее мужа. И мы начинаем сомневаться то ли в благородстве побудительных причин, движущих ее поступками, то ли — и это вернее всего — в праве этих героев занимать центральное место в фильме, посвященном современности. В фильме — традиционный треугольник с конфликтом, решенным в духе вежозаветной морали. И если это принять всерьез, то, пожалуй, не остается ничего иного, как немедленно идти и бить камнями не столь высоко сознательную Анну Каренину. И еще надо подумывать: не осудить ли хорошенько тех из ныне живущих — от мхатовцев до сельской учительницы литературы, кто эту самую Анну оправдывает, и считает ее еще и жертвой.

Могут сказать: «случай взят из жизни», бывает и так. Это верно. Очень может быть, что решение героев расстаться при какой-то определенной ситуации — правильное. Но в фильме это не доказано и не показано. И, по-видимому, потому, что здесь действовала предвзятая схема, что за пределами фильма остались человеческие характеры.

О героине мы узнаем, что она... Собственно, мы ничего не узнаем о ней, кроме того, что это милая, красивая и со вкусом женщина, и, кажется, еще хорошая хозяйка. Но черты ли это характера? Герой — хороший инженер, изобретатель, приятный человек. Игра актера О. Мегвинет-Ухуцеси позволяет нам догадываться и о богатом и сложном духовном мире этого героя, но раскрыть его он не может, потому что нет для этого основания в сценарии.

Глубина постижения и воплощения характеров обязательна, надо думать, и для комедийного фильма. Я хочу вспомнить здесь о «Женихе без диплома». В этом фильме идея потонула в потоке дешевых «комедийных» ситуаций, вульгарных шуток, псевдонародного юмора, в котором поступками «героев» управляла рука режиссера, оказавшегося на этот раз крайне снисходительным ко всему тому, что, казалось ему, способно вызвать смех из зрителей. Здесь действовали схемы,

схемы, схемы или, еще точнее, карикатуры на людей и события. Надо надеяться, что «Жених без диплома» не будет иметь наследников, пожелавших стать продолжателями его традиций. Появление такого фильма, надо думать, чрезвычайное событие (а ведь сколько обсуждали сценарий и снятый материал!) И если я заговорила о нем в статье, посвященной общим проблемам грузинского кино, то только потому, что фильм этот воспринимается как самый тяжкий результат невнимания, а подчас и пренебрежения к жизненной правде, к правде показываемых в наших фильмах людских характеров.

«Надоели дураки на экране», — с такой или приблизительно с такой фразы начал свою восторженную рецензию в «Известиях» на фильм «Девять дней одного года» Аграновский. «Нужна кинематография интеллекта», — восклицает в своей статье в «Литературной Грузии» Акакий Бакрадзе.

Все правда. И дураки надоели. И действительно давно пора показывать на экране людей мыслящих. **Все правда**, да не **вся** правда в этом. И я уже сейчас начинаю бояться, что любители «кампаний» и легких рецептов, кинодрамодельщики начнут вкладывать в уста своих героев претенциозные рассуждения, должествующие засвидетельствовать интеллект героя, окрашенный легким юмором и умеренным скепсисом.

Страшно, очень страшно, когда искусство делается по рецепту... Раньше привилегия мыслить на экране предоставлялась преимущественно людям выдающегося таланта или героям произведений классической литературы. Между тем **мыслят** все или, скажем так, почти все. В этом умении передать индивидуальное в человеке, способность его думать самостоятельно, иметь свою точку зрения на явления жизни — привлекательная черта лучших — и наших и зарубежных фильмов.

В чем же все-таки **вся правда**? Да **в правде жизни**. Вглядываться, вдумываться, видеть жизнь. Не надо выдумывать умных людей. Они обыкновенные, но мыслящие люди, такие, как и люди большого интеллекта — здесь, рядом с нами.

Подписано к печати 24 июля 1962 г. 6 печ. листов

Формат бумаги 70×108^{1/2} мм.

Тираж 2700

Зак. № 947

УД 05014

Цена 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

6⁵⁷/282

ЦЕНА 40 К.

